

1-11

У Е Д И Н Е Н Н О Е
Б О Г О М Ы С Л І Е ,

И Л И
Н А С Т А В Л Е Н І Я
Х Р І С Т І А Н С К О Й П Р Е М У Д Р О С Т И ,

В О С К Р И Л Я Ю Щ І Я

Д У Ш У

К Ъ

С Е Л Е Н І Я М Ъ Н Е Б Е С Н Ы М Ъ

160253

Ч а с т ь I .

Перевелъ съ иностраннаго бывшій Пагкрашѣв-
скій Діаконъ, а нынѣ Никитскій, что за
Яузой, Священникъ Иванъ Михайловъ.

Съ одобренія Московской цензуры.

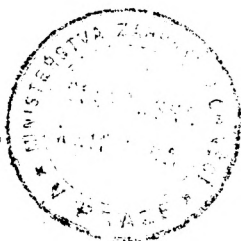
М О С К В А ,

Въ Университетской Типографіи
у Ридигера и Клаудія, 1798.

С. 748

И полюду, и почію.

Пс. LIV. см. 7.

СВЯТѢЙШАГО
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СВНОДА
Ч Л Е Н У ,

ВЕЛИКОМУ ГОСПОДИНУ
ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ
ПЛАТОНУ,

МИТРОПОЛИТУ
МОСКОВСКОМУ и КАЛУЖСКОМУ
и
СВЯТО-ТРОИЦКІЯ СЕРГІЕВЫ ЛАВРЫ
СВЯЩЕННО-АРХИМАНДРИТУ,

О Р Д Е Н О В Ъ

*Святаго Андрея Первозваннаго и
Святаго Александра Невскаго*
КАВАЛЕРУ ,

МИЛОСТИВѢЙШЕМУ ОЦУ
и
АРХИПАСТЫРЮ
усерднѣйшее приношеніе.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ
ВЛАДЫКО!

МИЛОСТИВѢЙШІЙ АРХИПАСТЫРЬ
и ОТЕЦЬ!

Образъ жизни Вашея показуетъ, что для воскриленія души къ селеніямъ Небеснымъ нѣтъ надежнѣйшаго средства, какъ Уединенное Богомысліе. Собразно убо Святости житія Вашего покушаюсь я посвятить Вамъ новый плодъ трудовъ моихъ : Уединенное Богомысліе. Мала жертва ; но недостатокъ оныя допояняетъ усердіе , а паче , уловаю , допоянитъ избытокъ Вашея мудрости и великодушія.

Не лишите, милостивѣйшій Архипастырь ! начатокъ прино-

шенія сего благосклоннаго своего
пріятія. Тако ревнующіе о угож-
деніи Вамѣ посильными исто-
щаньми для благоуслѣшнаго
совершенія недокончаннаго окры-
латѣютьъ яко орли; и - будучи
ободрены Вашимѣ снисхождені-
емѣ потекутъъ веселящеся къ
намѣренному; потекутъъ и не
утруждаются.

ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА,

МИЛОСТИВѢЙШАГО ОТЦА

и АРХИПАСТЫРЯ

нижайшій послушникъ
Священникъ *Иванъ Михайловъ.*

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ

Чишашель!

Много въ свѣшѣ набожныхъ сочиненій; сочиненій, въ которыхъ помѣщены многія духовныя наставленія: но нѣтъ, или мало такихъ, въ которыхъ бы объ одной матеріи собраны были многія различныя сужденія; а сія переведенная книжка и другія ея части точно такого вида.

Здѣсь важнѣйшія и полезныя Христіанскія истины изображены сколь основательно и убѣдительно, не менѣе связно и чувствительно. Здѣсь наблюдается красота и пріятность словесности, да не опущена также сокровенность мыслей, сокровенность самая проглательная и приспособленная каждаго понятію. Здѣсь спасительныя наставленія, просвѣщающія разумъ и образующія сердце истымъ благочестіемъ такъ

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

совокуплены, что не лзя ожидать, дабы онѣ любителя чистой нравственности не могли захопиться къ ревности о внутреннемъ совершенствѣ.

Если, хотя въ нѣкоторыхъ и нѣкоторыя по проченіи сея книги возродятся набожныя чувства, а отъ чувствій возрастетъ святость жизни: то дѣло попрудившаго издать оную въ свѣтъ лучше сего возмездія ни чѣмъ не можетъ быть награждено.

ПОКАЗАНІЕ НАСТАВЛЕНІЙ

въ сей Части содержащихся.

	Спраи.
НАСТАВ. I. О служеніи Богу.	- 1
----- II. — благодсти Божіей.	- 9
----- III. — мірѣ.	- 18
----- IV. — приверженности къ міру.	- 27
----- V. — совѣсти.	- 35
----- VI. — мугеніяхъ совѣсти.	- 42
----- VII. — выгодахъ Вѣры.	- 50
----- VIII. — обѣтахъ нашихъ Вѣрѣ.	60
----- IX. — Промыслѣ.	- 69
----- X. — дѣйствии Промысла.	77
----- XI. — величествѣ безсмертія.	89
----- XII. — выгодахъ безсмертія.	98
----- XIII. — превосходствѣ и до- стоинствѣ Хрістіанина.	106
----- XIV. — должностяхъ и обязан- ностяхъ Хрістіанскихъ.	115
----- XV. — избѣжаніи грѣха.	- 126
----- XVI. — средствахъ, предохра- няющихъ отъ грѣха.	- 158

НАСТА-

ПОКАЗАНИЕ

	Стран.
НАСТАВ. XVІІ. О прѣготовленіи ко смерти. - - -	147
----- XVІІІ. — сикѡ словахѡ Ал. Пав- ла; по вся дни умираю.	155
----- XIX. — частномѡ судѣ грѣш- ника. - - -	164
----- XX. — седми важнѣйшихѡ пунктахѡ осужденія на- шего. - - -	170
----- XXI. — адѣ. - - -	181
----- XXII. — справедливости свѣ- ныхѡ мукѡ. - - -	191

УЕДИНЕННОЕ БОГОМЫСЛІЕ,

ИЛИ

НАСТАВЛЕНІЯ ХРИСТІАНСКОЙ ПРЕМУДРОСТИ.

НАСТАВЛЕНІЕ I

О

Служеніи Богу.

Какое размышленіе прочихъ основательнѣе и усладительнѣе для вѣрующихъ? Не сіе ли, чпсбѣ, служа Богу, всѣ были увѣрены, чпо они служатъ высочайшему и лучшему Начальнику? — Подлинно оно составляетъ для насъ *необинновенный залогъ* служить Господу съ ненарушимою вѣрносцію и съ благочестнымъ веселіемъ.

Въ свѣтѣ много надъ нами начальниковъ; ибо много въ свѣтѣ людей великихъ, щаспливцевъ вѣка, Князей; . . . симъ различнымъ начальникамъ служатъ и за щастіе еще счи-

Часть I.

А

таютъ

падутъ служить имъ: но въ самой сущности что они значатъ? — Люди великіе всѣ ли лично велики? — Люди богатые что составляютъ безъ своихъ сокровищъ и безъ своего обилія? — Вельможи, не смотря на поверхнюю ихъ блистательность, не открываютъ ли намъ часто великихъ слабостей? По сему одинъ только Богъ есть истинно всѣхъ вышшій начальникъ во вселенной; онъ только одинъ достоинъ быть Господемъ міра; ибо онъ только можетъ носить на себѣ и не ослабить сіе великое имя. Всѣ другіе власи слабы, недостаточно, несовершенны; а по сему нѣтъ, кпобы изъ нихъ не имѣлъ надъ собою другаго начальника; и — еслили не на землѣ, то непременно на небеси всѣ должны тому повиноваться, иже единъ превыше всѣхъ царствуетъ, всѣми правитъ, и всяческая подъ ноги свои покоряетъ.

Сему-то Верховному Господу жертвовать всѣми служеніями духа и сердца своего мы обязаны почианъ себѣ за славу; для сего-то мы посланы на землѣ: ибо съ самой первой минушы созданія нашего вѣдрены на скрижалѣхъ дыханія и движенія каждаго человека сіи великія словеса: *Господу Богу*
тво-

твоему поклонишися. Вышняго боготвори, и тому единому предпочпительно работай, и тому единому послужиши. (*) И такъ съ перваго возрѣнїя нашего на свѣтъ Богъ какъ бы запечаталъ насъ своею печатью на служеніе въ славу его. Священное обязательство сіе отъ зачатїя нашего возрастаетъ въ насъ болѣе и болѣе, изъ возраста въ возрастъ спановишся нужнѣе, словомъ; оно столько же намъ свойственно, какъ бышїе, столько же къ намъ близко, какъ жизнь; столько же древне, какъ наше начало и столько же должно бытъ нескончаемо, какъ наше безсмертїе.

Кромѣ сего естѣственнойго обязательства, обязательства износимаго нами въ свѣтъ при исхожденїи изъ упробы матернїя, есть еще обязательство другое, обязательство завѣщное, самопроизвольное, а по сему перваго важнѣйшее. Оно состоитъ въ памятованїи и въ соблюденїи клятвъ, данныхъ нами Богу *при Крещенїи*. — Вообразимъ: въ какой мы вступаемъ договоръ съ Создателемъ при исполненїи сего таинства? Не въ сей ли, что какъ скоро выйдимъ изъ купели; по

А Ѳ

-мы

(*) Матт. IV. 10.

мы уже не свои, а Господни? и — Богъ каждому изъ насъ особенно можетъ глаголати: „ты не себѣ, а мнѣ при-, надлежишь. — Подлинно! лишь только мы опродимся водою и духомъ; съ сего времени мы уже чада Божіи бываемъ, а не дѣши человѣческіи; съ сего времени нѣтъ для насъ вышшаго достоинства, какъ сохраняя залоги опрожденія и почипая лучше всѣхъ типло *вѣрнаго служителя Божія*. — Достоинство славное; ибо оно швореніе малостоящее уравниваетъ частію существу всѣхъ высочайшему. — Достоинство очень высокое; ибо оно превозноситъ насъ выше міра и себя самихъ. — Достоинство первѣйшее предъ всѣми; ибо мы его должны почипая за душу нашихъ помышленій, за причину нашихъ дѣяній, за правило всея нашей жизни. — Достоинство шакое, которое, еспли понимаемъ цѣну его, должны всегда имѣть предъ своими очами, всегда представлять въ разумѣ, чувствовашъ въ сердцѣ, всегда находить его обязаны въ прочихъ должностяхъ, предпочишая всякому служенію человѣческому и — еспли нужно, жершвуя ему всѣми временными достоинствами.

Таковы были чувствованія Пророка Іоны! Богъ посылаетъ его въ Ниневію,

вію; онъ поспѣшною ногою вступаеѣтъ въ корабль и плывеѣтъ въ опредѣленное мѣсто; наспуаеѣтъ буря, погибающіи моляѣтся; Іона спитъ. Сія видимаа безпечность побудила, чтоѣтъ кормчій разбудилъ истиннаго праведника, разбудилъ и спросилъ его: „кто ты пакой? за чемъ? откуда, и въ какую страну отпрааляеѣшься? *Отъ кїихъ людей еси ты? что твоє дѣланїє естъ? откуда грядеѣшь, и камо идеши (*)?* — Я служитель Божїи, — раѣтъ Гослодень есмь азъ, отвѣчаеѣтъ пробужденный Іона. — Спраанне глаголы Пророка! ему предложены чеѣтыре вопроса; а онъ даеѣтъ одинъ только отвѣпъ и думаеѣтъ онымъ въ разсужденїи всего удовольствоватъ. — *Раѣтъ Гослодень есмь азъ!* все мое званїє, качество, должность состояпъ единственнo въ сеѣъ достоинствѣ, что я слуга Божїи. Благороднѣйшія чувствованїя! сколь много онъ приличествуюѣтъ вѣрному Хрїспїанину! — *Я раѣтъ Божїи*; вотъ наше имя, наше проименованїє; наше достоинство, наша надежда! Другїє пусть домогаются снискаѣтъ сеѣъ громкую фамилію, пышныя шипла, — между

А 3

людь-

(*) Іоны. I. 9.

людьми пусть одни будутъ называющъ ся великими, богатыми, сильными, — другіе героями, побѣдителями, завоевателями; мы имъ не завидуемъ; или не должны завидовать: ибо для Хрістіанина нѣтъ лучшаго званія и чести, кромѣ: *азъ рабъ Божій*. Дальновидные и предприимчивые міролюбцы пусть только и мечтають о своемъ высокомѣри, щасіи, могуществѣ: но для насъ вся слава служимъ Богу, вся хвала почиаетъ Господа, все щасіе живи и окончатъ живомъ рабомъ Божиимъ.

Таково есть величество души, до котораго возвышаетъ насъ служеніе истинному Богу! и столь благородныя чувствованія, которыя оно вдыхаетъ въ сердце наше! Въ какомъ бы кшо ни былъ состояніи, всякой изъ насъ можетъ говорить: *азъ рабъ Божій*, говорить и чувствовать цѣну служенія сего. Будемъ мы весьма низки, или очень высоки, все равномѣрно можемъ воспекашь къ славѣ сей, все равномѣрно можемъ ублажать жребій сей спасительныя зависимости отъ Бога, зависимости все прочія дѣла наши освящающей и возвышающей.

Правда, — Хрістіанинъ долженъ служимъ и земнымъ начальникамъ;

камъ; ибо сего пребуесть отъ него благосостояніе общественное; но служеніе Богу поддерживаетъ служеніе человѣкомъ. Отець семейства любитъ маѣ своихъ, неусыпное о ихъ благополучіи имѣетъ стараніе, — заботы; но будучи ихъ главою, естли онъ вообразитъ, что на такой степени Богъ его поставилъ; по сему нѣжность чувствій своихъ онъ ко всѣмъ дѣтямъ будетъ имѣть равномерную, непогрѣшительную. Сынъ повинуется отцу своему; но почитая въ немъ образъ Отца Небеснаго онъ болѣе его боится и любитъ. Супруга послушная своему мужу; но въ лицѣ его усматривая жениха души своей, она старается жизнь свою вести цѣломудреннѣе. Рабъ покоренъ господину своему, это долготы его; но естли въ господинѣ своемъ онъ видитъ и почитаетъ невидимаго Господа; по всякой наложенной прудѣ кажется ему легче и награда усладительнѣе. Подданный служитъ своему Государю, сего пребуесть отъ него подчиненность: но воображая, что служа ему благоугождаетъ вмѣстѣ Царю царей; по сему онъ бываетъ нечуждѣннѣе, вѣрнѣе. Какія благородныя чувствованія! какое утѣшеніе изъ оныхъ происпекаетъ для душъ благо-

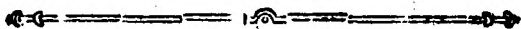
честивыхъ! какая слава для вѣрующихъ!

О когда бы всѣ знали, какому служашъ начальнику, служа Богу, какъ бы всѣ ему служили! Языкъ имѣлъ ли бы сполько выражений, духъ мыслей, сердце чувствованій, жизнь продолженія, сколько бы ими мы захотѣли ему пожертвовать! Съ какимъ стараніемъ, съ какою вѣрностію, съ какимъ ревнованіемъ, съ какимъ усердіемъ, съ какимъ жаромъ мы бы исполняли предъ нимъ служенія наши! Неусыпное *стараніе* употребляли бы на познаніе Священныхъ изволеній его, — непреборимую *вѣрность* на исполненіе оныхъ въ ту самую минушу, какъ скоро узнали бы ихъ, — особенное *ревнованіе* на обращеніе всѣхъ дѣлъ нашихъ во славу его, — примѣрное *усердіе* на предупрежденіе желаній Преподобнаго о насъ Промыслителя, — неугасимый *жаръ* на преодоленіе всѣхъ трудностей и препятствъ, встрѣчающихся при жертвованіи Богу служеніемъ нашимъ. Такъ ли доселѣ мы служили Господу? — или вмѣсто старанія, вѣрности и прочихъ благородныхъ чувствъ мы оказывали слабость, непоспоянство, нерадѣніе, хладнокровіе? Не должно ли стыдиться служенія сего?

Все-

Всеѣдче Боже! ты Преблагій нашъ начальникъ; но мы непопробнїи раби твои. — Велицїи мїра желаютъ, чѣтобъ имъ служили великїи же; а ты хощещи, чѣтобъ тебѣ работали праведнїи. По сему достоинству можемъ ли мы называться твоими служителями? Унижающїяся души! оставимъ наименованїе наше, или воспрїемемъ сообразныя Хрїстіанству чувствованїя; поспыдимся нашего поведенїя, или престанемъ нарицаться родомъ избраннымъ. Возвратимъ упущенїе свое приношенїемъ Богу новыхъ и усерднѣйшихъ жертвъ служенїя нашего.

Создашеть имѣетъ еще на землѣ вѣрныхъ и достойныхъ имени своего служителей; позавидуемъ ихъ благополучїю; пошщимся подражать ихъ примѣру.

НАСТАВЛЕНІЕ II

0

Благости Божїей.

Служа Богу своему мы служимъ изъ всѣхъ лучшему Начальнику; а по сему не должно ли намъ работать ему съ благочеснымъ веселїемъ?

А 5

Под-

Подлинно, ничто насъ ипакъ не побуждаетъ на дѣло сіе, какъ неизглаголаные испочники Божія къ намъ Благости. — Размыслимъ объ нихъ, и мы удивимся онымъ. Естьлиже доселѣ они утѣкали оупъ разума нашего; но оупъ нынѣ пустьъ вѣчно вѣдряшея въ сердцахъ нашихъ.

Но повергнувшись предъ лицемъ Божіимъ, и имѣя желаніе постигнути виды Благости его, попросимъ, чпобъ оупъ съ сея минушы и на всю жизнь не лишалъ насъ свѣща премудрости, открывающаго намъ во всемъ его величїи безконечное милосердіе.

Благость Божія изливаетъ на насъ неизчислимыя благодѣянїя. Богъ для того кажется боганъ въ себѣ самомъ, дабы насъ обогащашъ своими дарами. Сколько милостей и щедростъ испочаетъ оупъ на насъ ежедневно! сколько лучей для просвѣщенїя разума, сколько знаковъ благоушробїя для пораженїя сердець, сколько вспоможенїй для освященїя всего человекъ! Есть ли одна минуша въ жизни нашей, кошорая бы не была запечатлѣнна какимъ нибудь благодѣянїемъ? И вотъ чпо всего удивительнѣе, — Богъ ежечасно, обильно, вездѣ и на всѣхъ изливаетъ милости свои; а испочникъ щедростъ его

его не истощается. Хотя мы недостойны, хотя мы неблагодарны, хотя предвидишь Сердцевѣдецъ, что мы дары его употребимъ во зло и видишь, что употребляемъ; однако все еще не престаешь быть щедрымъ. Наша неблагодарность не сжимаетъ благодѣтельные десницы его, наше жестокосердіе не погашаетъ божественныя любви его,

Благосль Божія сноситъ наши пресупленія, и сколько ихъ въ насъ находишь? Неисчерпаемая бездна! бездна нерадѣнія, слабости, маловѣрія, упущительности! — Если мы о чемъ Бога просимъ: съ какимъ хладнокровіемъ? Если мы грядемъ ему во слѣдъ; съ какою медлительностію? Если мы ему работаемъ: съ какою усладосію? — Богъ все сіе видитъ, сноситъ, терпитъ, ожидая нашего исправленія. Міръ, доколѣ мы ему служимъ въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ, льститъ нѣсколько чувствамъ нашимъ своими очарованіями; но спустя мало времени, при склоненіи жизни нашей къ старости, онъ уже осматриваетъ насъ и не знаетъ; что жъ касается до Бога, онъ вѣчно Благъ къ намъ; онъ и тогда къ намъ милосливъ, когда мы сами принуждаемъ его, чтобы насъ

насъ оставилъ. Мы сполько же пріятны ему и при концѣ живоша нашего, сколько въ началѣ рожденія; сполько же любезны ему при закатѣ дней своихъ, сколько при восхожденію оныхъ. *Преплагій* милосивѣ къ намъ отъ зачатія нашего до дверей гроба; въ самый послѣдній часъ самое послѣднее издыханіе наше онъ пріемлетъ съ утѣшеніемъ. Неописанный Человѣколюбецъ! какъ раби виновные, или по крайней мѣрѣ бесполезные могутъ быть еще тебѣ любезны? Менѣе ли бѣ ты пребылъ блаженнымъ, есъли бы недостоинныхъ отвергнулъ?

Твоя Благость, Боже! прощаетъ намъ согрѣшенія наши. Въ семъ то случаѣ даже прочихъ сіяетъ неизреченное благоутробіе Превѣчнаго. Начальники свѣта могутъ быть къ намъ снисходительны и бывающъ, — только до нѣкоторой степени. Прощаютъ они первыя пресупленія, прощаютъ и вторыя, — но третья, четвертыя, безчисленныя простятъ ли? Нѣтъ! они не захотятъ болѣе имѣть слугу непошребнаго, или тотчасъ его накажутъ. Но Богъ, долготерпѣливый и милосивый, при самой безмѣрности грѣховъ нашихъ извиняетъ намъ, снисходитъ, прощаетъ. Сколько же разъ и доколѣ? Ели-

Елико надемъ, — воспанемъ и спасемся. Нѣтъ изъ даровъ Благоспи Божія сего удивительнѣе!

Въ жизни нашей только и видны паденіе, да возстаніе, непосоянство, да перемѣна; но Богъ никогда не измѣняется. Послѣ многихъ неисполненій нашихъ обѣщаній, нашихъ рѣшимостей, мы вновь обѣщаемся Богу, и Богъ еще насъ слышитъ. Въ нашихъ раскаяніяхъ на всякомъ мѣстѣ, въ нашихъ исповѣданіяхъ предъ лицомъ престола завѣшнаго, сколько скрывается несправедливости и лицемѣрія? Почти всегда у насъ тѣже преступленія, тѣже мало-вѣріе, тѣже упущительность; а въ Богъ всегда тѣже милосердіе, тѣже Благоспъ. Тысячу разъ мы пали, онъ тысячу разъ прѣмлетъ насъ съ любовію, еспли только мы обращаемся къ нему чистосердечно, прѣмлетъ, и вмѣсто укоризны, обличеній, наказанія всякаго готовъ утѣшить симъ радостнымъ гласомъ: *иди въ миръ*. (*) Преплагій Господи! чѣмъ болѣе изливаюся на насъ милости твоеи, тѣмъ лаче мы обязаны чувствовать сокрушеніе о грѣхахъ своихъ. Обличенія,
 коніо-

(*) Мар. V. 34.

который Опеческое швое сердце еще медлитъ учинитъ намъ, мы сами себя должны произносить непрестанно. Душа наша ни чемъ не можетъ быть сильнѣе поощрена къ исправленію, какъ избытками, или неизмѣримостию швоихъ благоспей.

За симъ, обратившись къ Богу; естли мы что ишбудь для него сдѣлаемъ: съ какою Благосшію и чемъ онъ насъ не награждаетъ? Служа міру смертные испощеваются, сохнушъ; умираюшъ; и за симъ не рѣдко что встрѣчается? Безчисленнымъ рабамъ свѣта сего при ихъ сокрушеніи, при ихъ слезахъ; и при ихъ опчаяніи не говоряшъ ли тоже; что нѣкогда сказалъ Свяшый Духъ, имъ подобно несчастнымъ: *много трудитесь и мало собрасте.* Не говоряшъ ли? да и что въ семъ удивительнаго; ибо при служеніи міру сколько трудовъ остается неизвѣстныхъ, между извѣстными сколько непріятныхъ, между пріятными сколько ненагражденныхъ, или награжденныхъ, но не по заслугамъ! Но въ служеніи Богу все напротивъ; ибо Сердцевѣду все извѣстно, все пріятно, все отъ него награжденно; ничто не скрыто отъ очей его, ничто не удалено отъ сердца его. Онъ не шокмо

дѣя-

дѣянiя великiя, дѣянiя геройскiя увѣн-
чавашь славою, но подвиги малѣйше,
жертвоприношенiя посильныя. Стаканъ
воды, поданный во имя его, будетъ
награжденъ во всю вѣчность.

Однако и при семъ еще очень мало
понимаемъ мы Благость Божию. О дру-
гихъ Превѣчнаго совершенствахъ, о его
могуществѣ, премудрости, правосудии
разумѣваемъ ничто; но ничто о Бла-
гости, — поелику сами жестокосерды.
Благъ Богъ нашъ, Благъ на всякое
время; таковъ онъ былъ онъ начала,
таковымъ пребудетъ и во вѣки; Благъ
ко всѣмъ; ибо онъ дождетъ на правед-
ные и на неправедные; сияетъ солнце
на безблагодатные и злые; а мы все
живемъ самолюбно, приспрашно, не-
милосердо.

Благъ есть Богъ нашъ; и изъ
всѣхъ его совершенствъ есть ли что не-
поспшимъ же его Благости? Размыслимъ
о всемъ, что онъ сотворилъ для чело-
вѣка. — Богъ съ Небесъ нисходитъ на
землю, облакается въ мерзвенность
нашу, подвергается немощамъ нашимъ,
окончиваетъ жизнь свою на крестѣ, и
не довольствуясь быть на немъ заклан-
нымъ единойды, онъ и нынѣ по вся-
дни закалается на престолѣ. При со-
зерца-

зерцаніи сихъ великихъ таинствъ мы удивляемся благости Божіей, и при семъ оную очень мало постигаемъ. И подлинно, намъ ли слабыми мечтаніями ума своего измѣрять неизслѣдимую пучину благоупробія Божія? Мы помышляемъ яко чловѣки; а онъ дѣйствуетъ яко Богъ. *Благъ* Богъ нашъ; все изъяснено симъ единымъ словомъ *благъ* . . . или сего еще недовольно? Онъ весь Благость, и не иное что, какъ самая Благость.

Такому - то, или еще большему мы служимъ Начальнику; а по сему какое для насъ благополучіе служить ему? Онъ благъ, милосивъ, сострадателенъ, щедръ, великодушенъ, совершенъ: какія же мы должны; питаемъ къ нему чувствія? Съ какимъ удовольствіемъ, утѣшеніемъ, радостію мы обязаны носить на себѣ имя служителя его? Сколько должны ублажать жребій свой, и благословлять Небеса за предъизбраніе наше въ доснояніе сіе? Всѣ помышленія духа, всѣ движенія сердца, всѣ минушы жизни своей употребимъ на жертву служенія Богу и усугубленія своего блаженства.

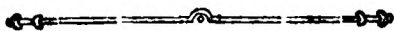
Но! — такъ ли мы работаемъ Господеви? Съ симъ ли жаромъ, усердіемъ и радостію, или ему служашъ,
но

1602091

но служатъ всё хладнокровно, лѣно-
сно, прискорбно. Значитъ ли сіе *слу-
жить*? Ему работаютъ, но работаютъ
съ неудовольствіемъ, съ уныніемъ, съ
печалію; несутъ бремя его съ ропотомъ
и неблагодарностію. Означаетъ ли сіе
работать Господу? Ему служатъ, но
съ ужасомъ, и какъ бы всегда съ со-
дроганіемъ узническимъ: сіе не есть ли
безчестіе для Существа Человѣколюб-
наго? Оставимъ ужасный и мятежный
духъ сей; воспріимемъ мысли dospой-
нѣйшія Бога и его Благости. Убоимся
Величія его, но страхомъ сыновнимъ,
разширяющимъ сердце, а не препетомъ
рабскимъ, сжимающимъ душевныя чув-
ства. — Послужимъ ему съ веселіемъ,
оживляющимъ духъ, лице и всю жизнь
нашу. А для сего потребно ли намъ
собою ему жертвовать? Да жертвуемъ
великодушно. Нужно ли нести крестъ?
Да несемъ безъ огорченія. Надобно ли
испытать подвиги страдальческіе? Да
печемъ посредѣ ихъ не видя, не хва-
ляся, любя и утѣшаясь единственно
благоугожденіемъ Богу. *Работающе Го-
слодеви въ веселіи* (*), разсуждающе,
что есть ли всё неодушевленные твари
служать по опредѣленію своему къ
Часть I. Б славѣ

(*) Пс. ХСІХ. 2.

славѣ Божіей: то мы ли должны употреблять во зло разумъ свой и волю, удаляясь отъ служенія Богу?

НАСТАВЛЕНІЕ III.

О

Мірѣ.

Мірѣ намъ льститъ, льстя насъ обманываетъ, обманывая погубляетъ. Разсмотримъ его подъ сими черпами, и мы прильбляясь къ нему переспанемъ.

Мірѣ намъ льститъ. Сими-то онъ насъ уловляетъ въ сѣни свои и дѣлаетъ плѣнниками. Мірѣ льститъ нашимъ страхамъ, страхи заражаютъ сердце, а сердце уловляетъ самую душу, какъ бы нѣсколько уже прѣуготовленную къ соблазну сему. Превратности свѣта намъ кажутся пріятными: ибо они предшавляютъ намъ однѣ игры, забавы, пиршества, гулянья, ослабляющія взоръ и увлекающія сердце. Мірѣ обѣщаетъ намъ однѣ радости, удовольствія, наслажденія; а по сему юноша лишь только вступаетъ въ него, ему все кажется приманчивымъ, очаровывающимъ, служащимъ
къ

къ исполненію всѣхъ его желаній, вступаешь и ничего не видишь подъ ногами своими, кромѣ пущя, усѣяннаго цвѣтами; а по сему воображаетъ, что всѣ дни живопа его будутъ дни веселые, щастливые, спокойные, доставляющіе ему полное человѣческое блаженство, и сіе вѣрно ли? . . .

Миръ намъ льстивъ, — и мы любимъ обольщаться. Ибо гнусная привычка къ сладострастію, гнусная склонность къ разсѣянію лишаютъ насъ при такомъ случаѣ разсудка и проницательности. Мы болѣе тѣмъ занимаемся, что чувственности нравится, и ничего столько не боимся, какъ безпокойствъ и смущеній, нарушающихъ наше сладострастіе. Какое вредное упоеніе! Какое неизвинительное заблужденіе! Когда они преидутъ? Надобно ожидать переменны, которая откроетъ намъ очи.

Сыне мой! сказалъ нѣкогда Премудрый, ежели миролюбцы въ льстивыхъ своихъ обѣщаніяхъ представляють сладость меда, не вѣрь имъ; это обманчивой ядъ, ядъ пріятный горшани; но онъ нѣкогда растерзаетъ твою упробу. *Сыне! егда прелщаютъ тя мужіе негесивіи, не внимай словесемъ нѣмъ: медъ бо каллетъ отъ устенъ, по-*

слѣди же гортасе желти его обряцещи ()*.
Свѣтъ благоразуменъ: но что поль-
зующъ свѣты предъ примѣрами? Ко-
гда сердце увлечено; тогда разумъ раз-
суждашь не умѣешь. И по сему - по
міръ, *лѣстя* намъ, всегда насъ *обманыва-
етъ*.

Міръ обѣщаетъ намъ много, а доста-
вляетъ мало, и сія малость не споль-
ко насъ дѣлаетъ довольными, сколь
часто бываетъ источникомъ беспо-
койствъ и огорченій; ибо болѣе шести
тысячъ лѣтъ міролюбцы ищутъ себѣ
щастія, и изъ нихъ никто еще не могъ его
пріобрѣсть. Міръ тысячу людей сдѣлалъ
нещасливыми, а истинно благополуч-
нымъ еще ни одного; и мы, прилѣп-
ляясь къ нему, все не выходимъ изъ
своего заблужденія, все на него полага-
емся. По сему справедливо обтека-
ютъ насъ неудовольствія и огорченія
посредъ обманчиваго міра!

Въ свѣтѣ что есть основатель-
ное, на что намъ въ немъ можно было бы
положиться? Сердца у ближнихъ нечув-
ствительны, родственники хладно-
кровны, друзья непоспоянны, непрі-
ятели хитры, богатства гиблемы,
чести

(*) Прит. I. 10. V. 3.

чести переменны, удовольствія обманчивы, — вездѣ добро мнимое, а зло совершенное. Вотъ каковъ въ сущности своей свѣтъ! по сему сладке на одну минушу его призраки ничего намъ не доставляютъ, кромѣ горести. Подлинно! Коликократно для многихъ радостные дни перемѣнялись въ дни печальные! Коликократно многіе посредѣ великолѣпія и зрѣлищъ видѣли одно неудовольствіе и скуку! Коликократно стонъ человѣческихъ воздыханій раздавался посредѣ музыкъ и сладкопѣній! И шакъ надеженъ ли для насъ мѣръ?

Два любезныя сердца учреждаютъ между собою залогъ брачности; сіе клонится къ ихъ благополучію; но вдругъ одно изъ нихъ въ цвѣтѣ дней своихъ восхищается смертію, а другое остается принужденнымъ большую часть жизни своей проводить въ слезахъ, въ воздыханіяхъ, въ печали. Многіе скопили великое себѣ богатство, восстали на вышшую степень блистательныхъ почестей; но переворотъ счастья вдругъ разрушилъ зданіе ихъ мечтательности, и — владѣтели погребены уже подъ развалинами своихъ сокрушенныхъ идоловъ. Вотъ каковъ въ себѣ мѣръ! сколь многіе несчастливцы на

него полагаются и подобною бываютъ жертвою!

Однако онъ и по днесь имѣетъ еще своихъ обожателей, и не перестаетъ безжалостно погублять ихъ. Чпо день, шо новья видишь предъ собою жертвы изъ сердецъ неопытныхъ, непримѣнно его же вѣроломною рукою закалаемыя. Мїръ ведетъ смертныхъ по цѣпиущимъ и прїятымъ додинамъ, но подъ цвѣтами, — но подъ ногами — водимыхъ скрываетъ онъ ужасныя пропасти, готовые поглотить ихъ. Тысячи такихъ примѣровъ съ нами вспрѣчаются и слыячи сїи насъ не исправляютъ. Кто вынѣ утѣшается обманчивыми предельми свѣна; тошъ на упродѣлается самъ его пошѣхою и игралицемъ. Какое печальное зрѣлище, естли челоуѣкъ по превратности щастїя, по упадкамъ общежитейскимъ, или по наказанію Божію бываетъ оставленнымъ, презрѣннымъ и кинутымъ ошъ мїра, подобно корабельнымъ обломкамъ, послѣ великаго кораблекрушенїя разбрасаннымъ по берегу морскому! Теперь кто воображаетъ о веселостяхъ: но се возстаетъ буря, растворяетъ пучину злключенїй, и — помышляющїй о торжествахъ, ликованїяхъ ея поглощается.

Такъ

Такъ - то мѣръ льстятъ человѣку и обманывятъ погубяетъ его!

Мѣръ насъ погубляетъ. Но не довольно ли бы для него льстили и обманывали? не довольно ли бы для него насъ доводили до развращенія? нѣтъ, онъ насъ погубляетъ: ибо мѣръ, вражда есть на Бога и Богъ его проклинаетъ. Кромѣ сего мѣръ, насъ погубляетъ какъ по сему, что намъ не лъзя служить двумъ начальникамъ вмѣстѣ, и что правила мѣра противны правиламъ Евангельскимъ, такъ и потому, что мѣръ возмущаетъ и питаетъ наши снѣспы, что всѣ обольщенія, имъ представляемыя намъ, препятствуютъ нашему спасенію, и что всѣ его примѣры заразительны, слова развращены, опасосны неминуемы, бѣдоснѣя плачевны, словомъ, поелику все въ немъ вредъ и пагуба.

Мѣръ насъ погубляетъ, поелику онъ очи наши закрываетъ завѣсою, копорую мы поднять не смѣемъ; заключаетъ насъ въ оковы, копорыхъ мы разорвать не можемъ, спеная подъ неизобразимую ихъ тяжеснѣю. Мѣръ насъ погубляетъ, поелику всякой, гнушаясь бытъ его плѣнникомъ, самъ охотно покоряется владычеству его и впадаетъ въ снѣпъ, когда ласкается оныхъ избѣгнутьъ. Ежечасно мы жалуемся на мѣръ,

все почитая въ немъ за суету и ничтожесивно; по сему всегда рѣшительно хотимъ его оставить, но все еще не оставляемъ! Ежечасно мы себѣ говоримъ: что есть мѣръ? говоримъ въ шѣ щасливые часы, когда насъ прогааетъ благодать, собесѣдуетъ совѣсть, разглагольствуетъ Богъ; однако все еще любимъ мѣръ, все еще содержимся въ узахъ его, все еще не отважимся предпріять того Хрїстїанскаго мужесства, которое бы, освободивъ отъ міра, могло прилѣпить насъ и къ Богу и къ Вѣрѣ.

Между шѣмъ мѣръ переходить и мы переходимъ съ міромъ. Дни пропекаютъ, лѣтна уходятъ, и мѣръ оставитъ насъ прежде, нежели мы его оставимъ. Тогда, можетъ быть, вѣчно мы будемъ оплакивать толико безплодныхъ трудовъ, толико потерянныхъ лѣтъ, толико во зло употребленныхъ даровъ Божїихъ; мы будемъ нѣкогда проклинаемъ мѣръ сей, будемъ гнушаться и ненавидѣть то, что нынѣ любимъ; но не поздноли сіе будетъ? . . .

Нынѣ да спросимся міра, ибо онъ льститъ намъ, нынѣ преспанемъ доверяемъ ему, ибо онъ насъ обманываетъ, нынѣ его возненавидимъ, ибо онъ насъ поублажаетъ. — Мещасненъ, кпо его не знаетъ,

знаеть, несчастіе, кто съ ничь соединяеться; безконечно несчастенъ, кто сраспявшись міру рѣшилъ умереть въ немъ! ибо Богъ есть нашъ начальникъ, а міръ насильственникъ; Богъ есть Отецъ нашъ, а міръ мучитель; посвящимъ себя тому, кому должно. Да и какъ намъ можно оставить Бога? По крайности оспашкомъ дней своихъ ему пожертвуемъ, и малость исходапайствуемъ еще намъ блаженную вѣчность.

Благополученъ смертный, которому Богъ открылъ очи въ разсужденіи ничтожества и мечтаній свѣта сего, или лучше въ разсужденіи опаснѣйшихъ ошей его! Можетъ ли онъ когда забыть величество сего благодѣянія? Можетъ ли онъ когда оставить Бога? — Если бы въ точности понимали всѣ огорченія, испытываемыя въ мірѣ, бѣдствія въ немъ съ нами встрѣчающіяся, горести, въ которыя онъ ввергаетъ каждого: то если бы не нынѣ, по крайней мѣрѣ при смерти, исходя отъ міра сего, какое бы утѣшеніе мы изъ того почувствовали, что отъ него удалялись, и чувствованія сердца своего посвятили Богу! Нынѣ исполнять намъ сіе споминъ нѣкоторыхъ трудностей, лишений, жерпвъ: но вскорѣ сіе минеть, и вѣчность будетъ за то наградою.

Кто сего желаетъ достигнуть, тотъ долженъ всегда помнить сіи спасительныя предписанія :

1 е. Оставимъ міръ прежде, нежели онъ насъ оставитъ. Нынѣ же исполнимъ съ успѣхомъ, что нѣкогда нужно будетъ сдѣлать по необходимости и безъ пользы.

2 е. Юноши нынѣ очень рано входятъ въ свѣтъ, а отарики оставляютъ его очень поздно; и инѣ и другіе будутъ каяться нѣкогда, что къ міру столько привержены. По сему юношамъ не должно шоропиться входить въ свѣтъ; ибо они очень скоро испытываютъ его превращенность и бѣдствія; а достигшіе старости обязаны безъ соболѣзнованія его покинуть, дабы не дождались отъ самаго міра сего презрительнаго и несноснаго отзыва: „удалишесь!“ „я васъ оставляю.“

3 е. Три рода людей, и различными очами взираютъ на міръ сей: грѣшникъ, философъ и Хрістіанинъ. Грѣшникъ смотритъ на міръ какъ бы на нѣчто вѣчное; философъ, какъ бы на нѣчто преходящее; Хрістіанинъ какъ бы на нѣчто прошедшее: а мы какъ на него взираемъ? Будемъ имѣть о немъ всегда такія чувствованія, какія всякой имѣетъ при смерти. — Человѣкъ живу-

живущій его любилъ, умирающій презираемъ, умершій ненавидимъ: Христіанинъ долженъ подражать послѣднимъ! Если же о мѣрѣ мы будемъ мыслишь напрошивъ; то вѣчнось не прекратишь нашихъ безплодныхъ сокрушеній и не изсушишь горькихъ слезъ нашихъ.

НАСТАВЛЕНІЕ ІV.

. 0

Приверженности къ міру.

Какое ослѣпленіе, несчастіе и гибель прилѣплясь къ міру! сіи причины, живо вообразимыя, уже ли послѣдовашелей міра не сильны испоргнушь изъ его очарованій? Боже благодати! сотвори, чтобъ всякой совершенно зналъ причины сіи; а по сему отпоргался отъ міра, насъ отъ себя удаляющаго, отпоргался на всякое время.

Какое ослѣпленіе прилѣплясь къ міру! ибо что въ немъ находишься, кромѣ одной пустоты? Что сыскаешь можно, кромѣ заблужденія и ничтожества? Чѣмъ онъ можетъ обольщать насъ? Искренни ли его обѣщанія. основательно ли дружество, самая любовь его не опасна ли? Не льзя изъ всего, что
мы

мы видимъ и понимаемъ въ свѣтѣ, нельзя не познать суемы его. Примѣръ прочихъ и нашъ собственной опытъ научающъ насъ не довѣрять ему; однако зная, что мѣръ есть мечта, видя, что онъ доставляетъ намъ добро мнимое, а зло совершенное, всѣ къ нему прилѣпляются и дѣлаются его невольниками. Сколь по сему велико очарованіе свѣта и непроницаема тма, кою оу онъ ослѣпляетъ очи, немогущія примѣнить превратностей его и непостоянства!

Безсмертная душа! для того ли ты сотворена, чтобъ гоняться за пустотою и предаваться въ обманъ мечтаній? До чего они могутъ довести тебя? — Разсуди о сокровищахъ свѣта сего; они обѣщаютъ много, да малымъ награждаютъ. — Богатства говорятъ: мы дѣлаемъ щасливыми; но при всемъ обиліи не терпятъ ли многіе мучительной бѣдности? Чести говорятъ: мы дѣлаемъ щасливыми; но достиженіе вышней степени не видятъ ли, что честь ихъ значить скороизчезающій дымъ? Удовольствія говорятъ: мы дѣлаемъ щасливыми; но они вмѣстѣ со удовольвореніемъ часто обращаются въ несносную горестъ. Да и какъ благія, ограниченныя, гibleмыя могутъ совер-

совершенно насытитъ сердце, соотвѣ-
ренное для Бога? Но шакowo естъ ослѣ-
пленіе наше, что мы въ немъ пре-
бываемъ и не хопимъ изъ него выпити.
Свѣтъ мечтаніями своими оболыцалъ
пропекшіе вѣки, оболыцаетъ нынѣ, и
впредь оболыцаетъ будеть, и мы о семъ
не соболѣзнуемъ. Время протекаетъ, а
пороки всегда существующъ, и мы се-
го не примѣчаемъ. Странное, жалкое
и многовредное ослѣпленіе наше!

Ослѣпленіе *странное*; ибо оно ли-
шаетъ насъ очей разума и Вѣры, опы-
та и совѣсти. Ослѣпленіе *жалкое*; ибо
мы онымъ самопроизвольно болѣзнуемъ,
и какъ бы видя подъ ногами своими
ужасную пропасть сами въ оную ввер-
гаемся. Ослѣпленіе *многовредное* по са-
мой сущности и по своимъ слѣдствіямъ;
ибо единожды заразившись сею бо-
лѣзнію, до какой крайности мы себя
не доводимъ? Боже свѣтовъ! Просвѣти
вѣчною истиною твоею безчисленныхъ
слѣпцовъ, горько спенающихъ въ сѣни
смертней! Непусти чадамъ тво-
имъ быть чадами мрака; мѣръ ихъ у
тебя восхищаетъ; открой имъ позна-
ніе свѣта, и они не обманутся! Ко-
лико лѣтъ мы прожили въ ослѣпленіи
сполъ жалоспномъ и плачевномъ? Не-
чувствительные! Мы гоняемся за оболы-
щаю-

шающимъ призракомъ, и сего не видишь, что онъ служитъ къ нашему благополучію и къ пагубѣ.

Подлинно! какое *нещастіе* прилѣпляться къ міру! Мы думаемъ снискашь въ немъ твердое, истинное благополучіе: но гдѣ щасливцы міра? Или мы въ немъ всегда болѣе видимъ несчастныхъ? Последніе, если бы могли слышь во едино всѣ свои стenanія, жалобы: какими бѣ въздыханіями и рыданіемъ наполнили вселенную? вмѣсто благополучія, ожидаемаго отъ міра, не чаще ли мы испытываемъ одни огорченія, безпокойства, мученія духа и сердца? Сколько людей приверженныхъ, испощающихся, жертвующихъ собою служенію міра, пожертвовали вмѣстѣ ему всѣми своими выгодами, спокойствіемъ, свободою, здравіемъ, совѣстію? И за се они кромѣ неблагодарности и хладнокровія ничего не получили себѣ въ награду. Нещастная жертва слыныхъ приверженности, — міролюбцы! Не преставайте и при семъ среди волнующагося моря подвергать себя опасности, грозящей вамъ ужаснымъ кораблекрушеніемъ; слышните соединитесь съ пагубнымъ сонмищемъ развратныхъ сыновъ свѣта, дабы и вы могли дышать для прочихъ заразительнымъ смертонос-

носнымъ ядомъ; бродите закрывъ очи по самому краю ужасныя бездны: но когда обрушитесь въ пропасть сию, когда поглотитъ васъ послѣдняя пучина соблазновъ и развращенія: тогда мѣръ споспраждаетъ ли вашей гибели? Упѣшишь ли васъ чемъ нибудь въ злочиствіи? Вы не хотите пользоваться жалостнымъ примѣромъ многихъ вамъ подобныхъ несчастливцевъ; но можетъ быть вы сами послужите примѣромъ предосторожности для потомковъ.

Великое несчастіе! и оно для насъ должно быть тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ мы правильнѣе его заслуживаемъ: ибо сами себя, оному подвергаемъ; несчастіе ужасное! ибо оно можетъ быть источникомъ злочиствія вѣчнаго. Вотъ каковъ въ сущности своей мѣръ, и вотъ обыкновенный жребій жалостныхъ его жертвъ! Великій Боже! что, если бы столь же строго наказывалъ ты оставляющихъ себя, сколь слабо многіе восхотѣли послѣдовать мѣру? Но чего Ты не открылъ къ ихъ просвѣщенію и извлеченію изъ крайняго несчастія? Сколько живыхъ понятій, сколько пропагандельныхъ впечатлѣній, благодапи, сколько спасительныхъ грызеній совѣсти, сколько несчастливыхъ минутъ, въ копо-

которыя, или при которыхъ, естли бы погибше восхошѣли послушать гласа твоего и покориться впечатлѣніямъ благодати; очи ихъ узрѣли бы злоключеніе свое, и сердце ихъ уклонилось бы отъ онаго. При семъ случаѣ раскаяніе ихъ было бы многоплодно, слезы утѣшительны; ибо прозрѣвши нещасныя въ тебѣ, Правосудный Господи! узрѣли бы Отца благоутробнаго. О, когда бы всѣ знали, сколько служеніе твое сладко и время утѣшительно; всѣ бы съ коликою несли его радостію! но мы болѣе прилѣпляемся къ міру, наслаждаемся мало мнимыми его пріятностями, и послѣ утопаемъ въ безднѣ всѣхъ злоключеній, злоключеній сопровождаемыхъ горькими спенаніями, но безплодными, многими слезами, но слезами опчаянія. И пакъ коль *погибельно* прилѣпляясь къ міру!

Вошѣ третія бездна, разверзающаяся подъ ногами міролюбцевъ, бездна пороковъ и беззаконій непрощительныхъ! Когда человекъ предпочтительно Создателю любитъ міръ, и привертается къ тварямъ видимымъ: чрезъ сіе не нарушаешся ли первая и изъ всѣхъ важнѣйшая заповѣдь? Какое *погибельное* преспуленіе *воздвизашъ* жер-

швен-

пвенникъ міру въ сердце своемъ про-
щиву, жертвенника Богу!

Извѣстно, что мы торжественно
отрицались отъ міра въ Крещеніи
своемъ, и зудо чрезъ сіе токмо отри-
цаѣте бываемъ Хрістіанами: колъ
убо, щедросннчельно, естли нару-
шаемяя наши задогъ сей! — Извѣстно,
что не лѣзя любить мірѣ не любя
его правдѣ, его примѣровѣ, его за-
разѣ, — не исполняя его должностей,
не погашая грызеній совѣсти, не без-
честна быше свое, не перяя конца сво-
его: колъ убо неизвиннчельно самопро-
изводно подвергашь себя толикой на-
пасци! — Извѣстно, что мірѣ естѣ
вражда на Бога, и Богѣ его прокли-
наемя; и такѣ прилѣпляясь міру не
лѣзя, не бышь врагомѣ Божимѣ: какая
убо погнбелѣ ва сіе отважншься! — Из-
вѣстно, что не возможно служншь
двумѣ начальникамѣ вмѣспѣ; а необ-
ходнмо должно служба еднмому друга-
го оставншь; привергаясь къ первому
отрещншь, выпорато: что же сего зло-
щастннчѣ, какѣ работая міру не слу-
жншь Богу? И сіе то, не смотря на
всѣ наши клятвы, обѣщанія, должно-
сти, чаще въ насѣ примѣтно. Любя
мірѣ и удаляясь Бога, не брежемѣ мы
о спасеннн душевномѣ. Сердце свое под-

Часть I.

В

вер-

вергаемъ развращенію, а разумъ заблужденію. Черезъ сіе благодать Божія изгоняется, совѣсть упадаетъ, здоровое чувство теряется, Христіанскія обязанности забываются, преступленія прирастаютъ къ преступленіямъ. Вошь плоды кляпвы, произрастающіе ошь земли, подпавшей некогда проклятію! Но земля сія не должна ли быть для Христіанина землею чуждею? Безъ сомнѣнія; ибо Христіанинъ, приверженный Богу, не долженъ имѣть сообщенія съ міромъ, Богу противнымъ. И есть ли ему непременно должно будетъ некогда оставить развращенный міръ сей; но онъ заблаговременно обязанъ исхитить себя изъ обманчивыхъ его прелестей; заблаговременно долженъ сказать *вѣчное прости* всѣмъ міра пышностямъ, всѣмъ зрѣлищамъ, или лучше, всѣмъ его призракамъ и очарованіямъ: ибо что изъ нихъ въ рукахъ его останется по смерти? По смерти что онъ будетъ помышлять о себѣ самомъ, о своей жизни, о своемъ ослѣпленіи? Во что преобразится для него, что было, и все, чѣмъ онъ наслаждался прежде? Что будетъ его надежда, которою онъ питался, удовольствія, которыя предполагалъ быть безконечными, мнимая долгожизненность, словомъ, все чувствен-

ешвенное? Нить временная пресѣчется, и призракъ исчезнетъ. Мѣръ прейдетъ, и Вѣчность навсегда отверзетъ намъ свои пучины.

Великій Боже! Для себя Ты насъ поставилъ на землѣ; сотвори, чѣмъ и въ Вѣчности мы явились предъ Тобою!

НАСТАВЛЕНІЕ V.

О

С о с ѣ с т и.

Нѣтъ столь нужнаго знанія для человѣка, какъ познаніе себя самаго: ибо знаніе сіе есть знаніе нашего сердца и совѣсти. Оно нужно всякому человѣку.

Совѣсть имѣетъ четыре вида; по сему она можетъ быть въ поличкомъ же числѣ положеній. — Совѣсть есть справедливая, сомнительная, ошибающаяся и слѣпопствующая; изъ познанія сихъ различныхъ ея видовъ можно пріобрѣсти человѣку пресовершенное понятіе о томъ, что онъ есть, и чѣмъ быть долженъ.

Совѣсть *справедливая* есть свидѣтельство здраваго разума, повелительный судія, показывающій что намъ

В 2

дѣ-

дѣлашь позволительно и что непозво-
лительно; есть гласъ Божій, раздаю-
щійся въ нашемъ сердцѣ и возвѣщаю-
щій все доброе во имя Его; есть лучъ,
истекающій отъ вѣчнаго свѣта, про-
свѣщающій насъ въ заблужденіяхъ и
управляющій на пути добродѣтелей.
Такова есть совѣсть всякаго честнаго
человѣка вообще! Но для грѣшника
означаетъ она вѣрное зеркало, предста-
вляющее черныя пятна, копорыми за-
марана душа его; есть Божественная
книга, въ которой Невидимый Персъ
Сердцевѣдца толикократно замѣчаетъ
наши беззаконія, коликократно мы въ
оныя впадаемъ; есть тайный судъ Все-
вышнимъ производимый въ душѣ на-
шей, на копорой, какъ скоро согрѣ-
шимъ, мы бываемъ уже представлены,
и судимы при свидѣтеляхъ: но кто сей
свидѣтель? Мы сами, а не другой
кто.

Съ сею справедливою совѣстью Богъ
сочворилъ каждою человѣка. Доколѣ
кто ходитъ прямо свѣту сего свѣтлѣ-
ника, доколѣ не можеть соврашишься
съ пути спасенія: ибо въ такомъ слу-
чаѣ совѣсть, вспомошествоемая Благо-
датию, каждой шагъ нашъ управляетъ,
да не спохкнемся. . . . Но разсмотримъ
подробнѣе всѣ дѣйствія совѣсти, и
всю

всю должность, для коихъ Богъ опредѣлилъ оной бытъ въ человѣкѣ.

Бываетъ въ насъ совѣсть *сомнительная*. Она, находясь какъ бы въ колебаніи и нерѣшимости, не знаетъ позволительна ли такая - то вещь, или непозволительна; запрещено такое - то дѣйствіе, или не запрещено: ибо при воззрѣніи на нихъ и съ той и съ другой стороны видятъ причины вѣроятельныя, производящія нѣкоторое впечатлѣніе; но между сими причинами не находятъ, которая бы сильнѣе дѣйствовала, и по которой бы можно на что нибудь рѣшиться. Такимъ образомъ между несходными и проотивными побужденіями совѣсть остается какъ бы развлеченною, несмѣющею ни на что отбѣжиться, — опасющеюся погрѣшиться или обмануться.

Съ сею совѣстію ничего намъ не позволяется дѣлать; а надобно увѣришься и утвердишься въ справедливости всякаго дѣла сколько можно. Если же что требуетъ скорѣйшаго выполненія, не давая времени на основательное размышленіе: въ такомъ случаѣ, чѣмъ бы выплы изъ сомнѣнія, должно въ шужь минушу совѣсть свою представить предъ самимъ Богомъ, воображая что намъ предъ его очами имѣть

должно; въ такомъ случаѣ должно просить Отца свѣтовъ, чтобъ онъ самъ неиспытанными судьбами своими вдохнулъ въ сердца наше праведную рѣшимость, или по крайней мѣрѣ, просвѣтилъ насъ послѣ, и даль съ раскаяніемъ возчувствовать, есѣли что за скоростію мы содѣлали предъ нимъ неправильное. Такъ поступать не означаетъ бышь въ сомнѣніи: ибо имѣшь въ виду то, что намъ прилично имѣть предъ очами Божіими, означаетъ нѣкопорую основательность, выводящую насъ изъ сомнѣнія. Въ такомъ положеніи можно обмануться, но не лзя уже погрѣшить.

Сія совѣсь раздѣляется на *Богоболящую* и *робкую*. Первую чувствую благочестивая душа ужасается не только грѣха, но всего, что имѣеть шѣнь или легчайшій признакъ пресупленія. Щасливъ смертный пребывающій въ такомъ положеніи! — Совѣсь *робкая* означаетъ душу безъ правильной причины безъ основанія о всякой малоси безпокоющуюся. Въ такомъ случаѣ человекъ безпрестанно мучился, и часто безпокоить съ собою обращающихся, или имъ управляющихъ. Сія *робость* происпекаетъ отъ прехъ источниковъ: или *отъ Бога*, и — въ семъ случаѣ онъ соспавляетъ испытаніе Вѣры нашей и не-

лепоколебимости, испытание необходимо для насъ нужное и полезное; или *отъ діавола*, и — при семъ она означаетъ соблазны, которымъ никакъ не должно слабодушно порабощаться; или *отъ насъ самихъ*, и — въ семъ обеспрятельствѣ она обнаруживаетъ такой мнипельной, недовѣрчивой и несносной характеръ, котораго всякой долженъ стыдиться. Но отъ какого бы источника она ни происпекала; одно только есть надежное средство къ освобожденію отъ нея: совѣты опытныхъ и лучшихъ наставниковъ. Иначе робкія души впадутъ въ пустую и жестокую мнипельность; сія заставитъ ихъ почувствовать уныніе; а за симъ скоро могутъ воспослѣдовать заблужденіе и ошчаяніе.

Совѣсть ошибающаяся есть совѣсть въ разсужденіи, поведеніи и нравовъ имѣющая несправедливое мнѣніе, и по сему мнѣнію какъ по чистому закону поступающая. *Совѣсть сомнительная* sospoитъ въ недовѣденіи; а сія въ погрѣшительности. *Недовѣденіе* раздѣляется на принужденное и необходимое; а *погрѣшительность* на извинительную и неизвинительную. *Совѣсть погрѣшающая* иногда бываетъ неизвинительною, когда имѣя правильное сомнѣніе и без-

покойство не хочет рѣшительно отъ нихъ освободиться, или — когда должно и можно въ чемъ удостовериться, она о семъ не спарается: *Извинительною* напрошивъ бываетъ въ то время, когда и хочетъ и спарается въ чемъ либо увѣриться: но не имѣетъ къ сему никакого пособія и средства. Наприм: наследникъ спокойновладѣетъ оставленными долями своихъ предковъ имѣнью, имѣнью, которое предкамъ его снискали всѣми неправдами. Сей наследникъ о неправильномъ прежнемъ снѣжаніи еслили не имѣлъ никогда непокло сомнѣнія, но даже понимая; по сему, думая, что наследіе его законное, хотя и находится *въ догрѣшительности*, однако сія погрѣшительность не самопроизвольная, а принужденная, следовательно *извинительная*. Но тому же наследнику еслилибъ открылось правильное снѣжаніе имъ обладаемаго имущества, и онъ при семъ не захотѣлъ возвратитъ его, кому обратуесть; въ такомъ случаѣ совѣсть его обратилась бы въ *неизвинительно ошибающуюся* и совсемъ въ прошивую свѣдѣльнику справедливости.

Когда человекъ такъ поступаетъ самопроизвольно и знакомо: тогда *совѣсть* его называется совѣстію *слѣпою*, лож-

ложною, испорченною, гнусною предъ очами Божіими и человѣческими. Вотъ соспоянїе самое жалкое и несчастное, еспли въ немъ пребываетъ душа наша: ибо *слѣлая* совѣспь ввергаетъ человѣка во всѣ проступки, во всѣ непошребности, во всякую крайность; дѣлаетъ его грѣшникомъ, а изъ грѣшника, еспли оспается неисправимою, сыномъ ожесточенія и гибели.

Боже Праведный! не попусти дойти швоему созданію до столь плачевнаго соспоянія! Еспли я покушаюсь сотворить неправедное предъ Тобою; возбуди, пріумножь во мнѣ всѣ душевныя мученія для того, чшобъ я, погрѣшая совѣспію, не оспался на всегда въ обманчивомъ спокойствіи — спокойствіи, которое въ началѣ льспилъ, но послѣ погубляетъ! Человѣколюбче! доколѣ Ты не преспанешь угрожать меня Правосудіемъ своимъ при покушеніи моемъ на какое нибудь зло, дошолѣ я буду вѣришь и чувспвовать, что Ты лучъ благошробія еще не отшврашилъ отъ раба своего: но, какъ скоро оспавишь меня спокойнымъ въ преспунленіяхъ; сіе будетъ мучительнымъ свидѣтельствомъ швоего гнѣва и близкимъ пушемъ къ послѣднему моему несчастію! Внемли моленію моему;

возбуди отъ сна грѣховнаго совѣсть мою; даждь опчаянному сердцу возчувствовать болѣзнь; оживотвори его любовью своею, любовію соспоющею въ обличеніи и исправленіи. Сею единого благополучія ожидаетъ отъ Милосердія Твоего живущій на землѣ!

НАСТАВЛЕНІЕ VI.

О

Мученіяхъ совѣсти

Какое несчастіе для человѣка по увлеченію сирасней предаваться беззаконіямъ! Безпокойство, грызеніе, страхъ всюду его преслѣдуютъ. Безпокойство превозимъ его душу, грызеніе раздраетъ сердце, страхъ всего ввергаетъ въ уныніе. Ужасныя мученія!

Разсмотримъ ихъ подробно, и — мы ни по какому увлеченію сирасней впадемъ во грѣхъ не опважимся.

Человѣкъ грѣхопаденіемъ отдаляетъ отъ себя Благодать Божію; миръ ошлепаетъ отъ души его, а вмѣсто онаго занимаетъ *безлокойство*. Непроницаемая шма, покрывшая нѣкогда все лице Эгипша, представляетъ жалкую кар-

картину объятаго *безпокойствомъ* душевнымъ законопреступника. Его обтекають спрашныя пучи помышленій; тысяча горькихъ воображеній волну ютъ духъ его попеременно; видъ беззаконія, въ которое онъ впалъ, — опдаленіе Святаго Духа, котораго онъ протѣвалъ, — трудность къ обращенію на покаяніе, въ разсужденіи котораго охладѣло сердце его; сіи и симъ подобныя представленія совсемъ отъемлютъ шишину у челоуѣка. Море волнами съ пескомъ кипящее едва ли въ большей бываетъ колебимости, нежели какое ощущаютъ въ себѣ грѣшники, познающіе беззаконіе свое! — Напрасно, напрасно тако волнующаяся душа силился иногда упишишь безпокойство свое наружными развлеченіями! Обращеніе въ свѣтъ, забавы, зрѣлища могутъ на нѣсколько пришупить жало смущенія внушрняго: но спустя нѣсколько, они къ бывшимъ души язвамъ новыя и глубочайшія прилагаютъ раны: ибо послѣ всякаго чувствительнаго развлеченія, хотя бы и не хотѣлъ, грѣшникъ паки возвращается въ себя; видитъ душу свою болѣе прежняго мяшущуюся; видитъ, — и сію горькую чашу безпокойства принужденнымъ оспаается

пить

пить до овра болѣзненнаго, а нерѣдко до самаго гроба.

Многokrатно многіе сіе опытомъ дознали и многokrатно говорили съ Пророкомъ: *вскую прискорбна еси душе моя* (*), что тебя огорчаетъ? *И вскую смущаеши мя*, и почто лишаешь меня Благодатнаго спокойствія? Сему волненію причиною приверженность наша ко злу. Порочная совѣсть никогда спокойною быть не можетъ. Грѣхъ всегда пребудеть для ней разипельнымъ мечемъ, мспительно пресѣкающимъ всѣ ея удовольствія, покой и отраду. Беззаконникъ ни чѣмъ не можетъ заглушить внутрь сердца своего сего ужаснаго обличенія: „ доколѣ ты будешь преспу- „ никомъ, дополѣ виновенъ; а доколѣ „ виновенъ, дополѣ пребудешь злощаст- „ нымъ. „ За симъ смущеніемъ вскорѣ наступаетъ *грызеніе*.

Грѣшникъ куда бы ни сокрылся, нигдѣ не можетъ забыть сего: „ что я „ сдѣлалъ? „ Вотъ первая мысль по смущеніи начинающаго приходитъ въ разумное чувство грѣшника! „ что я „ сдѣлалъ? — Нещастный! изъ мнн- „ мыхъ

(*) Пс. LII. 5.

„ моихъ корыстей преступилъ заповѣдь
„ Господню, раздражилъ Бога; изъ ни-
„ чего потерялъ сокровище Благодати;
„ на плѣннѣе промѣнялъ наслѣдїе без-
„ смертія; чувственнѣмъ удоволь-
„ ствіямъ пожертвовалъ блаженною
„ вѣчностію. Несчастнѣй! что я сдѣ-
„ лалъ? „

Человѣкъ прежде нежели содѣлаесть грѣхъ подѣ предлогомъ какого нибудь добра, царствующія надѣ нимъ страсти шакъ упоеваютъ его своимъ ядомъ, что онѣ лишается почти всякаго разсудка. Но какъ скоро грѣхъ бываетъ исполненъ: страсти упихая разуму даютъ свободу; разумъ, получивъ свободу, входитъ обо всемъ въ разсужденіе; видя грѣхъ содѣяннаго беззаконія гнусность, и вдругъ производитъ обличительное *грызеніе*; грызеніе, которое никто не можетъ живо представить, кромѣ внутренняго гласа грѣшныя совѣсти.

Начавшееся *грызеніе* шѣмъ несноснѣе бываетъ для преступника, чѣмъ яснѣе представляесть въ памяти его то щаспливое положеніе, въ какомъ онѣ находился до нарушенія закона. Да и не все ли намъ сіе положеніе приводитъ на память? Образъ добродѣтельныхъ людей, съ которыми мы прежде обращались открыто и любезно, но

по

по содѣланій беззаконія естли приво-
дитъ насъ въ стыдъ и ужасъ; торже-
ственные духовныя празднества, кошо-
рыхъ мы прежде ожидали съ нетерпѣ-
ливою радостію, а теперь естли онѣ
намъ наскучили; благолѣпіе священ-
ныхъ храмовъ, о которыхъ прежде рев-
нительно другъ предъ другомъ спара-
лись, а теперь въ разсужденіи ихъ
охладили; образъ Спасителя, образъ,
у подножія коего спремишельно хотѣли
повергнуть сердца свои, а нынѣ препи-
наемся: все сіе не возбуждаетъ ли
разительныхъ обличеній, не умно-
жаетъ ли живыхъ грызеній совѣсти,
грызеній, — паче меча остра про-
ходящихъ душу и сердце? Нѣтъ
злостасіище законопреступниковъ; они
сами въ себѣ скрываютъ причину
злостасіи, и сего не видятъ; са-
ми въ себѣ питаютъ погибельный
ядъ, терзающій внупрениость, и не
исправляются.

Однако не симъ еще довершается
полная мѣра мученій, ощущаемыхъ
по содѣланіи беззаконій. *Грызеніе* совѣ-
сти терзаетъ грѣшника во времени;
кромѣ сего есть ужасная Вѣчность,
ожидающая и угрожающая беззакон-
нымъ. Съ какимъ прешетомъ смотрятъ
прешупники на неизмѣримость бытія
имѣю-

имѣющую воспослѣдовать по часѣ смертнѣмъ? Мы согрѣшили, — заслуживаемъ адъ. Чшо, естли умремъ въ перискаяннн, каковъ будетъ нашъ жребій? Чшо естли умремъ внезапно? да развѣ и удивительно! — Умереть можно минушно; каждой день мы ближе ко гробу; всякой часъ быть можетъ послѣднимъ нашея жизни. Или всякой еще ожидаетъ спрашнхъ предвозвѣстнй кончины своей при наступленнн спаростн, при отчаянномъ разслабленнн на одрѣ смертнѣмъ? Но не восхищаютъ ли многихъ болѣзни непредвидимыя? Не всегда ли мы слышимъ, чшо такой-то и такой-то человекъ умеръ скоропостижно, не имѣя времени покаяться? Сн примѣры Богъ предсказываетъ намъ для того, чшобъ мы ужасались умереть въ беззаконнхъ; чшобъ мы, видя послѣднее несчастнн, сбывшееся надъ другими, сами опасались подпастъ подобному бѣдствню, подобной клятвѣ, подобнымъ мученнмъ.

Всего поразительнѣе для грѣшника воспомнанн *послѣдннкб*. Сн видно изъ писанн. Устрашишися, вѣщаетъ живый на Небесѣхъ къ беззаконному: *убошися во дни и во ноци* (*); упрѣмъ речешъ онъ

(*) Впороз. XXVIII. 66.

опть ужаса : кто продлитъ жизнь мою до вечера ? а ввечеръ скажешь : кто сохранишь до утра , да узрю Небеса и оставивши беззаконіе восхваляю Господа ? *Завтра отъ страха сердца твоего , имѣ же убоишися , речеши : како будетъ вечеръ ? и вечеръ речеши , како будетъ утро (*) ?* Гдѣ не раздастся сей спрашнй , гласъ терзающіяся совѣсти ? Въ великолѣпныхъ чертогахъ , посредѣ бипвѣ оруженосцевъ , внутрь градовъ и въ уединеніи , — всюду испительное обличеніе сіе , въ шрепетъ приводитъ грѣшную душу. „Я умру въ беззаконіи ; я погибну ; я наслѣдую неизреченное наказаніе отъ прогнѣваннаго Бога ; я вѣчно и отчаянно буду злощастенъ. Нѣтъ мучительнѣе сего состоянія ! однако оно спасительно.

Нещастіе наше было бы больше , еспьлибъ мы , немоощствуя душою , не чувствовали болѣзней ея . Прискорбенъ бываетъ грѣшникъ , входящій въ чувство ; только сіе прискорбіе насильно влечетъ его ко исправленію . Проступившисъ обратимся на путь истинный , и — мы уже оправданы . Каждой вздохъ раскаявающейся души , въ книгѣ живша вѣчнаго замѣчается каплями

(*) Второз. XXVIII. 67.

лями крови Иисусъ Христовой. И такъ мученіе совѣснѣ есть благо: ибо оно споспѣшествуетъ спасенію; есть благо изъ всѣхъ первое, ибо чрезъ оное начинается обращеніе грѣшныхъ; есть благо основательнѣйшее прочихъ, потому что всѣмъ открываетъ самую истину; словомъ, оно есть единое совершенное благо; ибо грѣшникъ, изгнавши изъ сердца своего всякую благодать, не имѣетъ другаго къ оправданію средства, кромѣ мученія совѣснѣ.

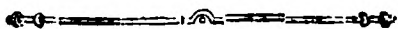
Войдемъ убо въ себя самихъ, и — еслии совѣснѣ наша ни въ чемъ насъ не избличая пребываетъ спокойною: возхвалимъ милосердаго Бога, что онъ поставилъ насъ на такой степени совершенства; а чтобъ мрачныя грѣховныя лучи никогда не могли затмить спасительнаго сіянія благодати Его; для сего ничего не должно дѣлать, что бы могло насъ удалить отъ Бога. Еслии же чтонибудь насъ, приводя въ сомнѣніе, беспокоитъ: то, не восхотѣвши по ослѣпленію вѣчно оспаться осужденными, сомнѣніе свое вскорѣ поспѣшимъ преобразить въ основательную истину: а когда совѣснѣ явно обличаетъ насъ въ какомънибудь грѣхопадении; тогда, минушы не медля, надлежитъ намъ для примиренія съ

Часть I.

Г

Бо-

Богомъ свергнушь съ себя бремя грѣхонное: ибо минута можешь оправданъ насъ и минута рѣшишь жребій нашъ на вѣчное осужденіе. Благоразумень, кто за непреѣбный законъ пославляешь ничего не дѣлаешь противъ винушений совѣсти; а въ случаѣ сомнѣнія все исполняешь съ такимъ духомъ, съ какимъ всякой бы желалъ исполнить въ часъ смертный!

НАСТАВЛЕНІЕ VII

О

Выгодахъ Вѣры.

Богъ благоволилъ намъ родиться въ нѣдрахъ православныя Вѣры. Онъ не преспанно озаряетъ насъ живыми ея лучами. Сей залогъ оправданія, яко неопѣненное сокровище наслѣдія, мы получили отъ своихъ предковъ. Всѣ почипающъ его даромъ благодати: но всѣ ли понимаютъ подлинную цѣну его и выгоды? Вотъ что составляетъ для насъ Вѣра, и вотъ что мы можемъ говорить сами съ собою, питая къ ней въ сердцѣ своемъ чувствованія справедливаго уваженія:

„Я

„Я обипаю въ нѣдрахъ Вѣры. Вѣра
„составляетъ для меня неразрѣшимый
„союзъ, соединяющій съ Церковію, —
„непремѣняемый законъ, разрѣшающій
„все мои сомнѣнія, — основательное
„утѣшеніе во всехъ прискорбіяхъ жизни
„сея, — наконецъ спасительное *помы-*
„*шленіе*, ободряющее въ часъ смертный.
„Трагодѣнная Вѣра! Чѣмъ я тебѣ обя-
„занъ, еслили ты служишь для меня
„источникомъ великихъ выгодъ?»

Я обипаю въ нѣдрахъ Вѣры, со-
ставляющей для меня неразрѣшимый
союзъ, соединяющій съ Церковію. Съ
Церковію тогда подлинно мы бываемъ
связаны, когда бываемъ ея таинствен-
наго состава духовными членами. Си-
ми намъ бытъ не возможно, еслили
не соединимся съ Церковію чрезъ Вѣру.
Безъ Вѣры предъ очами Церкви все
представляются овцами заблудившими
отъ своего Пастыря, членами отсѣ-
ченными и опдѣленными отъ цѣлаго
тѣла: но когда одушевляешь насъ
Вѣра; тогда мы вступаемъ въ сообще-
ство православныхъ, приобщаемся язы-
ку Святому, включаемся въ число
чадъ Божіихъ, имѣемъ право на наслѣ-
діе Небесное. Пустьъ хвалятся прочіе
тѣмъ, что они родились въ царскихъ
чертогахъ, произошли отъ крови лю-

дей великихъ: но мое щастіе быть всегда сыномъ Церкви. Для чего? Ибо я чрезъ сіе надѣюсь достигнуть ко спасенію; уповаю взыпи на Небеса. Такое помышленіе и рѣшимось рождается отъ Вѣры; безъ нее все влечетъ насъ въ пропасть крайнюю неблагополучія.

Да скажутъ: безъ Вѣры находима много людей благочестивыхъ, непорочныхъ, невинныхъ; въ Вѣры есть люди добродѣтельные, исполняющіе молитвы, постъ, милостыню и проч. — Дѣло великое и похвальное! но при всѣхъ помянутыхъ добродѣтеляхъ не достаешь еще существенной т. е. *любовности Вѣры*. Безъ сей нѣтъ ни заслуги, ни спасенія, ниже награды; безъ сей всѣ добрыя дѣла суть дѣла блистательныя, но дѣла *безкорыстныя*; плоды видимыя, но плоды *несозрѣлыя*. Напрасно язычники, или развращенные хвалятся одними дѣлами; Евангеліе вѣчно будетъ проповѣдовать: *иже не имать Вѣры, уже осужденъ есть*; Апостоль всегда будетъ поучать, что *безъ Вѣры не возможно угодить Богу*; Иисусъ Хрїсѣосъ всегда будетъ повелѣвать, что *бъ мы слушающагося Церкви непремѣнно почитали за мытаря, или язычника, не смотря на то, что онъ строгъ*

строгъ въ жизни своей, яко *Анахореты*, или прозорливъ, какъ *Ангелъ*.

Въ какое придушь удивленіе и соболѣзнованіе удалявшееся отъ Вѣры въ день явленія своего на судъ Господень! Какое обвиненіе отчаяніе отвергшихся Церкви прошивниковъ, когда они думая, что собрали великое сокровище естественными заслугами, предъ очами Божіими являясь съ пустыми руками! Не таковъ будетъ жребій *отрожденнаго*! Сей обитая на землѣ когда въ Вѣрѣ одушевляется любовію; нѣтъ минуты житія его, которая бѣ не была замѣчена на Небеси; нѣтъ дѣянія, которое бы не было записано въ книгѣ живота; нѣтъ въ немъ дара, которымъ бы онъ не припождалъ награду свою въ вѣчности или на шестьдесятъ или на сто. Се новый и драгоценный плодъ Вѣры!

Я обитаю въ нѣдрахъ Вѣры, которая составляетъ непремѣняемый законъ, разрѣшающій всѣ мои сомнѣнія. Коликократно мнѣ нужно прибѣгать къ ней, дабы освободиться отъ внутренняго безпокойства и утвердиться въ довѣрїи? Разумъ нашъ всегда любопытствуетъ, всегда тревожится, всегда хотимъ проникнуть тайнства Вѣры. Въ случаѣ мрачности, при об-

лакахъ темныхъ, опивсюду его окружающихъ, онъ на каждомъ шагу видитъ себя препинающимся; увидишь, и вопрошаетъ: „*по чему сіе? Какъ это?*“, Многія непроницаемыя тайинства, кажется, подавляютъ его своею тяжестью. При семъ естлибъ мы ничего не имѣли, кромѣ природныхъ дарований: до чегобъ доведены были? Но, — благодареніе Богу! когда я прибѣгаю къ Вѣрѣ; оспаюсь безпечнымъ, *по чему и какъ* исчезаютъ. По чему сіе? И Вѣра мнѣ ошвѣтспвуетъ: поелику *рече Бгдв. Какъ это?* И Вѣра мнѣ внушаетъ, что тако учить Святая Церковь. Все сказано сими двумя словами; все заключено въ сихъ двухъ несомнѣньныхъ рѣшеніяхъ.

Иногда умы смущающіеся и упорные предлагаютъ мнѣ безчисленные вопросы, приводящъ меня въ сомнѣніе въ разсужденіи испинѣ Откровенія; при семъ углубляюсь я въ свое сердце и сознаю, что не могу пропивниковъ совершенно оспразить и удовольспвовать. Однако не смотря на собственную слабоспъ, когда вопросы и сомнѣнія ихъ ошношу къ Вѣрѣ; на всѣ ошвѣтспвую — и съ успѣхомъ двумя шокмо помянутыми словами: Святая Церковь такъ говоритъ; Вѣра сему научаетъ.

часть. Вотъ чему я вѣрю, и чего утвердительно придерживаюсь. Дай Богъ, чтобы я ничего не хотѣлъ знать больше. Правда! сомнѣваешься часпю всѣмъ прилично и свойственно: ибо въ нѣдрахъ самая Церква возникаютъ споры, раздѣляющіе послѣдователей ея и порождающіе различныя школы. При сей поколебимости чтобы я былъ, еслили бы полагаюся на свои слабыя дарованія? Съ той и съ другой спороны вижу людей просвѣщенныхъ; тѣ и другіе приводятъ свои причины, свои прекословія: чего придерживаюсь? Вѣры; я на сіе соглашаюсь. Но гдѣ истинная Вѣра? Всякой въ себѣ ласкается имѣть оную, и съ своей стороны ее защищаетъ: на что рѣшиться? Церковь, Церковь, шло пасырей, соединенныхъ съ главою своею Иисусомъ Христомъ; вошь законъ мой, вошь моя истина! Сей еслили я послѣдую, все, служащее къ убѣжденію моему, ничего не спойшь, все и пристрастіе и секпы и ковы. Безмертное благодаріе Вѣрѣ! она прекращаетъ мои смущенія, прогоняетъ безпокойства, не престаешь щасливить меня своими дарами.

Я обихаю въ нѣдрахъ Вѣры, и — она соснавляетъ для меня основатель-

ное *утѣшеніе* во всѣхъ прискорбіяхъ жизни сей. Надобно признаваться, что есть минуты, въ которыхъ разумъ можетъ насъ поддерживать; но бывающъ такъ же случаи, въ которыхъ, дабы не пасть, нужно прибѣгать къ Вѣрѣ. Встрѣчающа сѣ нами такія спрашныя обстоятельства, случающа такія опасныя перемѣны, что обыкновенныя утѣшенія оказываются недействительными. Въ чувствительной горести, въ сердечной мсей болѣзни напрасно разумъ представляеть непостоянство вещей и дѣль человеческихъ, напрасно живо описуеть суету благихъ мѣра; ибо все сіе касается до поверхности мей души, а во внутренность не проходитъ. Стоическая твердость, мудрость философская напрасно такъ же снабжаютъ меня своими напыщенными правилами; напрасно говорятъ: „что мудрецъ „ничѣмъ не долженъ шогаться; что „человѣкъ созданъ для обладанія самими собою, и для господствованія „надъ произшествіями жизни „ Удалитесь отъ меня непріятныя утѣшители; оставьте меня снѣдаться печалію моею въ тайнѣ! Скорбь мей угнѣтаеть, но она васъ милѣе: ибо вы когда силитесь прекратить, или умягчить оную; тогда большимъ для меня служи-

служите отягощеніемъ. Друзья вѣрныя! друзья, прогающіеся моимъ жребіемъ, напрасно и вы меня упѣшаете увѣрять, что вы участвуете въ моемъ несчастіи, что вамъ чувствительно мое огорченіе: я это слышу по наружности, слышу холоднокровно; ибо болѣзнь моя заглушаетъ ваши совѣты; ничто я въ себѣ не чувствую, кромѣ пустоты и изсушенія; ничто меня не прогааетъ; при всѣхъ пособіяхъ я не могу освободиться изъ бездны злощасія.

Но се Вѣра притекаетъ мнѣ на помощь; она заставляетъ меня предъусматривать, что огорченіе мое можетъ еспоспѣшествовать моему благополучію; она мнѣ открываетъ, что болѣзни мои впекаютъ въ назданіе моего спасенія, что источникъ слезъ можетъ учиниться источникомъ моего блаженства. Вѣра мнѣ говоритъ, что посредствомъ огорченій своихъ я могу загладить грѣхи свои, укротить гнѣвъ Божій, заслужить мѣсто въ числѣ избранныхъ; Вѣра Богочеловѣка, вознесеннаго на крестѣ, предсавляетъ мнѣ въ примѣръ подражанія, отвергаетъ Небеса предъ очами моими въ награду трудовъ моихъ, показываетъ мнѣ блаженную вѣчность, яко цѣль моихъ временныхъ спрданій. При семъ утѣшеніи

сердце мое начинаетъ ограждаться терпѣніемъ, скорбь моя не столько жажется горькою. О многомощная и божественная Вѣра! тебѣ одной свойственно производить чудеса сіи. Ты мнѣ представляешь Бога - Человѣка умирающаго, и — я его обожую; ты мнѣ представляешь крестъ, и — я оный добываю; ты мнѣ показываешь вѣчность, и — я ее ожидаю. Ничто не можетъ успокоить меня обуреваемого волнами печалей житейскихъ; но едва къ тебѣ прибѣгну, бездна злоключеній измѣняется въ источникъ опрады.

Сверши убо надо мною послѣднее дѣло свое, спасительная Вѣра! ты во всѣхъ прискорбіяхъ жизни сея дѣйствительнымъ служишь утѣшеніемъ; ты же пребуди для меня спасительнымъ *мышленіемъ*, имѣющимъ ободрить унылую душу мою въ часъ смертный. Надеюсь, что ты соснавишь для меня сію опраду, и при семъ - то случаѣ паче другихъ я познаю неоцѣненныя твои выгоды.

Я умираю въ Вѣрѣ, скажешь нѣкогда вѣрная душа, я отхожу спѣ шѣла моего посредѣ Церкви. Сколь сладко послѣднія минуны временныя жизни посвящать сему залогу, сколь надежно послѣднее воздыханіе испустить
въ

въ объятіяхъ матернихъ и опчихъ, въ жилищѣ Церкви и въ рукахъ ея управляющихъ! Божественная Вѣра! пріими залогъ мною тебѣ возвращаемый; тебѣ шокмо почишаю я надежнымъ пушемъ ко спасенію и единственной спезею, приближающею къ Богу. Сколь славно такое признаніе умирающаго человѣка, и виѣспѣ сколь сладко!

Самая Церковь сіе *ломышленіе* для человѣка сполько упѣшительнымъ почидаешъ въ часъ смертный, сполько удобнымъ къ преклоненію Бога на милосердіе, что въ молишвахъ, исполняемыхъ надъ умирающими, она ни о чемъ чаще не напоминаешъ, какъ о Вѣрѣ, каковую скончавающійся исповѣдовалъ въ жизни своей. „Боже благоупробный! „шакъ взываешъ всегда Церковь, буду- „чи объята неизбѣяснимыми чувствіями „довѣрія на заслуги Христовы, се душа „шобою сотворенная спѣшитъ явиться „предъ лицемъ швоичь. Съ великими „перемѣнами прешла она страшное по- „прище жишейское; но при всѣхъ заблу- „жденіяхъ своихъ не потеряла Вѣры! „Троице поклоняемая, Ошедь, Сынъ и „Свяшпый Духъ! она всегда исповѣдовала „швое Пресвяшпое имя. По сильныхъ пе- „чалѣхъ и ропшаніи она являешся „наконецъ предъ шобою съ живою Вѣрою: „прі-

„пріими оную, Боже! въ лоно своего
„милосердія.“ Истекай Хрїстіанская
душа опъ тѣла своего къ Небесамъ;
испекай яко увѣренная во оправданіи;
Частъ согрѣшеній обличипъ тебя нѣ-
сколько предъ Судією міра; но Вѣра
изходатайствуетъ благодать и пріоб-
рѣтетъ тебѣ милость.

Се послѣдній и всѣхъ драгоцѣннѣй-
шій даръ, какой шокмо мы можемъ
обрѣтать отъ своея Вѣры. Она спасетъ
насъ въ день гудный; спасетъ, естли
въ теченіи дней своихъ въ ней пребу-
демъ непоколебимыми, ненарушающими
ся предписаній, чувствительными на-
сегда въ разсужденіи всѣхъ ея выгодъ.

НАСТАВЛЕНІЕ VIII

О

Обътахъ нашихъ Вѣрѣ.

Коль неизглаголанное сокровище соста-
вляетъ для насъ Вѣра наша! Безъ оныхъ
никоп не можетъ угодить Богу; а
при ней всѣ спасаются. Безъ Вѣры са-
мая правда наша ничто предъ Госпо-
демъ, а при оной грѣшніи получаютъ
оправданіе.

Одна-

Однако пользуясь плодами ея мы должны знать и шѣ объшы, которые связуютъ насъ съ Вѣрою нашею отъ купели до гроба. Они состоятъ въ четырехъ добродѣтеляхъ: *въ любви*, по которому намъ должно слушаться Вѣры своея съ преданностію, *въ привязанности*, заславляющей насъ любими Вѣру нѣжнымъ сердцемъ, *въ ревности*, поощряющей насъ защищать выгоды Вѣры съ горячностію, наконецъ *въ дѣятельности*, много служащей къ прославленію Вѣры.

Прошедый Небеса и пострадавый немощьмъ нашимъ Богочеловѣкъ Іисусъ! Ты озарилъ насъ познаніемъ истиннаго исповѣданія; Тебя убо и просимъ, низпосли намъ благодать свою, чтобы мы лучше отъ нынѣ разумѣли объшы наши Вѣрѣ, и уразумѣвши, чтобы съ большею почностію оныя выполняли.

Придерживаясь истиннаго исповѣданія мы обязаны Вѣрѣ своей *любовію*. Сего объша нашего какіе должны быть лучшіе и святѣйшіе признаки? *Кротость и преданность*. Вотъ ненарушимое обязательство истинныхъ сыновъ Церкви! Сихъ признаковъ *любви* требуетъ отъ насъ Вѣра наша, требуетъ столь необходимо, что естли кто въ нихъ оной отрицается; того

ного она повергаетъ осужденію и клятвамъ. Покусимся мы пересудить святыхъ успановленія Церкви; ошванжимся речи: для чего Хрістіанамъ предписано строгое воздержаніе отъ брашнѣ? Къ чему служашъ продолжительныя молишвы? Для чего покаяніе усшавлено чрезъ священниковѣ? Вѣра скоро признаетъ насъ за сіе извергами Хрістіанѣ, овцами заблужденими, камнемъ претыканія и соблазна, камнемъ немогущимъ занимашъ мѣсто въ зданіи Небеснаго Іерусалима, членомъ гнилымъ, заразительнымъ; а слѣдственно заслуживающимъ отсѣченіе отъ таинственнаго тѣла Хрістова и поверженіе въ челюсти вражіи. Чего опасаясь необходимо нужно, повинуюсь Вѣрѣ, имѣшъ каждому крошестви преданности, также *твердость и непоколебимость.*

Въ случаѣ мы обязаны ничего не жалѣшъ, все сносишъ, все шъ жертвовать, шпобъ токмо не потеряшъ Вѣры. Богатство, чести, здравіе, свобода, жизнь временная часптю для насъ драгоценны: но еспли ихъ сравнишъ съ Вѣрою, шп послѣдней должно отдашъ надъ всешмъ преимущественно, и еспли пошребно, шп безъ прекословія на развалинахъ всего временнаго мы

долж-

должны воздвигашь престолъ вѣчно торжесивующія Вѣры. Симъ бо только мы можемъ доказать прямо швердое и непоколебимое наше повиновеніе оной.

Кромѣ помянутыхъ знаковъ мы обязаны еще повиновашься Вѣрѣ *духомъ* и *сердцемъ*. Сію только жершву, яко чистый *семидалъ* всякъ да возкуряешь на жершвенникѣ исповѣданія своего; ибо когда Вѣра повелѣваешь: „исповѣдайте „Евангеліе, блюдише шаннсшва, швори- „ше дѣла досшойныя покаянія „ тогда повелѣнія сіи предписуеть она не для единого слуха; а болѣе для души и сердца. Подлинно, мало для Вѣры; чшобъ мы повиновались ей шокмо наружно; не довольно для оной, чшобъ при исполненіи законовъ ея мы соблюдали внѣшнее шокмо благоговѣніе, внимание и молчаливость. Вѣра не рукъ и очесъ онъ насъ шребуешь, а самого сердца; по сему пусть правое око наше да исполнется, ештли оно ничего не означаеть кромѣ духа, обманывающаго и людей и Бога; пусть языкъ да прилшнетъ горшани, ештли онъ чшо ни говоритъ, говоритъ несогласное съ сердцемъ. Исповѣданіе наше научаетъ шворить добро въ шочности, а нелицемѣрно; Вѣра совѣшуетъ намъ лучше умереть, не-

нежели агашь; припворно повинующіе-ся Вѣрѣ заслуживаютъ вѣчное проклятіе, и мы видя шако живущихъ должны говорить: „Отдѣлилися отъ насъ, „лицемѣри! отступише дѣлашеи не- „правды! Вѣра бо ваша не есть чистая „Хрїстіанская., Языческа я чеснотность лучше наружныя красоны гробовъ Фарисейскихъ, гробовъ внупрѣ исполненныхъ всякаго срама и нечислоты грѣховныхъ.

Второй обѣтъ нашъ Вѣрѣ состоитъ въ *привязанности*, располагающей насъ любить ее съ нѣжностью. Церковь есть мать наша; по сему качеству можно ли намъ не любить ее, а слѣдственно и Вѣру, на которой утверждается Церковь? Церковь есть мать наша; по сему сколько отъ ней испекаешь на насъ благодарній, а слѣдственно и отъ Вѣры; ибо церковь одушевляется Вѣрою? Любя убо первую, не лзя не любить и послѣднія.

Церковь порождаетъ насъ во Хрїста *водою и духомъ*; она отъ купели прїемлетъ насъ во свои обѣщанія; она въ младенчествѣ насыщаетъ насъ млечкомъ духовнымъ; она во гладѣ пишаетъ насъ манною Небесною и хлѣбомъ Ангельскимъ; она жажду нашу уполяетъ безсмертнымъ пишемъ Агнція крови; она,

она, егда начинаемъ возростаѣть во благочестіи, показываетъ намъ спезю къ горнему Іерусалиму, и какъ бы насильно всѣхъ привлекаетъ къ Богу: ибо сколько она возсылаетъ за насъ теплыхъ къ небесамъ молитвъ! Сколько приноситъ безкровныхъ жертвъ! Какихъ не совершаетъ служеній во освященіе и въ оправданіе наше! Однако не симъ еще ограничиваются благодаренія оной, а слѣдственно и Вѣры: ибо Церковь, что ни творитъ для спасенія нашего, все творитъ по Вѣрѣ и чрезъ Вѣру. Мы родились въ нѣдрахъ Церкви; въ ея же объятіяхъ уповаемъ испустить и послѣднее издыханіе къ вѣчности; ея же руками души наши чають бытъ пренесенными ко Оццу Небесному; ея же помощію мы вѣруемъ внити въ славу Хрїспову. И такъ кому паче пожертвуемъ мы любовію своею, естли опречемъ Церкви и Вѣрѣ? И правда, и благодарность, и явная польза не убѣждаютъ ли насъ сильнѣе всякой словесности любить Церковь? Не требуютъ ли, чтобъ мы сердце свое отдали матери своей? Чѣмъ же мы можемъ доказать къ ней любовь свою?

Ревностію. Вотъ залогъ любви чистѣйшій, залогъ, котораго для Вѣры

Часть I.

Д

ни-

ничего не можеть быть прїятнїе. Ревностїю: кто бы изъ Хрїстіанъ могъ отказать Вѣрѣ въ сей добродѣтели? На словахъ мы всѣ оную имѣемъ, всѣ ласкаемъ быль разширипелями благочестїя: но таковы ли на самомъ дѣлѣ? Испытаемъ безпристрастно себя самихъ. Боже! какой судъ откроется очамъ нашимъ! Мы всѣ Хрїстіане имеемъ, но не таковы нравами и поведениемъ.

Вѣра наша имѣетъ заповѣди, законы, преданїя. Вѣра наша имѣетъ заповѣди: выполняемъ ли мы оныя? Имѣетъ законы: соблюдаемъ ли мы ихъ? Имѣетъ преданїя: почитаемъ ли мы оныя? Исполненїе всякїя правды составляетъ живое свидѣтельство чистыя ревности; однако не всѣ оною водятся. Возьдемъ въ собственное сердце и спросимъ его: все ли повелѣнное оно любитъ и исполняетъ? Вѣра наша имѣетъ свои выгоды; — когда они приростають, прїемлетъ ли оно въ себѣ радостное участїе? — Когда теряются, чувствуетъ ли жалостное прїскорбїе? Вотъ ревность, которую должно почитать истиннымъ благочестїемъ. Всякой въ ней будетъ *нѣкогда* отвѣчать Богу; но не восходя до *нѣкогда*, нынѣ совѣсть каждаго не осуждаетъ

ждаемъ ли въ недостаткѣ живыя ревности? Вѣра наша, имѣя враговъ своихъ, пребудетъ, чтобъ мы противу ихъ вооружались, испытывалибъ гоненія, на сраженіяхъ являлись бы побѣдителями; однако мы не шутаемся, когда враги преобладаютъ благочестіе наше. Ревность дому Божіаго очень рѣдкихъ снѣдаетъ сердце, яко сердце Пророка. Мыслию, дѣлами, всею жизнію не всѣ почто готовы всегда пожертвовать Вѣрѣ. Или состояніе наше, суеты наши, беззаконія наши не позволяютъ намъ ни говорить, ни разсуждать о выгодахъ Вѣры? По крайности, молимся ли мы когда о Вѣрѣ своей? Просимъ ли Бога о соблюденіи оныхъ? Требуемъ ли отъ Небесъ благословенія истиннымъ чадамъ и защитникамъ Церкви? Ходатайствуемъ ли о прощеніи гонителей Вѣры? Яко Моисей, воздѣваемъ ли руки, когда притѣвники ополчаются на православіе наше? О Божественная Вѣра! Ты видѣла нѣкогда въ младенчествѣ Христіанства сію пламенную ревность. Первобытныя послѣдователи твои изливали за тебя кровь свою мученически: но днесь чѣмъ чада твои свидѣтельствуютъ къ тебѣ привязанность свою? Нечувствительностію, хладнокровіемъ: — сими ли мы должны до-

казывать подражаемую *дѣятельность*, много служащую къ славѣ швоей?

Вѣра и дѣла наши должны быть соединены и тещи согласно: ибо какъ дѣла безъ Вѣры суть дѣла безплодныя, такъ и Вѣра безъ дѣлъ есть Вѣра мершвая. *Отъ плода древо познано будетъ* (*), глаголетъ Спаситель, и Христіанинъ познается отъ дѣлъ своихъ. По сему хопя бы насъ и не спрашивали, какую мы исповѣдуемъ Вѣру; сіе во слухъ вселенныя должны проповѣдывать дѣла наши. Мы не носимъ знаменія Вѣры, знаменія видимаго на челѣ своемъ: но ее показывать должны нрапы наши; ее уважаемою мы дѣлаашъ должны поведеніемъ нашимъ. Любовь къ Богу, отверженіе себя самихъ, благошвореніе ближнимъ, взаимное вспоможеніе, вопъ славное свидѣтельство Вѣры, еспьли подлинно Вѣра живетъ въ насъ! Но когда шворимъ прошивное, безчестіе нанося Вѣрѣ не погубляемъ ли чрезъ сіе душу свою? Когда мы сообщаемся съ людьми подозрительными, слушаемъ соблазнительныя развратности, языкъ свой поклеветъ шворимъ подобнымъ яду змиину, виѣсто Священнаго писанія занимаемъ

(*) Матт. III. 10.

маемся чпеніемъ книгъ, разплѣваю-
щихъ непорочность душевную, въ очахъ
скрываемъ зависть, въ духъ гордость,
въ сердцѣ окаменѣніе, потрясающее
наше и ближнихъ благополучіе: при
такихъ поступкахъ нашихъ, *егда при-
детъ сынъ теловѣскій со Ангелы своими,
обращетъ ли Вѣру на земли?*

Ожидаемый Спасителю! Не осуди
насъ нѣ залогъ Вѣры нашей. Мы вѣ-
даемъ, что раби, вѣдяще волю швою,
но несотворше, біени будущъ паче не-
вѣдущихъ. Для сего, естли мы не
крѣпко держимся исповѣданія нашего,
накажи насъ за сіе во времени всѣми
печальми, но не отбѣятемъ Вѣры; на-
кажи, мы сіе заслуживаемъ; но шокмо
совсѣмъ не отврати лица швоего отъ
насъ, и не удали Духа швоего Свя-
шаго.

НАСТАВЛЕНІЕ ІХ

О.

Промыслѣ.

Есть Промыслѣ, слѣдовашельно дол-
жно почитать его; есть Промыслѣ,
слѣдовашельно надлежитъ ему повино-
вашься;

Д 3

ваться; есть Промыслъ, слѣдственно намъ нужно уплодотворять оный.

Есть Промыслъ, сему доказательства сѣяютъ повсюду, въ Богѣ, въ мірѣ и въ насъ самихъ. Въ Богѣ, — способности разума нашего извлекаютъ оный изъ самаго его сущности; въ мірѣ, — воззрѣніе на вселенную представляетъ его очамъ нашимъ весьма ощутительно; въ насъ самихъ, — внутреннее чувствованіе живо оный открываетъ.

Несомнѣнная истина о Промыслѣ проискаетъ изъ сущности самаго Бога. Когда Богъ есть существо совершенное; то не лзя не быть оному безконечно премудрымъ, безконечно благимъ, безконечно сильнымъ. Еслили Богъ Премудръ, то онъ долженъ знать порядокъ; еслили онъ благъ, то долженъ любить его; а еслили всемогущъ, то долженъ благоучреждать оный. Видимый успроенный порядокъ есть первое и непосредственное дѣйствіе Промысла, и такъ не лзя не быть оному. И какъ Богъ, будучи всѣхъ вещей первымъ началомъ, непременно и послѣднимъ концемъ оныхъ быть долженъ; но еслили Богъ составляетъ послѣдній вещей конецъ, непреложно ему слѣдуетъ управлять ихъ

ихъ къ своему центру; а чѣмъ къ сему управляешь ихъ, надлежитъ избирать и управляешь средствами къ помянутому концу служащими. Вопль дѣйствіе принадлежащее до Промысла; слѣдственно есть Промысль.

Кромѣ сего спросимъ: вездѣ ли есть Богъ? Или неизмѣримость Его престала быть неизмѣримою? Есть ли онъ существуетъ вездѣ; то вездѣ видить, вездѣ все знаетъ, всѣмъ дѣйствуетъ, все учреждаетъ; а сіе, чѣмъ Богу все видѣшь, знать, дѣйствовать, учреждать, — означаетъ Промысль. Опровергать сію истину не лзя иначе, развѣ съ потрясеніемъ основанія и утвержденія всѣхъ другихъ истинъ и съ погруженіемъ вселенныя въ перво-бытный Хаосъ, или въ гораздо жалостнѣйшее смятеніе, нежели по ничтожеству, изъ котораго она извлечена.

Есть Промысль. Да и какъ оному возможно сокрыться онъ нашего разума, еслили онъ въ строеніи міра какъ бы осязателенъ для нашихъ чувствъ? Кто можетъ, говорить Псалмопѣвецъ, кто можетъ привести въ молчаніе чудное прославленіе имени Божія онъ свѣшилъ кругообращающихся надъ нашими главами? *Небеса до-
даютъ*

даютъ славу Божію (*). Когда среди тихія полунощи при ясномъ времени возвожу я очи мои къ Небесамъ: какое зрѣлище предсавляетъ мнѣ швердь необозримая? Безчисленныя звѣзды текутъ во образѣ воинства; текутъ поспавленныя въ порядокъ подѣ руководствомъ Промысла ихъ управляющаго. Яркое и лучезарное сіяніе звѣздъ сихъ предсавляетъ Небо яко живыми дѣвшами усѣяннымъ. По чудной правильности движенія ихъ въ такой часъ такой - то звѣздъ должно явиться, и — она уже блещетъ; въ сію минушу надлежитъ другой сокрыться, и — она уже сокрылася. Постоянное и непрерывное ихъ теченіе отъ начала міра безъ пресѣченія и безъ остановки ежедневно начинается и окончивается. Какой усыпленный слухъ не можетъ услышать столь согласнаго и неизбѣжнаго славословія свѣтилъ Небесныхъ? Но — отъ Небесъ обратимъ очи наши на землю.

Здѣсь новое свидѣтельство Промысла открывается въ удивительной разнообразности предметовъ, древесъ, распѣній, плодовъ и живошныхъ ея покрывающихъ! Различные источники,

(*) Пс. XVIII. 1.

ники, яко сокровенныя жилы довольно напаяють жаждущія земли неизмѣримое тѣло. Древа покрыты плодами, луга усѣяны цвѣтами. Что мы должны думать о ненарушающейся разнообразности годовыхъ временъ? Съ какою правильностію раздѣляютъ они время, раздѣляютъ какъ бы измѣряя равновѣсіемъ? Святой Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что они представляють какъ бы чепырехъ сеспръ, раздѣляющихъ между собою наслѣдіе Отца своего, изъ копорыхъ каждая, будучи довольна своей частію, содержишь себя совершенно въ своихъ границахъ, и намъ попеременно доставляютъ дары свои. Весна оживотворяетъ землю, и покрываетъ оную пріятною зеленостію. Лѣто озлащаетъ поля богатою жатвою. Осень приноситъ плоды во обиліи. Зима покоитъ земледѣльца въ нѣдрахъ радости. Сіе прославленіе имени Божія не менѣе удивительно, какъ и Небесное. — За симъ пренесемся мы на брегъ проспаннаго моря.

Здѣсь какое увѣреніе о Промыслѣ сокрыто въ его глубинѣ и пространствѣ, въ его тишинѣ и волнованіи! Море иногда, будучи кротко и спокойно, представляетъ живой об-

разъ ненарушаемаго покоя Создателя своего; иногда, будучи колеблемо съ яростію, заспаваешь меня прешешъ грозныя десницы Владычни; никогда не выходя изъ себя самаго, заспаваешь меня обожать иѣ премудрыя распоряженія Промысла, которыя содержатъ оное въ предѣлахъ его. Кромѣ сего се воздымаются неизмѣримыя волны, подобныя высокимъ горамъ. Временемъ малыя песчинки укрощаютъ ярость ихъ; и такъ разбаваяся они о брегѣ не смѣютъ нарушить порядка, Промысломъ для нихъ на песокъ начертаннаго.

О вы, которые не воздаете Промыслу должнаго уваженія! Сомнѣвайтесь о немъ сколько вамъ угодно, сомнѣвайтесь! но прежде заспавьте молчать прославляющихъ его пварей неодушевленныхъ; погасите небесныя свѣтила возженныя надъ главами вашими; скажите нощи, чпобы она не возвѣщала болѣе дня; разстройте весь порядокъ времени и земныхъ произрастѣній; разорвите оплоты морскіе, словомъ, водарите во вселенной безпорядокъ царствующій въ вашемъ сердцѣ, и наконецъ при необузданной свободѣ еужденія своего рцйте: *нѣтъ Промысла!*

Оста-

Остановитесь сомнѣвающимся въ очевидной истинѣ; послушайте гласа, болѣе краснорѣчиваго, нежели гласъ природы, послушайте тайнаго чувства, внутрь сердца вашего раздающагося. При ощущеніи сего свидѣтельства не нужно мудрованіе: ибо когда что подтверждаетъ опытъ, тогда ничего нѣтъ опаснѣе, какъ размышленіе. Одно возрѣніе на насъ самихъ можетъ рѣшить недовѣріе наше въ разсужденіи Промысла. Кто можетъ воспротивиться чистотѣ внутренняго чувства? — Къ сему прибѣгая я вижу благоустроенное семейство, живущее посредѣ сладкаго покоя; вижу, и говорю: есть хозяинъ, коимъ онымъ управляетъ. Вижу спокойное общество, процвѣтающее науками, законами, правдою; вижу, и почиая такую имперію, говорю: есть Государь надъ оною царствующій. Вижу стадо пасомое въ щасливыхъ пажитѣхъ, охраняемое отъ хищныхъ волковъ; вижу и говорю: есть недремлющій пастырь, коимъ его сберегаетъ. Вижу корабль среди моря при распушеніи воѣхъ парусовъ щасливо плывущимъ къ своей пристани; вижу и не сомнѣваясь говорю: есть искусный кормщикъ, правильно держащій коринло въ рукѣ своей. При
семъ

семь когда я смопрю на вселенную какъ бы висящую и уравновѣшенную на воздухъ; взираю на ея порядокъ, красоту, разнообразіе, спройность, непоколебимоссть, и когда слышу, что это случай, взываю: *о слугай*, сколько ты премудръ! сколько ты прозорливъ! сколько основашеленъ, и почти сколько Божешвенъ! Но говоря, что это случай, можно ть семь увѣришь другихъ: но можно ли въ семь убѣдишь себя самага? Внутреннее сердечное чувствованіе ополчаешся противъ обманчиваго языка горшани моей. Въ безчисленныхъ случаяхъ противъ воли нашей внутреннее свидѣтельство испоргаетъ сознаніе въ разсужденіи Промысла. При нечаянномъ пораженіи, въ неожиданной опасности возводимъ мы очи къ небесамъ, и шопчасъ вопіемъ: Боже мой! естли недремлющее око твое, какъ многіе думаютъ, закрыто: то для чего бы намъ свои очи возводить на Небо? Естли слухъ твой ничему, какъ думаютъ нѣкоторые, не внемлетъ: то для чего бы намъ призывашъ Тебя на помощь?

Создашелю вселенныя! не выходя изъ себя самихъ внутрь сердца своего мы находимъ чувствительныя доказатель-

тельства въ разсужденіи твоего провидѣнія. Напрасно видящіе припворяются его невидящими, и сомнѣвающіеся оному пропиваясь: всѣ ихъ усилія, служащія къ опроверженію, безплодны, и по сему я заключаю, есть во вселенной премудрость, которая управляетъ; есть око, которое все видитъ, рука, которая все дѣйствуетъ, сила, которая все поддерживаетъ, вѣчность, которая все соблюдаетъ, словомъ, есть Промысль всевидящій, управляющій, благораспоряжающій; и такъ должно его почитать; слѣдуетъ ему повиноваться и улодотворять съ нашей стороны добрыми дѣлами. Вотъ сознаніе души разумныя! всякое противное сему человѣческое умствованіе означаетъ плачевное ослѣпленіе, а можетъ быть и наказаніе прогнѣваннаго Бога.

Н А С Т А В Л Е Н І Е X

Въ которомъ изображается собесѣдованіе души человѣческой съ Богомъ.

О

Дѣйствию Промысла.

Душа. Нѣтъ ничего справедливѣе, все-
сильный Боже! какъ взирай на луче-
зар-

зарныя, видимыя дѣла рукъ твоихъ
бышь убѣжденною въ исповѣданіи и
чествованіи Промысла: но не возвра-
ни, источникъ благости! открывъ
предъ тобою сердце мое, предста-
виль часъ недоумѣній моихъ, мо-
ихъ смущеній, да тобою упишашся
чувствуемая мною затрудненія и без-
покойства. Когда усремляю я очи
мои на сію обширную вселенную; при-
мѣчая все въ ней происходящее, вездѣ
ищу швоего Промысла и не обрѣ-
щаю. Затмилось кажется его луче-
зарное сіяніе, или совсемъ уничто-
жилось. Когда я взираю на неравное
раздѣленіе благихъ сего міра: вижу,
что одни имѣють всяческая, а дру-
гіе ничего не имѣють; одни ражда-
ся во обиліи на все безмѣрное распо-
чаютъ сокровище, а другіе, сменя
въ бѣдности питаются хлѣбомъ слезъ
своихъ; одни, кажется, рождены,
чтобъ быть щасливыми, а другіе
родившись, изнесли, представляется,
въ свѣтъ на челѣ своемъ сіе опредѣле-
ніе: буди проклятъ. Однако они всѣ
дѣши швоего Промысла. Какъ пони-
маешь сіе споль явное неравенство поло-
женій человѣческихъ? Для чего одинъ
говоритъ: во обиліи моемъ не подвижуся
во вѣкъ! а другой въ бѣдности вла-
чинъ

читъ жизнь свою? Сей поставленъ самовластнымъ господиномъ, а пошлъ пресмыкающимся рабомъ? Для чего, будучи всѣ чадами твоими, не всѣ равны; и когда всѣ должны стремиться къ единому концу, не однимъ путемъ къ нему достигаютъ?

И еще важнѣе; не довольно сего, что сокровища свѣта раздѣлены неравно: но для чего чаще порочные и злые люди участвуютъ въ семъ чудесномъ раздѣленіи? Кто не удивится видя нечестиваго издающимъ законы, а добродѣтельнаго принужденнымъ выполнять оныя, Иова созерцающаго на гноищи, а Ахава въ великихъ чертогахъ, Апостола Павла на мѣстѣ казни, а Нерона на престолѣ? Примѣчая, что всего больше видно въ свѣтѣ нечестіе торжествующимъ, а невинность угнѣтаемою, порокъ властвующимъ, а добро попираемымъ; разумъ, пришедши въ смущеніе, покушается произнести: гдѣ обитаетъ истина? Гдѣ царствуетъ Промысль? Гдѣ живетъ Богъ правды? Благій и всемогущій Создатель! оживи мою Вѣру; прости смущеніе моего духа, и благоволи успокоить безпокойство моего сердца.

Богъ. Душа маловѣрная, въ какое смущеніе и въ какое безнужество ввергаешь

гають тебя безпорядочныя твои чув-
ствованія? Доколѣ ты будешь судишь
о вещахъ по своему человѣческому по-
нятію? Я хочу изъ благоснисхожденія
унизиться даже до тебя, дабы возвы-
ситься чрезъ сіе жребій твой даже до мо-
его величія. Ты говоришь сама въ
себѣ: сіе неравенство положеній чело-
вѣческихъ и благихъ міра естли дѣло
Промысла? Ты жалуешься, для чего
одни богаты, а другіе бѣдны, одни
самовластны, а другіе подчинены,
одни владыки, а другіе рабы? Но помы-
сли и разсуди: при совершенномъ равен-
ствѣ состояній и имущества могъ ли
бы состояшь человѣчeskій родъ, граж-
данское сообщество и соединеніе всѣхъ
политическихъ членовъ въ одно шѣло?
Естли устроишь два великіе града,
одинъ состоящій изъ однихъ людей вели-
кихъ и богатыхъ, а другой изъ низ-
кихъ и бѣдныхъ; сей вскорѣ бы палъ
и уничтожился, а шомъ могъ бы себя
поддержашъ на нѣсколько: но при ра-
венствѣ шастія и чина въ обществѣ,
гдѣ бы всѣ люди были равны, равно-
мѣрно довольны и свободны, кто бы
захотѣлъ принять на себя званіе труд-
ное и изнуришельное, но званіе необхо-
димо нужное? Кто бы, видя другихъ
въ должностяхъ спокойныхъ и почти-
тель-

тпльныхъ, кто бы захопѣлъ въ видѣ земледѣльца орошать землю теплыми каплями кроваваго поа, естли бы другіе жили въ нѣдрахъ прохлады и нѣжности? По швоему сужденію въ каждомъ градѣ всѣмъ бы надобно быть чернію безъ раздѣленія, или всѣмъ законоправителями, сидящими на судилищѣ? Но во всей вселенной должно ли всѣмъ безъ изъятія повиноваться, или всѣмъ повелѣвать безъ различія? Естли сему быть не возможно; то никому не надобно ни повелѣвать, ни повиноваться: по сему предположенію вся вселенная преобразилась бы въ сполпѣ Вавилонскій.

И такъ неравенство состояній и имущества благихъ свѣта не токмо не пропивно Промыслу, но еще благоприятно: ибо пружина премудрости, приводящія все въ мірѣ въ движеніе, не могла ни чѣмъ лучше соединить людей между собою, развѣ союзами подчиненности и зависимости, и сіе для того, чпобъ щасливый, утѣшая бѣднаго, помнилъ превратность жребя своего, а бѣдный ожидая совершенной отпеды въ вѣчности единогласно бы съ первымъ прославлялъ Промысль премудро ими управляющій.

Часть I.

Е.

Душа.

Душа. Пусть, — все прозорительно
вѣдающій Боже! такому неравенству
не обходимо быть нужно: но для чего
при семъ не предпочтены праведные не-
честивымъ? Для чего не вѣренъ доб-
рымъ залогъ вѣдательства и сокро-
вище, изъ котораго бы они могли сдѣ-
лать лучшее употребленіе, нежели
злые, которые искажаютъ оный и без-
честпятъ?

Богъ. Познай и въ семъ случаѣ мой
Промыслъ, мою Премудрость. Правед-
ники для того лишены земныхъ сокро-
вищъ, чѣобы они не преспали быть
праведными; во обиліи они бы возгорди-
лись и развратились, а чрезъ бѣдность
я испытую ихъ добродѣтель и приум-
ножаю стягость славы. Іовъ гораздо
болѣе возвеличилъ имя мое на гноищи,
нежели князіе живущіе въ богатыхъ
чертогахъ. Съ другой стороны, чѣпо
я грѣшникамъ вручаю благая мѣра сего?
Для того, чѣобъ показать имъ суетность
оныхъ и ничтожество; а иногда я оныя
имъ ущедряю яко врагамъ меня не-
любящимъ съ тѣмъ, чѣобъ посредст-
вомъ временныхъ благодѣній учинишь
сердца ихъ чувствительными и при-
влечъ ихъ на путь истинный; време-
немъ я доставляю имъ благія сія въ
вѣденіи, чѣо они изъ нихъ сотворятъ
по

по благоупотребленію большее благо, и чрезъ сіе могутъ очиститься отъ грѣховъ своихъ; наконецъ я сообщаю имъ оныя въ награду малыхъ добродѣтелей на землѣ ими содѣянныхъ; за естественные ихъ добрые поступки естественными же вознаграждаю благами. Такимъ образомъ я покорилъ нѣкогда вселенную Римлянамъ въ возмездіе нравственныхъ добродѣтелей ихъ.

Однако въ семъ обстоятельстве распоряженіе Промысла не всегда бываетъ единообразно: ибо по сему не всегда лишаются земныхъ сокровищъ Праведники. Иначе можнобы было помыслишь, что естли служащіе мнѣ съ правдою никогда не видятъ благословенія моего отъ благихъ мѣра, то благая сія не суть въ моей власти. И напрошивъ не одни грѣшники всегда оными пользуясь: ибо такая щедрота побудила бы и прочихъ быть незаконными; побудила бы всѣхъ безъ изъятія, естли бы для того, чтобы учились щастливымъ, нужно токмо содѣлаться нечестивымъ. Промыслъ мой богатствами свѣта располагаетъ иначе. Онъ при мудромъ раздѣленіи оныхъ добрымъ и злымъ, тѣхъ и другихъ содержитъ въ праведныхъ границахъ, — и подъ непроницаемую завѣсою распоряже-

нiя своего скрываетъ великiя для смертныхъ корысти.

Душа. Я обожаю всеобщiя судьбы и намѣренiя твои, Господи! но благоволи мнѣ нѣчто еще изрѣчи предъ тобою въ разсужденiи часпныхъ моихъ страданiй и положенiя, въ какомъ я лично нахожусь по управленiю твоего Промысла. Я ничего, кажется, не забылъ, почему бы Промыслъ твой могъ учинить къ себѣ благоушробнымъ; но онъ въ очахъ моихъ предсавляется записавшимся. Я по его споспѣшествованiю избралъ себѣ соспоянiе, и — пребываю несчастенъ; я по его воззванiю воспрiялъ такую — по должностъ, и — меня оныя лишаютъ. Ни въ одномъ изъ моихъ намѣренiй, предпрiемлемыхъ по его рѣшенiю, не вижу успѣха. Все на меня вооружается:... друзья оставляютъ, непрiатели гонятъ; Ты самъ, Создателю мой! кажется совсемъ меня оставилъ. Не смѣю я поносить пресвятое имя Твое; но дерзаю спросить: гдѣ есть Промыслъ?

Богъ. Остановись душа невѣрная! ты предаешься горькому роптанiю; ты спраждешь, ты соболѣзнуешь, ты поражаешься своимъ соспоянiемъ: знаешь ли, какiя совершаются надъ тобою уснановленiя Промысла? Пожди мало, и
когда

когда время прекратится, ты увидишь
ошь всего разрѣшеніе. Съмнешся завѣса
съ очей твоихъ, и тогда Промысль ты
увидишь праведнымъ. Неоспоримо, естъ-
ли бы ты всегда могла пребывать
на землѣ, и ничего не ожидала въ
Вѣчности, то имѣла бы причину скор-
бѣшь и поражаться: но когда вообра-
зишь, что Богъ произвелъ тебя въ
міръ не навсегда, что земля естъ для
тебя мѣсто спранспованія, жилище
искушеній, что по протеченіи извѣст-
наго числа дней новый вещей порядокъ
откроется очамъ твоимъ, порядокъ
состоящій въ распредѣленіи награды
или наказанія по мѣрѣ заслуги или не-
радѣнія; при семъ воображеніи можешь
ли ты еще сомнѣваться о Промыслѣ;
сомнѣваться такимъ образомъ, будто
труды твои всегда останутся безплод-
ными, будто слезы твои никогда не
будутъ осушены, будто искушенія
твои не получаютъ награжденія? Нѣтъ!
совсемъ напротивъ ты должна помы-
шлять въ себѣ: естъли находится Про-
мысль, то непременно такъ всему
должно быть въ мірѣ, какъ печель
ошь начала его. Естъ Промысль; по
надобно, чпобъ путешественникъ испы-
палъ прежде всѣ нужды спранспова-
нія и по достиженіи цѣли вкусилъ сла-

дости успокоенія; надобно золоту очиспиться огнемъ, чѣмъ въ болшемъ явишь сяянїи и въ чистотѣ; надобно зерну пшеничну согнѣть въ землѣ, чѣмъ приплодѣтся спорицею; надобно наконецъ здѣсь пруды свои посять во слезахъ, дабы пожать на Невеси плодъ ихъ съ радостію.

За симъ вѣдай, ограниченная душа, что при всѣхъ твоихъ усиленныхъ изысканїяхъ всегда будешь существовать непроницаемыя таинства въ моемъ Промыслѣ. И когда, выходя изъ своихъ границъ, ты не престанешь во всемъ настоятельно вопрошать: для чего это? и какъ? Помысли: ты кто еси противъ отвѣщай? Еда речетъ созданіе сотворшему е, по что мя сотворилъ еси тако (*)? Душа, возстающая на неизслѣдимый разумъ, спросишь своего киченія; обожай премудрыя распоряженія судебъ неиспытанныхъ, а не извѣдывай оныхъ; но когда согрѣшая дерзновенно возхоцешь познать неисповѣдимую волю; пренеци десницы моей, ужасайся Промысла, чѣмъ онъ въ наказаніе за дерзновеніе не оставилъ тебя въ вѣчномъ заблужденїи. Ты же сердце вѣрное и смиренное, сердце обожающее уставы всеильныя Премудрости,

(*) Рим. IX. 20.

спи! почитай иногда непроницаемость оныхъ и сознавайся съ крошкѣмъ чувствѣемъ: — „Есть Промысль, надобно почитать его; есть Промысль, надобно одному повиноваться; есть Промысль, надобно приложить оный, прилагая особенную неусыпность и стараніе къ святымъ его расположеніямъ.„ Вѣруй, что ты ничего не можешь сдѣлать безъ помощи Благодати, и что такъ же благодать не сильна въ тебѣ произвестъ что нибудь, елики ты не будешь соотвѣтствовать ей благими, соизволенными. Сотвори ты пособіе Промыслу и Промысль тебѣ поможетъ; укрѣпись первѣе само собою, и Онъ тебѣ въ немощахъ послѣ придастъ силу совершенія; начни шествіе по пути благому, и рука Всесильная управитъ наконецъ тебя къ чертогу славы, введетъ въ оный, и ты непременно достигнешь блаженства и награды Промысломъ прежде вѣкъ избраннымъ предъуготованнымъ.

Колико мы слѣпы и нечувствительны, благій Промыслитель міра, желая проникнуть въ неизмѣримую глубину твоего сморзнія! Домогаюсь узнать невозможное, или еще безразсуднѣе, какъ бы переименовать всеовершенныя судьбы твои: не заслужи-

ваемъ ли мы, чѣмъ ты насъ оспавилъ въ мракъ вѣчнаго ослѣпленія и заблужденій? Не довольно ли для насъ вѣдашь, что ты *Благовъ*, слѣдственно никогда уже не восхощенъ видѣшь въ погибельномъ неблагополучіи на себя уповающихъ? Кто мыслишь иначе, погто помышленія суешны и безплодны, предпріянія дерзки, дѣянія горды, а шаковый коль далеко опсповишь опъ твоего благоснисхожденія и милоспей, коль близокъ ко грѣху и къ погибели!

Божеспвенный Промысль! я вручаю себя во управленіе твое безъ опасенія; расподагай мною во всемъ велемощно. Ты означаешь есобенное совершенство Создашеля моего, моего Бога, Отца моего; ты означаешь превѣчную Его силу, премудросп и благосп. Яко *Премудрости*, — тебѣ извѣспно ничпощество, изъ котораго я созданъ, яко *Силъ* — брение, изъ котораго образованъ, яко *Благоспи* — конецъ и пушь, конецъ, для котораго сущесивую, — пушь, по которому долженъ доспичь дѣли бытія моего. Расподагай убо мною; управляй во всемъ по своему праведному изволенію. Я ничего не хочу вѣдашь болаше, кромѣ твоея Божеспвенности. Ночипишь Тебя, повиновашься, приложашь да будешь всѣхъ важнѣйшее мое дѣло

дѣло. Въ чьи лучше руки могу я повѣрить мой жребій, кромѣ рукъ Отца неизрѣченной любовью ко мнѣ расположеннаго?

НАСТАВЛЕНІЕ XI

0

Велнчествѣ безсмертія

Когда съ одной стороны все намъ предсавляетъ смерть и разрушеніе плѣсѣ нашихъ: тогда съ другой все возвѣщаетъ намъ *безсмертіе* душъ нашихъ, созданныхъ по образу Божію. Вѣра, разумъ, внутреннее чувствованіе, единомысленное согласіе всѣхъ народовъ, все служитъ къ утвержденію сего многоцѣннаго преимущества нашего, каково есть *безсмертіе*. — Вѣра увѣряетъ насъ въ семь своими Святыми писаньми, — *разумъ* убѣждаетъ насъ въ томъ своими разсужденіями, — *внутреннее чувствованіе* засавляетъ насъ безпрестанно воздыхашъ о немъ по всеобщему и непреборимому сипремленію къ сему ожидаемому центру. (Ибо всѣ мы чувствуемъ, что умремъ, но по смерти еще нѣчто останешся насъ самихъ.) *Едино-*

Е 5

мыс-

мысленное согласіе всѣхъ народовъ доказываетъ сію истину, то, по мнѣнію язычниковъ, преселеніемъ душъ нашихъ въ другія швари, то въ елисейскія поля, то, по мнѣнію вѣрныхъ, во адъ, или на Небо.

Но поелику Хрїстіанамъ представляются сіи Священныя наставленія; то симъ обидѣлась бы Вѣра наша, если бы я важнѣйшую истину исповѣданія нашего вознамѣрился объяснять и утверждать обширнѣе. Довольно знать изъ безсмертія нашего происходящія для насъ выгоды и стараться показать себя тѣхъ выгодъ достойными.

Нѣтъ ничего для насъ величественнѣе, многоплоднѣе и спасительнѣе, какъ благоразсудное помышленіе о безсмертіи душъ нашихъ. Оно *возвышаетъ насъ въ нашихъ чувствованіяхъ*; оно *освящаетъ насъ въ нашихъ дѣяніяхъ*. Познаемъ изъ сего величіе насъ самихъ, познаемъ тѣмъ охотнѣе, чѣмъ извѣспнѣе, что ничего нѣтъ для насъ достойнѣе, какъ свѣденіе о томъ, что мы по своему безсмертію означаемъ въ чинѣ благодати.

Безсмертіе возвышаетъ насъ въ нашихъ чувствованіяхъ: сіе весьма справедливо. Нещастіе человѣческое часто происходитъ отъ того, что онъ самъ себя

себя не знаетъ, или знаетъ, но худо. Не всякой видитъ, что онъ можетъ сдѣлать, чего ожидаетъ, и что онъ значитъ. Мы ошибаемся думая, будто нѣло наше есть существенная часть, соспавляющая всего человѣка: ибо сіе нѣло, сіе бренте есть наша темница, а истинно соспавляетъ человѣка душа, — въ ней содержится прямое и неизблемое наше величїе. Но плачевное ослѣпленіе человѣческое! ежели ихъ вопрошаютъ: кто ты: такой? Одинъ отвѣтствуетъ: я вельможа, имѣю такой-то чинъ; другой говоритъ: я судїя, предсѣдаю въ такомъ-то мѣстѣ. Неоспоримо, все сіе соспавляетъ нѣкопорое величїе; но въ насъ еще что-то болѣе находится. Мы *безсмертны!* Вотъ изъ всѣхъ лучшее для насъ достоинство, чинъ изъ всѣхъ превосходнѣйшій, сіяніе, предъ которымъ всѣ прочїе меркнутъ. Мы *безсмертны*; по сему первенствующій нашъ начальникъ есть Богъ, — нашъ образецъ Христосъ, — наше упражненіе добродѣтель, — наша жизнь Благодать, — наше наслѣдіе Небеса, — наше упованіе Вѣчность, — наше услажденіе Блаженство самаго Вседержителя. Въ такомъ видѣ душа наша стоитъ несравненно болѣе, нежели все богатства міра; наше достоинство го-
раздо

раздо выше, нежели всѣ достоинства свѣта, словомъ, единое шипло *безсмертный*, когда мы носимъ на челѣ своемъ: тогда оно болѣе ошлнчаетъ насъ другъ отъ друга, нежели украшающіе насъ извнѣ злато и каменіе многоцѣнные.

При сихъ высокихъ чувствованіяхъ чловѣкъ начинаетъ себя познавать и уважать; познавши спрашивается обезчестить величіе свое гнусными пороками; стыдится бытъ плѣнникомъ спрасей; не покушается унизить себя разительными чувственными прихотями. Памятуя, что онъ безсмертенъ, непрестанно спремишся къ Небесамъ, не приѣпляется къ плѣнью, уподобляется благомудрому Монарху, предприемлющему дѣла достойныя своего величія. Кто безсмертенъ, того сердце должно имѣть всегда желанія благородныя.

Смертный чловѣкъ все величіе свое полагаетъ въ суетахъ временныхъ: но душа безсмертная, почитая по запылинки, что свѣтъ щипаетъ колосами, все величіе свое пославляетъ въ единой негиблемости. Безсмертіе до такой степени благородства возвышаетъ чловѣка, что онъ видя суетную пышность оплчій жишейскихъ, видя подъ своими ногами, никакъ на
оную

оную возрѣшь не́ хочеть, и справедливо! Безсмертный человекъ не имѣеть нужды въ пышности, дабы показаться опѣ другихъ отличнымъ; не имѣеть нужды въ завѣсѣ припворсва, дабы прикрыть стыдъ свой, рождающійся опѣ приверженности къ чувственности; не имѣеть нужды въ лицемеріи, дабы показывать изъ себя другимъ совсемъ иное, нежели что значить въ самой сущности. Онъ, чтобы представиться истинно великимъ, болѣе всего ненавидитъ обманчивую гордость. Безъ всякой наружной красоты Природа и Вѣра дѣлають его споль благочестнымъ, что онъ появляется иногда великимъ, но безъ хвастовства; а иногда скрываетъ свое превосходство, чтобы не показаться соблазнительно кичливымъ. По сему возносясь превыше міра, или торжествуя надъ чувствами, онъ представляется великимъ, мудрымъ, справедливымъ, бессмертнымъ, *Богоподобнымъ* (*). Въ такомъ положеніи человекъ пересматриваетъ любить себя самаго, или любитъ, но не человека плотскаго, а духовнаго, не человека чувственнаго, а бессмертнаго, не человека земнаго, а Небеснаго. Вошь
что

(*) Быт. II 8.

что означаетъ въ самой сущности своей человѣкъ, и таковыми обязаны быть всѣ. *Сіе есть всякъ человекъ* (*). Но безъ дѣлъ достойныхъ безсмертія мы изображаемъ одну тѣнь, призракъ, или, еслили можно такъ выразить, одну колію человѣка.

Помышленіе о безсмертіи *освящаетъ* насъ въ нашихъ *дѣяніяхъ*, освящаетъ, вдыхая высокія намѣренія и представляя къ добру великія побужденія. Всѣ поспороннія причины, служащія къ благоповеденію жизни нашей, въ сравненіи съ безсмертіемъ ничего не означаютъ: ибо тѣ только суть прямыя добродѣтели, которыя основываются на безсмертіи, а прочія представляютъ насъ лжецами, лицемерами, гробами повапленными, но никогда людьми разумными по избранію прямого добра и добродѣтельными по совершенному началу. Говорятъ многихъ, что ихъ добродѣтели часно означаютъ одну хитрость и притворство. Для чего? Потому что ихъ добродѣтели, границами своими имѣя временность, не утверждены на безсмертіи. Часно правосудіе означаетъ принужденность; часно руки кажутся чистыми, а сердце

(*) Еккл. XII. 13.

це замарано; часто щедрота изображаетъ щеславіе, скромность доказываетъ связанность; сего очень довольно во странѣ сѣни смерпныя: но посмотри на челоуѣка живущаго по здоровому понятію безсмертія. Дыханіе его чисто и не заразительно, въ разумѣ его царствуетъ истина, въ словахъ искренность, въ чувствахъ сострадательность, рука его неповинна, сердце не замарано.

Таковы суть вообще добродѣтели, истекающія отъ безсмертія; но далѣе разсмотримъ ихъ въ особенности, разсмотримъ въ отношеніи къ каждому состоянію. Предоставимъ всякому челоуѣку *безсмертіе* за правило его поведенія и за причину его дѣяній: что вездѣ найдемъ истиннаго Философа, мудраго Государя, честнаго судію, добраго гражданина, совершеннаго опца. Монархъ, воображая что онъ *безсмертенъ*, подданныхъ своихъ почитаетъ за дѣшей, и вѣруетъ, что онъ нѣкогда долженъ будетъ царствовать не надъ ними, а съ ними на Небеси союкупно. Судія рѣшенія свои всегда будетъ измѣрять вѣсами справедливости, еслили памятуетъ, что всѣ дѣла его, какъ и прочихъ, взвѣщены будутъ на вѣсахъ Правды Вѣчныя. Купецъ, ког-

да

да помышляешъ, что есть для него купля гораздо земныхъ выгоднѣйшая, купля, посредствомъ которой можетъ снискашь сокровище безсмертія: погда торговли своей основаніемъ поставляетъ не безсовѣстную корысть, а любезную честность. Рукомесленникъ работаетъ денно и нощно; онъ на сѣе раждается. Но сей рукомесленникъ награды за труды свои не сполько долженъ искашь временныя, сколько вѣчныя: ибо какое будетъ для него несчастіе, еслии онъ на землѣ изнуряясь до крови, наконецъ преселился въ Вѣчность съ пустыми руками? Всякъ, имѣяй въ виду своемъ *безсмертіе*, ничего не можетъ предсавлять въ разумъ своемъ, кромѣ священныхъ размысленій, ничего въ намѣреніяхъ, кромѣ справедливости, ничего въ поступкахъ, кромѣ правды, ничего въ дѣяніяхъ, кромѣ святости. О! еслии бы всѣ такъ помышляли *о безсмертіи*, всѣ жили по его внушеніямъ: давно бы уже всѣхъ сердца обратились въ преспольчисныхъ добродѣтелей; всѣ бы люди предсавили изъ себя живое начертаніе Божества; законы, моръ и веселіе возцарствовали бы на землѣ; весь свѣтъ преобразился бы въ первобытныи сладостный рай. Еслии бы всѣ занимались

сими

ми высокими чувствованіями безмер-
пїя, не лзя бы того видѣль на землѣ,
что нынѣ видимъ. Смертные преспа-
ли бѣ искашь уваженія и чести по од-
нимъ внѣшнимъ преимуществамъ; ско-
пище богатствъ, пуспая слава, обман-
чивая прелестъ видимыхъ пышностей
могли ли бѣ увлекать ихъ сердце? Не
уповашельно! душа, спяжаніемъ сихъ
шкмо благихъ отъ другихъ опличаю-
щяся, забываетъ подлинное величіе
бытія своего, и теряетъ изъ виду высо-
коспъ, до какой ей должно возноситься
по успановленію судебъ Божіихъ.

Безсмертные человѣки! будемъ отъ
нынѣ болѣе всего почитатьъ душевныя
добродѣтели, а не гibleмыя сокровища;
навыкнемъ уважать то, что мы соста-
вляемъ въ оамой сущности, а не то,
чѣмъ обладаемъ наружно; увѣримся,
что для человѣка нѣтъ ничего величе-
ственнѣе, какъ *самъ теловѣкъ*. Въ про-
чемъ сего еще для насъ не довольно,
чтобъ мы умспвенно шкмо познавали
собспвенное величіе; пошребно умо-
зрипельное поспиженіе достоинства на-
шего поддерживать свяпоспїю намѣре-
ній и чиспотою дѣяній: ибо какое для
насъ поношеніе, какое нещастіе, когда
мы по душѣ своей во очахъ Божіихъ со-
спавляемъ нѣчто великое, а низкимъ

Часть I.

Ж

пове-

поведеніемъ своимъ дѣлаемся предѣль-
нымъ свѣпомъ извергами челове-
чества? Попытимся расположительно
изъ источника безсмертія почерпнуть
неописанныя сокровища. Онъ не изчер-
паемъ, богатства его бездѣнны, и под-
вити благочестія съ нашей спороны
должны быть безпредѣльны.

НАСТАВЛЕНІЕ XII

О

Выгодахъ безсмертія

Помышленіе о безсмертіи, живо пред-
ставленное въ разумѣ нашемъ, до-
спавляетъ намъ драгоцѣннѣшія вы-
годы. Оно, яко особенное средство по-
собія, *облегчаетъ горестъ* нашу во всѣхъ
злключеніяхъ; оно, когда сердце на-
ше не наполняется ничѣмъ времен-
нымъ, *исполняетъ* всю обширность на-
шихъ желаній.

Боже! оживи наши чувствованія;
возвысь онія до твоего престола; даждь
силу воспаренія онимъ до центра того
славнаго безсмертія, къ копорому ны
насъ призываетъ. Оно выше нашихъ
размысленій, но не превыше непосыд-
ныя Хрїстіанскія надежды.

По-

Помышленіе о безсмертіи *утѣшаетъ* насъ во всѣхъ чувственныхъ гореспяхъ, во всѣхъ, — сколько бы они велики и чувствительны ни были. При коликомъ множествѣ прискорбныхъ обстоятельствъ мы нуждаемся приводить себѣ на память сіе спасительное помышленіе, *я безсмертенъ?* Въ продолженіи гibleмья и смертныя жизни сея мы безчисленнымъ подлежимъ несчастіямъ; вся временность наша есть послѣдствіе однихъ за другими неудобствъ и бѣдствій. Человѣкъ малость живетъ на землѣ и сія малость преисполнена горести; говоритъ праведный Іовъ: *человѣкъ рожденъ отъ жены малолѣтенъ и исполнь бѣдности* (*). Всѣ люди шествуютъ по пупи усѣянному терніемъ и часпо орошаемому слезами. Жизнь наша есть непрестанная война. *Житіе челоуѣку на земли искушеніе* (**). Теченіе дней нашихъ есть непрерывное продолженіе печали, безпокойствъ, скуки, неудовольствій, горести; есть скопище золь, непрестанное прилитіе и оплитіе переменъ и превращностей, которыя, яко кипящія волны текутъ одни за другими, пекутъ обуревая

Ж 2

насѣ

(*) Іов. XIV. 1.

(**) Іов. VII. 1.

насъ и попопляя. При сей обпекающей насъ безднѣ злощасній, что, есмьлибъ мы ничего не имѣли въ ушѣшеніе, во что бы преобразилась жизнь наша? Какая бѣ была наша участь? Очи наши не имѣли бы сполько слезъ, — сердца сполько воздыханій, чтобъ могли довольно оплакаться и возсненать о временныхъ бѣдспвіяхъ. Но посредѣ споль бѣдспвенныхъ жизни, жизни не иное что, какъ продолжительную смерть изображающей, взглянемъ мы на свое *безсмертіе*; расположимся, чтобъ сей Небесный свѣтильникъ изобразился внутрь сердца нашего въ вѣчвмѣ своемъ сіяніи: онъ всего удобнѣе облегчитъ тяжестъ нашихъ бѣдспвій, всего пріятнѣе усладитъ горестъ нашихъ соболѣзнованій. Для чего намъ беспокоиться о томъ, что мы въ живомѣ семъ щасливы или нещасливы, богаты или бѣдны, велики или низки, здоровы или немощны? Для чего, есмьли мы въ семъ швердо увѣрены, что временная жизнь наша есть странствованіе, а почный удѣлъ наслѣдія нашего составляетъ *безсмертіе*?

Души вѣрующія Откровенію! пшпайтесь высокими и непреложными истинами слова Божія посредѣ своихъ горестей! возлешайте къ Вѣчности мыслію

слію свою, когда вы несчастны! одушевляйте безсмертіемъ сердца свои, когда они спраждууть! Тяжестъ временныхъ горестей своихъ облегчайте величешвомъ надеждъ вѣчныхъ! Мало времени надлежитъ намъ въ живопѣ семь потерпѣть, и — Вѣчность насъ упѣшитъ. За мрачною ноцію краткихъ печалей непремѣнно возсіяетъ лучезарный день неокончаемой радости; его едва намъ предвозвѣситъ заря смерти: тогда всѣ тучи сомнѣнія о безсмертіи исчезнутъ. Всѣ труды наши увѣнчаются, слезы изсохнутъ, веселіе обниметъ духъ нашъ, миръ ненарушаемый водарится въ сердцахъ нашихъ. Упѣшительныя выгоды безсмертія! на нихъ взирающе понесемъ иго прискорбій, понесемъ, — ибо мы на сіе раждаемся; проліемъ на землю слезы, проліемъ, — ибо мы обипаемъ въ юдои плачевной, но при семъ не забудемъ взирать на Небесное отечество наше. Посѣдемъ заслуги свои съ слезами, и — мы пожнемъ плодъ ихъ съ радостію. Искусимся въ живопѣ временномъ огнемъ терпѣнія, и — мы преселимся нѣкогда въ селеніе вѣчныя прохлады. Еще *нѣсколько* дней пребудемъ швердыми во искушеніяхъ Вѣры; еще *нѣсколько* часовъ посражаемся съ міромъ и съ пло-

Ж 5

шій:

птію: потомъ все измѣнится въ наше утѣшеніе, все окончится въ наше веселіе. И се! что я вижу взирающе на свое безсмертіе? Ангели уже держатъ вѣнцы надъ главами нашими; они готовы увѣнчать наши понесенія крестныя; отверзаются входъ благочестивымъ подвигоположникамъ въ Царство Небесное. Безсмертіе какъ бы насильно заставляешь всѣхъ позабыть всѣ печали и горести земныя. Къ сему блаженному наслѣдію всѣ мы призываемся; его *возвѣщаетъ* намъ душа наша, а *пріуготовляютъ* дѣла ея.

Сладкое и спасительное помышленіе о безсмертіи! оно *исполняетъ* всю *мѣру* нашихъ *желаній*, когда предсавляетъ въ наслѣдіе наше жилище вѣчности. Часно предосуждаютъ въ помѣ многихъ, что они алчны, и ничѣмъ довольны бытъ не могутъ; сіе несправедливо: ибо пусть смертные ничѣмъ въ жизни сей не насыщаются; сіе доказываетъ, что они опредѣлены къ *зему - то большему*, нежели что на землѣ ихъ можешь удовольствовашь. Другія твари исполненіе всѣхъ своихъ желаній видятъ во времени; но человекъ одинъ здѣсь ненасытимъ: изъ чего видно, что полное довольство для души его Богъ. Имъ возобладавши нѣкогда,
иди

или лучше съ нимъ соединившись, онъ ничего болѣе не возхощетъ. Напрасно спрасно прельщаются нѣкоторыя скопищемъ имѣній, богатствъ и земныхъ сокровищъ; ибо сіе скопище праха препятствуетъ имъ видѣть собственное величїе, и не позволяетъ имъ почерпнуть изъ онаго подлинное благополучіе. Однако благоразумнымъ Хрістіанамъ что бы ни обѣщавали, что бы ни ущедряли: они всегда ищутъ, желаютъ и воздыхаютъ о единой *Вѣчности*. Если бы пожертвовали имъ всемъ міромъ: но они, хотя бы и множество оныхъ имъ предсказали, не предпочли бы ихъ выгодамъ безсмертія.

Посмотримъ мы на людей великихъ. Они счастье свое поспавляютъ въ высокихъ почестяхъ: но какъ скоро достигаютъ верха оныхъ, тогда доспоинства ихъ представляются имъ дымомъ. Посмотримъ на сыновъ вѣка сего. Они обладаютъ безчисленнымъ богатствомъ; обладаютъ, — и при семъ очень бѣдны: ибо не насыщаясь тѣмъ, что имѣютъ, они еще чего — то желаютъ; и по сему — то, ненавидя богатство, вдаются въ чувственныя прихоти и роскошъ. Посмотримъ на людей чувственныхъ и сластолюбивыхъ. Они счастье свое пола-

Ж 4

гаютъ

тають въ услажденіи чрева; но сіе услажденіе дѣлаеть ихъ скопоподобными, перьяющими разумъ, и нарушающими здравое чувство. И такъ *всяческая суета на свѣтѣ* (*).

Блаженное безсмертіе! когда ты представишь намъ благая, могущая совершенно усладить насъ? Докогда, тоняся за мечпою, мы будемъ обипать въ горести, и сердце наше не узришь исполненія своихъ желаній? Въ чѣмъ состоиптъ подлинное наше сокровище, въ чѣмъ совершенная слава? На землѣ видимый безпорядокъ и неминуемая злоключенія сжимають наше благополучіе; къ тебѣ убо прибѣгая, ссается намъ дать свободу душѣ своей. Она можетъ воскриликся къ небесамъ и утвердить тамо свое жилище. Тогда-то гордый человекъ оспанется однимъ собою доволенъ; сребролюбецъ насытится, алчный узришь исполненіе всѣхъ своихъ желаній. Но когда, безсмертный Боже! когда, Царю вѣковъ! возсіяетъ свѣтъ сею безсмертія во очесѣхъ нашихъ? Когда солнце вѣчныя славы озаритъ насъ? Когда мы увидемъ въ радость наслѣдія Небеснаго? Днесъ и заупро мы сею ожидаемъ, и по сему
оби-

(*) Еккл. I. 1.

обитая на землѣ, вѣруемъ, что мы сотворены для небесъ; когда плачемъ въ мѣстѣ спранспованія, тогда воображаемъ, что небесное отечество насъ ожидаетъ, и мы его достигнемъ; когда обуреваемся житейскими попеченьми, тогда мыслимъ приблизиться къ тихому пристанищу. И такъ кѣждо неся крестъ свой не долженъ опчаяваться; ибо онъ окончится вскорѣ; а если ли кто благоденствуетъ, тошъ не долженъ прилѣпляться безмѣрно къ сѣльному шаспю, зная, что оставя мѣръ, все должно будетъ оставить; да и что для того земля, кѣто созданъ для горняго Иерусалима? что тому временность, кѣто предопредѣленъ не умирать во вѣки? Что для того всеъ благая свѣта, его же призываетъ Богъ къ раздѣленію своея превѣчныя славы и блаженства? *О безсмертіе!* не могу ли я въ сію минупу вознесишь превыше мѣра сего? Не могу ли я теперь умереть, и на крылахъ Божественныя любви преселиться на доно Авраамле? Не могу ли я при настоящемъ выгоди швоихъ желантіи испустишь послѣднее издыханіе съ шѣмъ, чтошобъ начать жизнь совершеннѣе, жить съ самимъ Богомъ? — Нѣтъ! не прежде я все сіе унаслѣдствую, дондеже при подвигахъ добрыхъ

совершу печеніе Вѣры; не прежде, — доколѣ не побѣжду искушенія, спраспти и жало грѣховное; не прежде, — пока, исполняя законъ благодати, возрасту въ предназначенную мѣру возраста Христова.

НАСТАВЛЕНІЕ XIII

О

Превосходствъ и достоинствъ Христіанина.

Нѣтъ ничего величественнѣе предъ очами Бога и Вѣры, какъ истинный Христіанинъ. Разсудимъ мы о немъ по нѣмъ высокимъ именамъ, которыми чувствуешь его Христіанство; по той примѣрной святости, которая предлагается ему въ подражаніе; по нѣмъ высокимъ густованіямъ, которыя выхашъ въ него Откровеніе, и по нѣмъ великимъ надеждамъ, которыми одушевляетъ истинное благочестіе. Познаемъ себя самихъ по симъ отличнымъ качествамъ, или по крайней мѣрѣ познаемъ то, чѣмъ мы непременно быть обязаны.

Что есть Христіанинъ? Ученикъ Иисуса Христа, просвѣщенный сіяніемъ
Вѣ-

Вѣры, воспитанный млекоу Евангельскимъ, ушвержденный въ непреложныхъ испинахъ благочестія святоу Церковію. Преславное имя! мы его унаслѣдили съ того времени, какъ скоро опродидись въ водахъ Крещенія.

Что есть Хрістіанинъ? Таиншвенный членъ тѣла Хрістова. Всѣ Хрістіане составляютъ единый составъ, коего глава есть Хріспось. Мы *удове* Плоши - Слова, слѣдственну по благодати Ошрожденія не токмо души наши, но и тѣлеса сославляютъ *храмъ Духа Святаго* (*). Къ симъ наименованіямъ, возлагаемымъ на насъ Хрістіанствомъ присоединимъ еще приписуемыя намъ Святымъ Апостоломъ Петромъ; онъ нарицаетъ насъ иногда *царскимъ священіемъ, родомъ избраннымъ* (**), иногда *святымъ языкомъ, людьми Божиими*, иногда *гадами кулленными пресистоу кровію непорогнаго Агнца* (***). Но симъ высокимъ именамъ какія намъ должно имѣть святѣйшія качества? Если бы Хрістіане знали, что они въ себѣ значуть, они преспали бы живъ такъ низко, какъ живуть нынѣ, и несо-

мнѣн-

(*) I Кор. VI. 15.

(**) I Петр. II. 9.

(***) I Петр. I. 19.

миѣнно всѣ бы измѣнились въ праведниковъ.

Видѣли мы, что есть Хрїстіанинъ; но познаемъ далѣе, *гдѣмъ* онъ *быть долженъ*. Человѣкомъ живущимъ по правиламъ Откровенія и по примѣру жизни Иисусъ Хрїстовой. — Прежніе вѣрующіе, послѣдую сему великому ученію и примѣру, кого представляли изъ себя свѣту въ древности? Людей новыхъ и въ то время почти неизвѣстныхъ міру, истинныхъ мудрецовъ, коихъ прежде и имя неизвѣстно было свѣту; но послѣ самые язычники удивлялись ихъ многимъ и преславнымъ добродѣтелямъ; удивлялись вѣрности ихъ на словахъ, искренности въ сердцѣ, справедливости въ поведеніяхъ, скромности неслишной съ лицемѣріемъ, возвышенію являемому безъ гордости, смиренію неозначающему низкости. Правда! они имѣли и страсти, но для того, чтобъ побѣждать оныя, имѣли удовольствія, чтобъ ими жертвовали благоразумію. имѣли житейскія должности, чтобъ споспѣшествовать союзу общежитія, любили временныя сокровища, но для того, чтобъ благотворить ближнему; слышали похвалы, но шокмо оныхъ не домогались; жили въ мірѣ, но не служили міру; пеклись

о здравіи, но съ тѣмъ, чтобъ распявшись Хрісту духомъ, мужеспвениѣ могли положишь за него живоупъ свой. **Вопъ истинный Хрістіанинъ!** Сердце его есть святилище добродѣтели, языкъ изъяснителъ истины, вся жизнь живое подобіе жизни Бога - Человѣка. Таковыми должны бышь и мы, естли желаемъ показашъ себя истинными Хрістіанами: но естли мы инаковы; Хрістіанство не престанетъ порицашъ насъ въ слабостяхъ, осуждатъ въ преступленіяхъ. Блаженъ, кпо не безчестилъ своего достоинства!

Но чтобъ болѣе намъ уразумѣть оное, для сего попребно знашь намъ шѣ благородныя чувствованія и великія *надежды*, которыя возвышають насъ до Небесъ и до самаго Бога.

Вѣра вдыхаетъ въ Хрістіанина благородныя *чувствованія*, и онъ ими возносится превыше всѣхъ перемѣнъ и злоключеній временныхъ. Ибо пусть обпекають его внезапные случаи нещасія, угнѣшаютъ несносныя бѣдствія, сокровище его похищаютъ, друзья гнушаются, здравіе ослабѣваетъ, все благополучіе его попрясається: но когда съ нимъ *Вѣра* его, онъ никакой не чувствуетъ потери: ибо Хрістіанинъ, ничего не имѣя, кромѣ **Вѣры**

Вѣры единыя, въ очахъ вселенныя представляешь такого великаго чело-вѣка, на котораго взирая нѣкогда самыя язычники произносили: „можешь ли паче сего быть достоинъ славы „Божія первѣйшей свѣта щаспли-ведъ?“,

Христіанинъ чувствованіями сво-ими *возносится прѣвыше вселенныя*. Мірѣ имѣетъ свои заблужденія, а Христіанинъ разгоняетъ ихъ Вѣрою, и тако торжесивуетъ надъ міромъ. Свѣтъ пред-ставляешь ему обольстительныя сла-дости, а онъ ихъ презираетъ; наво-дитъ иногда спрахъ за непокорность соблазнамъ, а онъ прогоняетъ его му-жесвомъ и терпѣніемъ. Да и можно ли пому чего нибудь спрашится, кто ничего, кромѣ грѣха, не боится? Хри-стіанинъ чувствованіями своими *воз-носится иногда прѣвыше себя самаго*.

Возноситься выше міра означаетъ величестно души, а возноситься пре-выше себя самаго означаетъ рѣдкую добродѣтель. Какъ восхитительно смо-трѣль на челоуѣка мужесвенно во-оружающаго пропавъ себя самаго, без-спрашно объявляющаго себѣ войну, всегда держащаго въ десницѣ своей мечъ духовный въ посѣченіе гибельныхъ спрасней до самаго корня, и въ обрѣ-заніе

заніе даже малѣйшихъ вѣшней самолюбія, словомъ, непрестанно приносящаго себя въ жертву Богу и закалающагося на жертвенникъ любви проповѣданной благодатию. Таковъ есть истинный Хрістіанинъ! Онъ чувствуетъ, что значитъ по своему званію, и знаетъ вмѣстѣ, чѣмъ бытъ долженъ по сердцу.

Чувствованія, вдыхаемыя Вѣрою, возносятъ Хрістіанина *превыше гоненій, тиранствъ и самыхъ смерти.* Когда въ свѣтѣ ничего болѣе не было видно, кромѣ мученій: тогда Хрістіане за малое почитали умереть оныя руки гонящихъ. Самые невѣрные удивлялись первымъ Праведнымъ Подвигположникамъ, испинно по самымъ дѣламъ заслужившимъ великое имя испиннаго Хрістіанина. *Какіе это люди?* говорили многіе взирая на ихъ долгоперпѣніе и мужество. Когда ихъ водили на судилищѣ, они шли безбоязненно; когда ихъ осуждали на смерть, они за осужденіе сіе благодарили, яко за благодѣяніе; когда ихъ предавали варварскому мученію, они надъ пиранами своими шоржеспвовали великодушіемъ; когда ихъ успрашали самыми безчеловѣчными казнями, они говорили мучителямъ: „*вамъ легко погубить насъ,* „ибо

„ибо мы челове́ки, и намъ легко *умереть*.
„ибо мы Хрїстіане. Вамъ легко *погубить* насъ,
„ибо мы имѣемъ плѣсо, которое и по себѣ должно нѣкогда
„разрушиться, и намъ легко *умереть*,
„ибо мы исповѣдуемъ Вѣру, которая
„ободряетъ насъ безсмертїемъ. Пора-
„жайте убо, разперывайте, закалай-
„те, жгите плоть нашу; но при семъ
„вѣдайте, что прекращая животъ
„нашъ, вы скорѣе дѣлаете душу на-
„шу причастною жизни лучшїя и бла-
„женныя. Убившиюмъ руки вашей вре-
„менность покло для насъ пресѣкает-
„ся; но начинается вѣчность.. Какіе
„челове́ки! какія чувствованїя! и это
„были истинныя Хрїстіане! Что скажемъ
„наконецъ о ихъ великихъ надеждахъ?

Текущїи въ позорищи ()*, имѣя въ
виду *исплѣненъ вѣнецъ*, крѣпки были во
упованїи, и не могли показывать се-
бя ослабѣвающими въ трудахъ своихъ;
но предъ ихъ упованїемъ гораздо пре-
восходнѣе надѣянїе Хрїстіанское. Ибо
мы *лодеизаемся не безвѣстно, а ждемъ*
вѣнца Небеснаго, вѣнца нетлѣннаго; —
улованїе наше безсмертїя исполнено (**).
Часть наша, наслѣдіе наше, блажен-
ство

(*) 1 Кор. IX. 29.

(**) Ирем. III. 4.

бпво наше во спранѣ живыхъ. Мать Маккавеевъ имѣла у себя семь сыновъ, которые нѣкогда всѣ въ одно время осуждены были на мученіе. Тирани, или гонитель произнесъ уже опредѣленіе смерти. Кровопійцы изготовили ножи, дрова, огонь, всѣ орудія мучительскія. Слышима гласъ рѣшишельнаго повелѣнія; — кровь неповинныхъ юношей рѣкою течеть предъ очами ихъ матерей. На что взирая, *молю тя гадо* (*), вѣщаетъ мать меньшему сыну, *да воззриши на небо*. Ты долженъ въ оное вниши; входъ уже отверстъ; лоно Авраамле тебя ожидаетъ; ополчися убо шerpнѣемъ; непоколебися во исповѣданіи своемъ; опечесиво пвое превыше міра. Се швердое упованіе живыхъ Вѣры! Такимъ же бразомъ общая мать наша, Святая церковь, и наши упованія воскресилаетъ къ Вѣчности, воскресилаетъ возвышая наши чувствованія и роживляя огонь нашей бодрости: Хрѣстіане! взирайте на Небеса, поучаетъ она, они сославляють незыблемое ваше жилище!

И такъ надѣянте наше возвышаетъ насъ къ селенію Свяшыхъ; къ престолу Господню. Успремляя къ онымъ

Часть I. 3 серда-

(*) II Макк. VII. 28.

сердца свои и желанія, понаасемся уни-
зипь себя приверженностію къ гнбле-
мымъ сокровищамъ; богатство вре-
менное, чеспи и слава, словомъ, ис-
почникъ всѣхъ благихъ жипейскихъ
пуспъ да печель подъ ногами нашими.
Яко *геловѣки* мы не можемъ обшпашь
внѣ міра, но яко *Хрїстіане* не дол-
жны также бышъ плѣнниками онаго:
да и можно ли намъ бышъ узниками
свѣша, когда мы выше онаго? Мы Хрї-
спіане, — слѣдсипвенно намъ должно
жипъ на землѣ вѣ примѣрѣ другимъ,
вѣ примѣрѣ по своему благоповеденію,
кроспости нравовъ, и по благородству
сердечныхъ чувствованій. Или пока-
зывая изъ себя сыновъ вѣка сего, сы-
новъ разврашпныхъ и беззаконныхъ, безъ
сожалѣнія, безъ спыда опважипся мы-
слишь, что, дабы учинишься благо-
чеспивымъ, не должно бышъ Хрїспіа-
ниномъ? Да не будетъ! Родившись вѣ
благодатномъ, исповѣданіи пошщипся и
умереть вѣ ономъ безъ униженія лично
своего доспоинсипва и безъ посрамленія
всего Хрїспіансипва. Носяще на себѣ
святое имя, пребудемъ навсегда свя-
шы и дѣлами. Благодашъ Божія пре-
успѣши намъ вѣ семъ да поможеть.

НАСТА-

НАСТАВЛЕНІЕ ХІV

О

Должностейъ и обязанностейъ Хрїстіанскихъ.

Повергаясь къ стопамъ швоимъ, Боже! я хочу разсуждать о шѣхъ *обязанностяхъ*, въ которыхъ долженъ буду опдашь предъ тобою опчешъ предъ очами всего міра. Прежде начапїя дне суднаго желаю размыслить, что я предспавляю предъ очами швоими, или по крайней мѣрѣ что предспавляшь долженъ. „Я Хрїстіанинъ. Сїя высокая мысль, возродившаяся въ разумѣ моемъ, заслуживаетъ особенное занятїе всего духа моего и чувспвій сердечныхъ. Благоволи при семъ озарить меня свѣшомъ Евангельскимъ, да паче углублюсь въ познанїе всѣхъ моихъ *обязанностей* и въ пространство *должностей* мнѣ соприличныхъ.

Я Хрїстіанинъ. Неизбяснимая благодать Божїя! швоимъ содѣйспвіемъ устроено, чтобъ я, предпочпимельно другимъ, родился отъ Хрїстіанскихъ родипелей, былъ просвѣщенъ свѣшпильникомъ Вѣры въ то время, когда безчисленные, мнѣ подобные человекїи, спенящъ во шмѣ заблужденїя и по-

гибають въ сѣни смерпней. Я могъ бы родиться, какъ они, въ горестномъ положеніи, и какъ они могъ бы умереть въ немъ. Будучи удаленъ отъ пути спасенія я никогда бы не наслѣдовалъ поликаго блаженства Свяпыхъ; вѣчно былъ бы оплученъ отъ себя, Бога моего: но благость пвоя, Человѣколюбче! жребіемъ моимъ расположила иначе. Я обитаю въ нѣдрахъ православныя Церкви; живу въ числѣ сыновъ ея избранныхъ; выну слышу спасительныя ея поученія, послѣдую ея правиламъ; иду путемъ, ею мнѣ показуемымъ, иду будучи увѣренъ въ достиженіи Небеснаго жилища, иду, и спочно достигну предопредѣленнаго блаженства, еспьли только до конца пребуду вѣренъ въ послѣдованіи оной.

Церковь приняла меня въ свои объятія; когда я родился, она опродила меня въ водахъ Крещенія; во всю жизнь мою она меня наставляеть и мною управляетъ; надѣюсь, что она же пріиметь и послѣднее мое издыханіе, а по самой смерпи не престанеть приносить обо мнѣ моленія и жертвы. Какая благодать! Какая милость! *Благодать* неизглаголанная: ибо я ничего не сдѣлалъ, ниже могъ сдѣлать, чтобы заслужить оную. Богъ мнѣ

со-

сообщилъ ее по единому своему изволенію. *Милость* неоцѣненная: ибо она соспавляетъ для меня неизчерпаемый источникъ всѣхъ благихъ временныхъ, и безъ нее всѣ сокровища неудобны приблизить меня къ царству Небесному. И та и другая соспавляютъ для меня начало вѣчнаго блаженства и залогъ безсмертныя славы.

Хвально и прославленно буди имя твое, Боже! во вѣки. Я познаю надъ собою величество твоего благодѣянія. Оно означаетъ чистое дѣйствіе твое ко мнѣ любви и благости. Если бы умѣли воспользоваться онымъ прочіе языки, они бы учинились прославленными Святыми. Ежели бы жители Тира и Сідона, получили такіе же дары, какіе я имѣю, они бы во вѣщѣ и въ пепелѣ покаялись. Ежели бы множество невѣрныхъ и дикихъ обитателей свѣта родилось въ Христіанствѣ, оно бы было благочестно. Но, къ сожалѣнію объ ихъ и къ моему большому преимуществу, *позна Господь сущія своя* (*); того ради *тайна откровенія во иныхъ родѣхъ не сказася* (**). Однако Благодать мнѣ данную на

3 3

что

(*) II Тім. II. 19.

(**) II Кор. IV. 4.

что я употребляю? Какое сохраняю къ ней уваженіе? Какіе ей соприличныя ошѣ дѣла моихъ произвожу плоды? Преуспѣваю ли я въ Хрістіанскихъ добродѣтеляхъ? Ты самъ зриши пустоту сердца моего и злоупотребленіе дара швоего; Господи! Ты симъ раздражаешься, и я шрепещу предъ тобою; шрепещу, — да и можешь ли челоуѣкъ неблагодарный, вѣроломный приходя въ здравое чувство; можешь ли о потеряннн даровъ швоихъ не сокрушаться? Если онъ, пришедши во глубину золь, симъ не шрогаается, Ты же самъ своею благодатію возроди въ немъ раскаяніе, да не ошпанешся Хрістіанинъ вѣчно неблагодарнымъ, вѣроломнымъ и осужденнымъ. Кто во зло употребляетъ благодать Божію, для шого всѣ прочія благія бесполезны.

Я Хрістіанинъ, я ношу на себѣ имя священное; но имѣю ли я сообразныя имени сему добродѣтели? Я получилъ ошѣ купѣли дары благодати; но произвожу ли дѣла приличныя дарамъ онымъ? Въ крайнее прихожу я соболѣзнованіе, когда разсуждаю о томъ, чѣмъ бытъ долженъ Хрістіанинъ, и усматриваю, что я представляю изъ себя предъ Богомъ прошивное.

Хрі-

Хрїстіанинъ долженъ быть живымъ изображеніемъ Іисуса Хрїста: но я какое сходство съ нимъ въ себѣ представляю? Всегда ли сей примѣръ подражанія предъ моими очами, всегда ли запечатанъ въ моемъ сердцѣ?

Хрїстіанинъ долженъ быть отверженъ отъ міра сего, удаленъ отъ онаго, распятъ міру: но я живу для міра и дышу для онаго. Нещасный! попытаться и дѣйствовать подобно міру, во всемъ послѣдовать его понятіямъ, правиламъ и примѣрамъ означаетъ ли быть Хрїстіаниномъ?

Хрїстіанинъ долженъ быть смиренномудръ, убѣгающъ достоинствъ и бояливъ въ разсужденіи чesпей; ему свойственно любить огорченіе и сносить презрѣніе: но я, когда представляю изъ себя суету и гордость, когда ищу одного возвышенія и опличія, когда малѣйшимъ неуваженіемъ прогаюсь, одинъ взглядъ, и одно слово почитаю за несносную обиду: въ сіе время представляю ли изъ себя истиннаго Хрїстіанина?

Хрїстіанинъ долженъ быть сраспять Хрїсту, мерщвъ самому себѣ, неупушпеленъ въ разсужденіи всѣхъ спротостей и бремени покаянія, долженъ чинить насиліе чувственнымъ приходящимъ,

пямъ, сражаться пропивъ своихъ спра-
стей и склонностей, словомъ, долженъ
представлялъ изъ себя безпреспанную
смиренія жертву: но я вездѣ ищу себя
самаго, люблю свои прихоти и свои
удовольствія; спрашусь, что меня
безпокоитъ, ничего не хочу перенести,
или сношу съ нетерпѣнїемъ. Ибо,
когда мнѣ нужно пострадать за Вѣру
мою: тогда Вѣра можетъ ли найти во
мнѣ мученика, или богоотступника;
о семъ, судя по дѣламъ моимъ, не
знаю. . . .

Христїанинъ долженъ быть кротокъ,
великодушенъ, снисходителенъ, любо-
венъ, *всѣмъ* вся, терпѣливо переносящъ
чужія ошибки, сострадателенъ ближ-
нихъ немощемъ, скоро извиняющъ сла-
быхъ погрѣшности; но я въ себѣ са-
момъ вижу прошивное: пылосиъ, не-
терпѣливость, а иногда гнѣвъ и бѣшен-
ство; временемъ пересуждаю и зло-
словаю друга моего, а почти ко всѣмъ
дальнымъ всегда нипаю въ сердцѣ мо-
емъ отвращеніе, зависиъ и злобу. Та-
ковъ ли долженъ быть Христїанинъ?
Былъ ли я когда либо лучше сего? Или
во всю жизнь свою представлялъ одну
нѣтъ и призракъ Христїанства?

Жизнь Христїанина должна быть
доказательствомъ Вѣры его, то есть,
долж-

должна быть жизнью человека совершенно духовного, живущаго въ мірѣ яко неживущаго, обладающаго чѣмъ нибудь временнымъ яко необладающаго, имѣющаго тѣло на землѣ, а душой воскреленнаго къ Небесамъ, на всегда готоваго и расположеннаго къ смерти. Могу ли я примѣшить въ себѣ такіе свойства и признаки? Чистыя Хрістіанскія чувствованія обитаютъ ли въ моемъ сердцѣ? Хрістіанская кровь печетъ ли еще въ жилахъ моихъ? Боже мой! еси ли я не спыжусь доселѣ поведенія своего: по самая Вѣра моя закрываетъ оупъ меня лице свое. Я Хрістіанинъ, но токмо однимъ именемъ, и сіе имя непрестанно поношу, безславлю, и кажуся совсемъ его опвергаюся по моимъ нравамъ и жизни. Мнѣ никогда еще не приходило на мысль, чѣмъ я былъ до нынѣ и чѣмъ быть было долженъ. Жизнь честнаго язычника едва ли оупъ моей въ чѣмъ разспивуетъ. Для того ли мнѣ надлежало родиться Хрістіаниномъ, чипобъ жить яко нечѣстному и умереть осужденнымъ?

Я Хрістіанинъ. Въ семъ достоинствѣ будешь нѣкогда судить меня Богъ нелицепріятный. О! коликоспрогъ будешь судъ его! коликосужасень, когда мнѣ должно будешь опдашь опчешъ

чешъ въ потерянїи многого времени, въ злоупотребленїи многихъ даровъ Благодати, въ нарушенїи безчисленныхъ *должностей* Хрїстіанскихъ, въ пренебреженїи довольныхъ средствъ ко спасенїю, въ оскверненїи таинствъ мною повипоряемыхъ, въ презрѣнїи назидательныхъ во благочестїи примѣровъ, на конецъ въ посрамленїи всѣхъ *обязанностей* Хрїстіанства: тогда что я буду отвѣтствовать? Тогда . . .

Но се! кажется, въ сію минуту меня уже Иисусъ Хрїстосъ призываетъ; теперь зовешъ меня на страшное судилище и гоповъ уже яко злаго Хрїстіанина обличить на вѣчное осужденїе слѣдующимъ пророческимъ гласомъ: *что сотворю винограду моему, и доделъ не сотворишъ ему? — Ждахъ, да сотворитъ гроздіе, сотвори же терніе. (*)*

„Прїиди, Хрїстіанинъ недостой-
„ный! прїиди опдашь опчетъ право-
„судїю моему въ благодѣянїяхъ милосердїя моего. Душа невѣрная! что я
„могъ сотворить для тебя и не сотворилъ? Я породилъ тебя въ нѣдрахъ
„моея Церкви; я просвѣтилъ тебя лучами Вѣры; я оказалъ тебѣ безчисленныя милости, искупилъ тебя своею
„кро-

(*) Ис. V. 4.

„кровію, приуготовилъ тебѣ вѣчное
„блаженство. Сего ли мало къ увѣре-
„нію твоему въ любви моей? Сего ли
„мало, чтобъ предано было мнѣ сердце
„твое? Чего мнѣ надлежало отъ тебя
„надѣяться? Несчастная! я хотѣлъ
„быть твоимъ Спасителемъ, а ты ме-
„ня вынуждаешь на свое осужденіе; я
„тебя создалъ для участвованія въ
„славѣ моей, а ты заслуживаешь кля-
„тву. На вѣки сама себя низвергнула
„ты съ злочестія рабами въ пропасть
„крайняго погибели. На всю Вѣчность
„будешь съ ними злощаслива; какъ они,
„будешь испускать горькое дыха-
„ніе, изліешь кровавый источникъ
„слезъ о дарахъ благодати твоею во зло
„употребленныхъ. Но поздно! ты ис-
„числишь милости мои и ихъ узришь
„множество; возымѣешь объ нихъ со-
„жалѣніе, но они уже не возвращаются.
„Ты призовешь Бога своего, но онъ
„будучи раздраженъ дѣяньми твоими
„сокресится отъ очей твоихъ. Ты уви-
„дишь, что онъ былъ въ разсужденіи
„тебя, и чѣмъ ты предсказывала себя
„противъ его. Ты увидишь, что Онъ
„былъ всегда *Милосердѣ*, всегда *Благъ*,
„всегда *Сердоболенъ*, а ты непрестанно
„упорна, неблагодарна и ожесточенна
„въ разсужденіи своей погибели. Не-
„ща-

„щасная! ни милосердіе тебя преду-
„преждавшее, ни Небеса для тебя от-
„верзающіяся, ниже адъ, тебя ужа-
„сающій, не могли направишь спопъ
„швоихъ на пушь спасенія. Доедши
„до такого соспоянія ты будешь вѣч-
„но, бесплодно и безотрадно говоришь
„слѣдующее: тысячекратно было бы
„для меня лучше совсемъ не родишься,
„не бышь просвѣщенною лучами Вѣры,
„не выходишь на свѣтъ изъ бездны
„ничтожества, или гораздо бы оправд-
„нѣе обиташь во мракѣ идолослуженій,
„нежели бышь причастницею Хрістіан-
„скаго исповѣданія и оспашься осуж-
„денною на нескончаемыя мученія ада.»

Какъ! . . . Хрістіанинъ во адѣ?
Какой ужасъ! какое чудовище! Хрі-
стіанинъ — и врагъ Божій! Хрістіа-
нинъ — и прокляшъ! Хрістіанинъ —
и погибаетъ съ осужденными! Боже,
Спасишелю! Боже благоушробный! ты
благоизволилъ по величій милоспи сво-
ей призванъ насъ къ свѣту истины;
предохрани убо самъ ошъ толикаго не-
щасія созданіе швое; не попусти,
чтобъ мы исцпыпали спрахъ погибель-
ный! Я оный понимаю во всей опас-
ности, предчувствую съ великимъ без-
покойшвомъ; спаси мя ошъ часа клян-
вы вѣчныя! Вотъ на что себя распола-
гаешъ

гаемъ и до чего доводишь всякой Хрістіанинъ не живущій по святости своея Вѣры! Не расположился ли на сѣ и я, шакъ живши прежде, какъ хотѣлось, посрамивши въ себѣ качество и имя Хрістіанина, не соопвѣпствовавъ Вѣрѣ своей добрыми дѣлами, нерѣдко спыдась показывать себя Хрістіаниномъ? Не расположился на сѣ и я? . . .

Боже милосердія и щедротъ неизмѣримая пучина! сжался надъ моею душою, пріими мое раскаяніе, удостой еще вняти слѣдующему прошенію моему по твоей особенной милости, Боже! Я сопворенъ Хрістіаниномъ: но даже до нынѣ не зналъ ни *достоинства моего состоянія*, ниже *Святости моихъ обязанностей*; даже до нынѣ я носилъ на себѣ шокмо одно имя Хрістіанина, а шеперь время уже познашь мнѣ состояніе свое и воспріяшь достойныя омаго чувспвованія; отъ дне сею я рѣшилсѣ жить свяшо до конца моея жизни. Я разумѣю шеперь, чпо исполняшь обязуешь меня Хрістіанство: носить крестъ, презирашь міръ, срапинашьса самому себѣ, боаяшьса единаго грѣха, паче всего уважашъ дары благодати, любить добродѣшель, желать Небеси, помышляшь о Вѣчности, словомъ, жить по Хрістіански, умереть правед-

праведникомъ, воскреснуть предопре-
дѣленнымъ Небожипелемъ. Се *должно-*
сти, копорыя я оишь сея минушы вновь
обязуюсь исполняшь до послѣдняго мо-
его издыханія, исполняшь вѣрно, благо-
родно, непоколебимо. Споспѣши силою
своею благому намѣренію. Колико мы
были бы блаженны, еспьли бы никогда
не опускали *должностей*, и ни на мало
не удалялись *отъ обязанностей* Хрїстіан-
ства! Боже! благоволивый родипися
намъ въ истинной Вѣрѣ, сотвори, чпобъ
мы и скончались въ оной непоспыдно.

НАСТАВЛЕНІЕ XV

О

Избѣжаніи грѣха.

Грѣхъ смертнымъ нарицается пото-
му, что онъ умерщвляетъ нашу ду-
шу. Смерть есть шрокая; но каждая
означаетъ слѣдствіе грѣха. Смерть
есть духовная, временная и вѣчная.
Смерть *духовная* состоитъ въ лишеніи
Благодаши и всѣхъ ея сокровищъ; шѣ-
лесная или *временная* въ суепахъ жи-
тейскихъ, въ бѣдности сея жизни, въ
болѣзняхъ, и подъ конецъ въ шой рѣ-
шишельной минутѣ, копорюю оканчи-
ваюш-

ваются дни нашего на землѣ пребыванія; *вѣчная* въ осужденіи на всегдашнее мученіе, въ осужденіи, — есмьли мы ожесточенными и нераскаянными пребываемъ въ состояннн грѣховномъ. Всѣхъ сихъ ужасныхъ наказаній гибельною причиною есмь грѣхъ.

Смерть *духовная* соспоишь въ лишеніи Благодати и всѣхъ ея сокровищъ. Сія опмсипишельница беззаконій поедку не производить никакихъ ~~ужасныхъ~~ видимыхъ слѣдствій; по грѣшники ~~не~~ чши и не боятся оныя: но подь какими мертвыми чертами и въ какомъ плачевномъ состояннн представляется душа наша предь очами Божіими, когда она лишена жизни Благодатныя? Когда она бываетъ добычею червей, шайно терзающихъ ея внутренность: тогда остаеися обнаженною, униженною, оставленною. Боже праведный! Какая бездна злощасія!

Душа, подпадшая смерти духовной, остаеися *обнаженною*, ничего на себѣ неимущую, ни тѣхъ неоцѣненныхъ даровъ или *летатей* Благодати, которые составляютъ самое лучшее украшеніе ея предь Богомъ, и безъ копорыхъ она наводитъ страхъ для очей праведныхъ, ниже тѣхъ *заслугъ*, которыя могли бы составить лучшее для нее наслѣдіе,

и

и безъ которыхъ она, дошедши до крайняго нищеты, должна единственно беззаконіями своими и ихъ горькими слѣдствіями довольствоваться. Что сея бѣдности достойнѣе сожалѣнія?

Душа, подпадшая смерти духовной, остается униженною. Милосіе Божіе и кровь Іисуса Хрїста на нее изліянная до какой славы оную возвысили? Какихъ преимущественныхъ правъ ей были даны? Въ какой блаженной свободѣ чадъ Божіихъ ее не сотворили участною? Какимъ союзомъ любви и наслѣдія своего не сопрягли ее съ собою? По какому числу священныхъ наименованій не могла она прославиться? Чтобы она принадлежала Богу, и чтобы Богъ взаимобразно принадлежалъ ей, сего ли щастія не довольно? Чтобы Ветхій денни былъ вѣчно Отцемъ ея, Іисусъ Хрїстосъ Спасителемъ, Святой духъ женихомъ любезнымъ, Небеса ея наслѣдіемъ, безконечныя заслуги Искупителевы лучшимъ сокровищемъ, сего ли еще мало? Но о! жалостное превращеніе грѣхомъ и смертію духовною въ насъ производимое! Въ минуту они восхищаютъ у души нашей реченныя преимущества; разрушаютъ священные узы, сопрягающіе оную съ самимъ Богомъ; уничтожаютъ

жають всю ея славу, восхицають у нее все, чю не имѣетъ она великаго по чину Благодати. Грѣхъ, нанося смерть душѣ нашей, доводитъ ее до худшаго состоянїя, нежели ничюжество, изъ котораго человекъ въ бытіе воззванъ.

Душа, подпадшая смерти духовной бываетъ *оставленною*. Здѣсь не надобно думать, будто Богъ совсѣмъ ее полагаетъ безъ призрѣнїя; милосердіе Божїе безконечно. Богъ и прѣбеззаконнымъ прѣстаетъ удѣлять свои милости, токмо съ нѣкоторымъ *въсомъ и мѣрою*. Онъ имъ сообщаетъ дары свои, но токмо по чину всеобщаго Провидѣнїя, а не по залогу преимуществъ и опличїя Хрїстіанскїя Вѣры; словомъ, Онъ не лишаетъ ихъ даже и своей Благодати, но токмо прѣстаетъ споспѣшествовать ей силою своею. И сіе не попому, чюбы такъ хотѣлъ Богъ, но располагаетъ его на сіе ожесточенїе наше. Человекъ грѣшивъ, ослѣпляется, ожесточается, погибаетъ, ибо самъ сего хочетъ; и такъ *оставленїя* нашего не Богъ, а мы сами причиною. *Врагевыхомъ Вавлона, и не исцѣлѣ: оставимъ его* (*). Вавлонъ обратилъ во зло по-

Часть I. И пече-

(*) Иерем. LI. 9.

печеніе наше; оставимъ его своей волѣ и своему несчастію.

Наконецъ душа, подпадшая смерти духовной, дѣлается добычею червей, тайно шочащихъ сердце ея и раздирающихъ внутренность. Здѣсь разумъ представляетъ грѣшнику гнусность его соспоянія, гнусность ужасную и жалоснную; а память совѣсть посредствомъ сокровенныхъ мученій и безпокойствъ, производя противъ его опаснѣйшую войну. чинитъ немилосердное поражение. Съ одной стороны Вѣра, представляя ему иногда образъ смерти его ужасающія, иногда спротость суда неминуемаго, иногда предуготованную бездну вѣчныхъ мученій, производитъ въ немъ безконечное уныніе, и шѣмъ паче, чпо при семъ представляетъ еще предъ очи его все кляпвы, данныя при крещеніи и при исполненіи другихъ таинствъ; — съ другой стороны все спрасіи, возсавшія одна противъ одной, непрестанно будутъ его шревожить, смущать и мучить. Несчастный, будучи окруженъ толкимъ множествомъ неблагопріятелей, онъ самъ при насилій волненій своихъ шровитъ себя возстанетъ. Иногда будетъ радваться о грѣхахъ своихъ, а иногда будетъ проклипать ихъ; иногда восхо-
щеть

щеть оставить беззаконіе свое, а иногда будетъ раскаяваться, что оставилъ. Поперемѣнно то одобряя, то оуждая пресупленія свои, онъ будетъ предчувствовать въ себѣ какъ бы назначеніе вѣчнаго огорченія и отчаянія осужденныхъ. Однако блаженъ еще смертный, испытуя сїи спасительныя мученія! ибо то къ послѣднему послужило бы его нещастію, если бы онъ совсѣмъ утѣхли, если бы грѣшникъ, сколь ни былъ виновенъ, пребылъ въ покоѣ.

Смерть *временная*, то есть плачевныя сбытоси, случайныя произшествія, обороты щастія, жалкія кончины и множество другихъ злоключеній, онъ чего происпекаютъ? Напрасно причину оныхъ захотѣли бы мы изыскивать внѣ грѣха; онъ ихъ обыкновеняѣйшій и ближайшій источникъ. Ибо не грѣхъ ли въ первобытныхъ вѣкахъ былъ причиною пощона, покрывшаго все лице вселенныя? Не онъ ли низвелъ нѣкогда огонь на нещастныя грады и на ихъ беззаконныхъ жителей? Не онъ ли вооружилъ мышцу Ангельскую пропивъ первенцевъ Египетскихъ? Кто пустыню насѣдилъ зміями? Кто понудилъ землю поглотить чадъ Аароновыхъ? Но — не изчи-

И Ѹ

сляя

сая столь опдаленные примѣры: отъ чего существуетъ шолкое множество бѣдствій и нынѣ свѣтъ угнѣтающихъ? Отъ чего оцущительное распроеніе примѣтно во временахъ года; поля болѣе покрыты волцдемъ и тернѣемъ; всюду миліоны встрѣчаются плачевныхъ и непредвидѣнныхъ горестей? Почто смерть столь часпо восхищаетъ отъ среды живыхъ несозрѣлую юность и мужество, словомъ, всѣхъ безъ милосердія и различія? Для чего обстоятельство, какъ бы за чудо считаемя отъ оцѣ нашихъ, во времена наши случаются гораздо чаще: внезапное окончаніе жизни, окончаніе ужасное, многія жертвы восхищающіяся посреде пира и собранія; для чего столь спрашныя произшествія пріумножились, естли не для того, что беззаконія наши безчисленны? Не лзя не видѣть изъ событія бѣдствій временныхъ мщенія и наказанія Божія за грѣхи наши.

И чтобы было, естлибы мы, проникнувъ во внушренность жилищъ своихъ, разсудили о шѣхъ грозныхъ пораженіяхъ, какія непрестанно почти надъ нами исполняются? Видя щастіе испровергнувшимися, наслѣдіе распоченымъ, въ дѣлахъ успѣхи несбывающими-

щимися, во всемъ непредвидимое смятеніе и безпокойство, болѣзни умножающимися, здравіе исчезающимъ, и еще важнѣе, примѣчая всюду раздѣленіе, свары и междуусобныя насилія, воздыхающъ человѣки подъ тяжестію своихъ злключеній, воздыхающъ, приписуя оныя то слѣпотѣ случая, то неправосудію властоначальниковъ, то строгости немилосердой судьбы: признаемся лучше, что они раждаются отъ грѣховъ царствующихъ во дворахъ сердца нашего и низводящихъ на себя мщеніе Небесное. Не относя ихъ къ року или другому чему, скажемъ признательно, что всѣ бѣдствія наши суть пораженіе, посылаемое на насъ отъ руки Всевышняго. Мы несчастны, поелику виновны. Десница Божія вознесена надъ главою нашею попому, что грѣхъ пропаву насъ вооружился.

Чтобъ было, естли бы еще, кромѣ сихъ насоящихъ злключеній, кромѣ бѣдствій, нынѣ сбывающихся предъ очами нашими, возможно намъ было въ сокровенныхъ твоихъ тайнахъ, Боже! усмотрѣть будущее, и какъ бы читать опредѣленіе непремѣнно съ нами случиться имѣющее? Тогда увидѣли бы мы большія несчастія, шятому

и горестъ, нежели какія теперь ощущаемъ. Тогда узналъ бы одинъ, что онъ, въ живопѣ семь обичая посредѣ забавъ, пиршесствъ, зрѣлищъ, игръ и сладостей свѣта, узрипъ конецъ свой, когда не помышляетъ, а по сему не будетъ имѣть времени на покаянїе; тогда извѣстился бы другой, что во цвѣтѣ его возраста, въ крѣпкомъ здравїи, когда еще надлежало бы ласкаться долгожизненноспїю, смерть поразитъ его, поразитъ, не давъ времени примѣнить удара поражающаго; тогда примѣтилъ бы человекъ лежащїй на одрѣ болѣзненномъ, что друзья его, средники, супруга и дѣти обманываютъ его ложною и мучительною своею ласкою, обманываютъ, когда оставляютъ умирающимъ безъ помощи, или съ однимъ ложнымъ обнадеживанїемъ излѣченїя; тогда увидѣли бы многіе, какъ и съ какимъ безпокойствомъ при наступленїи часа смертнаго надлежитъ имъ пребывать служителя прамиряющаго съ Богомъ людей, подѣ тяжеснїю пресупленїй своихъ изнемогающихъ.

Грѣшникъ кончается, и по праведному суду Божїю, желая исповѣдаться беззаконїя свои священнику, его не сбрътаетъ, или обрътаетъ, но не имѣетъ уже

уже времени подробно исчислить предъ нимъ преступленія свои; и шакъ жедая покаяться умираетъ неразрѣшимымъ; но, естли еще смерть щадитъ живощъ его, естли еще длился кончина его; беззаконный, ослабѣвши плотию, повергаеця въ мучительное опчаянїе дукомъ. Въ памяти его живо изображаются даже преступленія юности; вся жизнь сія предсавляется ему ужасною. Обличенія ожидаемаго Спасителя какъ бы въ шужь минушу начинаютъ гремѣць въ ушесахъ его. Нѣтъ! вѣщаетъ въ такомъ положенїи самъ къ себѣ унывшій душою грѣшникъ: „беззаконїя мои очень велики! „Нѣтъ болѣе для меня милосердїя; я „погибаю!„ При семъ онъ произноситъ имя Иисусъ Хрїсотово, держитъ распятіе въ рукъ своей; но послѣднее издыханїе испускаетъ съ опчаянїемъ. Не лзя сего не предусмаивать многогмъ въ сокровенныхъ судьбахъ твоихъ, Боже! Бездыханное тѣло беззаконника распросираетъ на одрѣ болѣзненномъ, а душа со грѣхами своими предъявляетъ ся на судъ Божїй. Вошь прешїй видъ смерти: коль онъ плачевенъ! вошь наказанїе грѣха: коль оно мучительно!

Смерть *вѣчная*. Душа, ее унаслѣдывшая, вѣчно оспаеця отъ Бога уда-

ленною, оплученною, вѣчно низверженною въ пропасть неизмѣримую, въ пламень пожигающей, въ шумъ кромѣшную, вѣчно раздираемую несносными грызеньми, чувствуюющею безплодныя себѣзнованія, вѣчно пьющею желчь и горечь, вѣчно оснающеюся жертвою гнѣва Божія, ни малѣйшаго свѣта радости несозерцающею: ибо грѣхъ вѣчно въ ней будетъ царствовать, и Богъ непрестанно оныя будетъ отяращаться. О грѣхъ! о смерть грѣховная! коль тяжки ваши obrocy!

Для многихъ чаша пелей столь великіе и спрашныя испины покажутся тщеными угроженіями. Однако сколь многіе изъ насъ близки къ окончанію живота своего? Сколь многіе подлежатъ внезапной смерти? Сколь многіе умираютъ безъ приговора, безъ покаянія, безъ таинства? Или хотя и съ исполненіемъ таинства, но съ равнымъ мученіемъ совѣсти, съ равнымъ осужденіемъ, какъ бы и не исполняли оныхъ? Сколь многіе отъживаются окончаніемъ жизнь свою съ вражимъ высокоуміемъ, съ ожесточеннымъ нераскаяніемъ, съ ужаснымъ отчаяніемъ? Какой плачевной жребій! какое несчастіе! Мы о семъ не помышляемъ, мы сего не видимъ, и можетъ
быть

быть такое событіе скоро проявится надъ нами; можетъ быть Богъ положилъ конецъ и нашей жизни; можетъ быть и мы внезапно узримъ пораженіе смерти; можетъ быть, Но мы все еще упоаемъ въ забавахъ, все погружаемся въ увеселеніяхъ свѣта, все грѣшимъ, и во грѣхахъ живемъ спокойно. Не означаетъ ли сіе глупости? Не есть ли ослѣпленіе? Гдѣ наша Вѣра?

Боже! предохрани мя благодатию своею отъ грѣхопаденія. Сего нещастія я паче всего ужасаюсь. А когда, яко человѣку, мнѣ не лъзя не согрѣшить; накажи мя въ семь мѣрѣ, опмисти вину мою на землѣ, излей фѣаль гнѣва своего, излей на меня въ сей жизни, но шокмо яви себя милосердымъ въ будущей. Милость, о копорой я молю величіе твое паче, нежели о прочихъ видахъ щедротъ твоихъ, состоитъ въ семь: аще предвидишь, Сердцевѣдче! чпо я покушусь тебя прогнѣвать, опважусь согрѣшить; ты прежде, нежели сошворю сіе, восхити мя отъ среды живыхъ. Лучше бо для меня не жить, нежели жить въ пропивность Всесвятой швой волѣ. Я хошу лучше претерпѣть множество болѣзней и различныхъ видовъ смерти, нежели въ одну

И 5

мину-

минушу и вѣчно неугоднымъ явисься предъ побою по беззаконїямъ, умерш-
вляющимъ душу мою. Благоволи еще
продлишь дни живоша моего, Боже! да
оплачу грѣхи моя, да укрошу гнѣвъ
швой, и да обрящу вѣліе твое мило-
сердіе.

НАСТАВЛЕНІЕ XVI

О

*Средствахъ, предохраняющихъ
отъ грѣха.*

Къ предохраненію отъ грѣха смертна-
го разсудимъ мы объ немъ въ четы-
рехъ различныхъ видахъ, или лучше
разсмотримъ его подъ чепырма вели-
кими проявленїями опищенїя Божїя.
Представимъ во очахъ своихъ Ангела
отпадшаго на Небеси, — перваго *гело-
вѣка*, прогнѣвавшего Творца своего посред-
и рая земнаго, — множество *логиб-
шихъ сыновъ его*, живущихъ во адѣ, — и
наипаче *іисуса Хрїста*, распятаго за
насъ на Голгофѣ. Взирая на сіи ужас-
ныя наказанїя, кшо не поопасеишя тво-
ришь грѣхъ, или кшо восхощенъ пребы-
вашь въ немъ нераскаянно?

Есть-

Естьли когда, по при наспоющемъ размышленіи просвѣпи солнце праведное умъ мой и согрѣй сердце; ибо при семъ случаѣ я паче всего нуждаюсь въ помощи благодани швоей; нуждаюсь, да научуся низлагать врага, котораго болѣе всего я боюсь въ семъ мѣрѣ.

Первое проявленіе опмщенія Божія и первая жертва грѣха есть *Ангелъ*, возмущившійся на Небеси. Какой ужасъ меня объемлетъ при созерцаніи сего наказанія! Ангелъ противится Богу и вдругъ претерпѣваетъ мученіе соразмѣрное своему ослушанію. Мечъ Божій ему предъявленъ, и — Ангелъ на вѣки удаленъ отъ Царя славы; на вѣки изгнанъ изъ храма священныхъ; на вѣки низверженъ въ пропасть адскую. Грѣхъ изъ Ангела породилъ діавола.

О поразительное помышленіе! а тѣмъ паче, когда я съ грѣхомъ про-
сипупившагося Ангела свои сравню
беззаконія! Ангелъ сошворилъ единый
грѣхъ, грѣхъ умственный, грѣхъ ми-
нупный: но я сколько учинилъ безза-
коній, беззаконій великихъ, беззаконій
видимыхъ? Ангелу единыя минушы
довольно было бы для познанія пре-
сипупленія своего, той самой минушы,
въ которую онъ падъ и сдѣлался не-
щасень: но я, когда имѣю довольно
вре-

времени на раскаяніе, когда чувствую благодать призывающую мя ко спасенію, когда совѣспію понуждаемъ бываю къ раскаянію, ни на что не взирая ошаюсь хладнокровнымъ въ преступленіи моемъ! Боже праведный! такое нечувствіе беззаконія не еспьли грѣхъ всѣхъ высочайшій? Не паче ли надлежало тебѣ, Всевышній! помиловать лучшее рукъ своихъ созданіе, — Ангела? Но ты возлюбилъ человѣка. Однако еспьли воспротивившагося Ангела ты смирилъ гнѣвомъ своимъ; то какую жертвою наказаній твоихъ бышь можешь человѣкъ, — грѣшникъ? Праведны судьбы твои, Боже!

Второе проявленіе наказанія твоего за грѣхъ исполнилось надъ *первымъ теломъ*, посредѣ земнаго рая обитавшимъ. Человѣкъ чрезъ созданіе едва испекъ изъ ничего, чрезъ грѣхъ паки низвергается еще въ ужаснѣйшее ничтожество: ибо вскорѣ за его преступленіемъ слѣдуетъ его осужденіе и гибель. Адамъ изгоняется изъ рая, лишается всѣхъ его выгодъ, осуждается на девять сощъ лѣтъ раскаяніе, подвергается всѣмъ ужасамъ смерти, и это еще ничто: Адамъ воспламеняетъ противъ себя гнѣвъ Божій, но не противъ себя токмо единого; а клятва

за-

завѣтная падаетъ на все его попом-
ство.

Здѣсь вообрази, душа моя, все зло-
щастія, какими угнѣтается родъ чело-
вѣческій; представь въ разумѣ своемъ
все бѣдствія, въ какихъ упоаетъ
вселенная. Гладь, жажда, изнеможе-
нїе, болѣзни, печали, междоусобные
свары, моры, пожары; представь все
сїи наказанія Божїи и рцы: „вошь грѣ-
„ха плачевныя слѣдствія; удалимся
„отъ сей кляпвенной заразы! Безъ
„грѣха не было бы никогда на землѣ
„сихъ злоключеній! „ Но . . .

Поступимъ далѣе; снидемъ помыш-
ленїемъ нашимъ въ нѣдро гробовъ, пред-
ставимъ предъ очами своими все шру-
пы въ нихъ погребенныхъ, все останки
коспей, земли и праха, въ которые
преобразились умершіе; воззримъ на
червей ихъ „лочащихъ, и въ содроганїи
скажемъ еще: „вошь грѣха плачевныя
„слѣдствія! безъ него никогда бы не
„было ни коспей, ни червей, ниже
„шруповъ! И шакъ можетъ ли быть
„еще что нибудь грѣха ужаснѣе, грѣ-
„ха, отъ котораго яко отъ ядохвор-
„наго источника истекаетъ поли-
„кое множество заразительныхъ и ги-
„бельныхъ слѣдствій? „

Тре-

Третье проявленіе наказанія Божія за грѣхъ, наказанія весьма ужаснаго, естъ множество *осужденныхъ*, *мугимыхъ во адѣ*. Преселимся мы на одну мину-ту во страну подпадшихъ сему злощастному жребію; приближимся хопя къ единому изъ спенающихъ въ жилищѣ плача, рыдающихъ ошъ огня и пламени; при семъ не лзя намъ будетъ не возчувствоватъ пняжесипи грѣховныя и ужасовъ беззаконій. Воззримъ на страшныя пропасти геенскія; — ихъ на землѣ еще ископали для окаменѣлыхъ грѣхопаденія ихъ. Воззримъ на пламень неугасаемый; — его беззаконія возжгли еще во времени для нераскаянныхъ. Воззримъ на шму кромѣшнюю, внемлемъ въздыханіямъ, жалобамъ и воплямъ скрежещущихъ зубами; — всѣхъ сихъ злоключеній причиною грѣхъ. Онъ отчаянныхъ, еще въ животѣ семъ лишая благодатнаго свѣта, никакъ не допускаетъ видѣнъ ушѣшенія. Сидемъ духомъ своимъ во дно адово, обратимъ взоръ и вниманіе свое на шѣни умершихъ; — онѣ томны, черны, но сколько бы мрачны ни были, они измѣняшя въ лучезарное сіяніе для увѣренія насъ въ томъ, чпо грѣхъ сдѣлалъ ихъ погибшими. При семъ ужасномъ изображеніи кпо
не

не возненавидитъ беззаконіе, яко причину заслуживающую великую кляпву и наказаніе Божіе?

Но забывши все, естли только можно забыть то, о чемъ мы говорили, разсудимъ на конецъ о четвертомъ проявленіи гнѣва Божія, по причинѣ грѣховъ нашихъ сбывшемся на *Голгофѣ*. *Голгофа!* . . . сюда Богъ спаситель, сюда Бого-человѣкъ умирающій всѣхъ насъ приглашаетъ. Повергнувшись къ подножію креста его будемъ свидѣтелями кровопитнаго зрѣлища, зрѣлища вѣрою намъ представляемаго. Тамо десница Владычняя вознесена; опредѣленіе противъ *Святаго святыхъ* изрѣчено; неповинная жертва пригвождается къ поносному древу; кровь пречистаго агнца обильными струями изливается на землю; Сынъ Божій умираетъ на крестѣ висая. Вотъ до чего довели его грѣхи наши, грѣхи, копорыхъ онъ учинился жертвою!

При семъ всего *удивительнѣе* то, что Іисусъ Хрѣстосъ, будучи безгрѣшенъ, понесъ на себѣ всю кляпву грѣховную, и что къ очищенію отъ беззаконій не иному чему бышь надлежало, развѣ умереть Богочеловѣку. Всѣ добродѣтели *Святыхъ*, всѣ заслуги праведныхъ, всѣ страданія мучениковъ,
были

были въ разсужденіи сего не дѣйстви-
тельны, чтобы родъ человѣческій ис-
купить отъ клятвы грѣховныя. При-
семъ такъ же по всего *платевнѣе*, что
смерть Искупителя не прогаеть сер-
дце нашихъ; ибо мы не преспаемъ еще
искореняишь грѣхи свои. Покланяемый
Спаситель! смерть твоя была причи-
ною, что солнце зашмилось, земля
потряслася, гробы разверзлись, каменіе
распались; но сердца наши иверже са-
мыхъ каменій, когда не чувствуютъ
бремени беззаконій и не содрогаются
отъ гнусности грѣха, на крестъ тебѣ
вознесшаго и кровь твою испочившаго.
Всегда ли и всѣхъ сердце будетъ ока-
менѣнно?

Что касается до меня, то, что-
бы познать, оплакать и проклясть
грѣхи мои, я не имѣю нужды ни въ
собспвенномъ размышленіи, ниже въ
чужихъ совѣсахъ. Я повергаюсь къ
подножію крестна твоего, возвожу на
него очи мои; при лицезрѣніи сего
священнаго залога, представляемаго
мнѣ иброю, такъ вѣщаю къ самому
себѣ: „вотъ слѣдствіе грѣха! глава
„свяшѣйшая, глава наклоненная озна-
„чаетъ слѣдствіе множества беззакон-
„ныхъ помышленій, предспавляемыхъ
„въ разумъ нашемъ; — очи испол-
„нен-

„ненныя слезы означаютъ слѣдствіе
„нашихъ безчисленныхъ соблазнитель-
„ныхъ воззрѣній; — сердце, прободен-
„ное копѣемъ, уста, напоенныя желчію,
„суть слѣдствіе нашего злорѣчія и
„зависти.„

Какая жалость, естли мы и при семъ употребляемъ во зло свои слезы! Мы плачемъ о нещастіяхъ жизни сея, но закрываемъ очи въ разсужденіи бѣдствій жизни будущія. Человѣкъ лишается часли имѣнія своего; вдругъ изъ себя выходитъ: но когда потерялъ сокровище Вѣчное, оспаается нечувствительнымъ. Супруга лишилась любезнаго мужа, жизнь свою проводитъ въ печали и сокрушеніи; рана ея всегда жива въ ея сердцѣ: но когда она грѣхомъ потеряла жениха Небеснаго; нещастіе сіе не прогаешь душу ея. Царедворецъ лишился милоспей Монарха своего, показывается неутѣшнымъ, и жизнь свою почитаетъ за тягосъ: но когда прогнѣвалъ Бога и потерялъ любовь изъ всѣхъ лучшаго Начальника, о семъ ни плачетъ, ни воздыхаетъ.

Плачевная слѣпота человеквъ!
Сожалять о поперяніи богатства, а не скорбѣть о погибели души! Плакашь для земли, а не плакашь для неба!

Часть I.

I

Горь-

Горько и бесплодно сокрушались о выгодахъ сего міра, а были нечувствительными въ разсужденіи корыстей спасенія и самыя вѣчносипи! Всѣ почти такъ живутъ, и при семъ всѣ мы Хрістіане; всѣ исповѣдуемъ живую Вѣру; всѣ вѣруемъ въ вѣчность. О грѣхъ! каково мракъ твой непроницателенъ! Коль заблужденіе наше велико! Да и мученія, имѣющія за тобою послѣдовать каково жестоки! Опчаяніе коль продолжительно! Собоуѣзнованіе горько! Самая вѣчность не прекрапишь источника гибельныхъ твоихъ слѣдствій.

Къ предохраненію отъ толикаго зла попребно каждому отъ челоуѣкъ пишеть въ себѣ слѣдующія чувствования. 1 е. Чувствование *собоуѣзнованія* о содѣянныхъ беззаконіяхъ. Взирая на прошедшее заблужденіе свое всякой долженъ говорить: *кто дастъ главѣ моей воду и огесемъ моимъ источникъ слезъ, да пласуся день и ночь (*) о содѣянныхъ преступленіяхъ?* 2 е. Чувствіе *слачительнаго страха*, при опасномъ случаѣ ко грѣху насъ увлекающемъ. При видѣ повода къ преступленію мы должны шрепешать, бояшся и бѣжашъ наипаче,

(*) Іерем. IX. 1.

че, яко при обозрѣнїи змїи, извивающейсь подѣ ногами нашими. *Отѣ грѣха бѣжи, якоже отѣ лица змїина: аще бо приступиши къ нему, угрызнетѣ ты (*).* 3 е. Чувствїе благодаренїя къ Богу, что онѣ, когда мы беззаконны, еще отѣ среды живыхѣ не восхищаетѣ животѣ нашѣ: ибо какое было бы злощастїе намѣ, аще бы во грѣсѣхѣ умерли? 4 е. Чувствїе *состраданїя* къ явнымѣ и подобнымѣ себѣ грѣшникамѣ: ибо согрѣшающїе суть, можетѣ бытъ, наши друзья, сродники. Когда они умирающѣ шѣлесно, мы симѣ поражены бываемѣ и много шрогаемѣ: но смерть грѣховная должна бытъ для всѣхѣ несравненно прискорбнѣе и жалосннѣе.

НАСТАВЛЕНІЕ XVII

О

Прїуготовленїи ко смерти.

Дѣло самое нужнѣйшее въ сей жизни есть *прїуготовленїе ко смерти*. Средство къ сему прїуготовленїю самое надежнѣйшее состоитѣ въ частомѣ воображенїи и размышленїи о сей всеобщей

1 2

уча-

(*) Сѣр. XXI. 2.

участи. И такъ изъ самой глубины вѣчнаго мрака извлечемъ мы самую свѣтлую истину. Вотъ что воображеніе о смерти представляемъ на наше размышленіе.

1 е. *Мы умремъ.* Непремѣнное опредѣленіе въ разсужденіи насъ произнесено; всякой день исполняемся оное надъ кѣмъ нибудь изъ сыновъ Адамлихъ. Въ сію самую минушу, когда я разсуждаю о смерти, если кто либо въ мірѣ, испускаяя послѣднее издыханіе и начиная Вѣчность. Можеть быть долженствующій послѣдовать за нимъ есть я. Всѣ ли о смерти такъ помышляютъ? Вся земля представляемъ изъ себя обширный театръ, всегда покрывающійся новымъ какимъ ни есть трупомъ, или есть неизмѣримая пучина, непрестанно разверзающаяся для поглощенія мертвыхъ шѣлъ. Однако о семъ непреложномъ опредѣленіи всѣ ли довольно помнятъ, разсуждаютъ? Всѣ люди смертны и всегда умираютъ: но многіе изъ насъ живутъ, какъ бы не должны никогда умереть. Мы самое помышленіе о смерти отъ себя удаляемъ въ надеждѣ, будто удаливши оное возможно избѣгнушь и страха смертнаго. И такъ когда бы надлежало намъ всего опась-

сапсья, мы живемъ ничего не боясь; живемъ подобно шѣмъ опчаяннымъ осужденникамъ, которые когда ихъ ведутъ на мѣсто казни, и когда лишаютъ живота, ни мало не спрашиваются.

2 е. *Мы умремъ всѣ.* Всѣ, будучи составлены изъ одного брѣня, мы къ одному спремимся центру. Смерть всѣхъ насъ призоветъ на свое судилище; всѣхъ, такъ сказать, переключетъ предъ собою поимянно, — одного нынѣ, а другаго завтра, — сего въ настоящее лѣто, а того въ грядущее. По прошествіи сна лѣтъ всѣ во градахъ жилища будутъ новые, въ домахъ иные владѣльцы, во всемъ свѣтѣ другое и новое племя. Имѣющіе жить послѣ насъ скажутъ поже, что всякой изъ насъ говорилъ нынѣ: „мы всѣ умремъ.“ Ближніе придутъ иногда на гробъ нашъ; будутъ надъ прахомъ нашимъ такими же занимающіяся размышленіями, какими мы сами теперь занимаемся надъ предками, а можетъ быть еще съ большимъ благоговѣніемъ и пользою, можетъ быть съ живѣйшимъ Христіанскимъ чувствіемъ; — а нѣкоторые будутъ воспоминашь объ насъ по одной наружности, такъ, какъ мы о другихъ воспоминаемъ. Услышатъ

сѣи глаголы попомки, и ими пронущся, пронущисъ рѣшашся благовременно приуготовившися ко смерти; а другіе ошъ сего удалятся, и спасительное помышленіе о смерти усилятся заглушить жишейскими суедами. Прїидетъ смерть, и они удивятся, чпо имъ будшо и не напоминаль никто о неминуемомъ концѣ жизни.

3 е. *Смерть разрушитъ всѣ наши намѣренія, и распогитъ всѣ наши помышленія.* Въ насъ, — что часъ, по новое предпрїяшїе; спустя нѣсколь-ко другое; мало послѣ раждается претїе, по степени въ четверныхъ за-ними — весьма скоро наступаетъ смерть, и всѣ прочія разрушаетъ въ одну минуту. Юноша въ двѣтущемъ возрастѣ своемъ воображаетъ единственно о исполненїи чувственныхъ своихъ желаній, — объ играхъ, забавахъ, удовольствїяхъ; при разсвѣтѣ дней своихъ онъ видитъ предъ собою неизчерпаемую бездну сладостей: но смерть, не позволивъ ему сдѣлать на прїятномъ пупи трехъ шаговъ, въ самомъ началѣ жизни прерываетъ теченіе его; прерываетъ полагая шествїю концѣ непредвидѣнный, препону самую жалкую; прерываетъ, засапляя подоб-ныхъ ему съ содроганіемъ говорить
объ

объ немъ: „такой по умеръ, — умеръ
„когда мы думали раздѣлишь съ нимъ
„часы удовольствій.„ Судя по сему, о!
пристрастные миролюбцы! чпо вы дѣ-
лаете, занимаясь единственно собою,
свѣтомъ, украшеніями, богатствомъ?
Вы изгопвляете жерпву смерти; вы
смошрищесь въ зеркало суеты, и не
видите позади себя смерти угрожаю-
щія. Она немилосердый кинжалъ свой
уже противу васъ обнажила; мгновеніе
ока минетъ, и она пронзитъ имъ серд-
це ваше, пронзитъ, и вы падете на
землю трепещущи, блѣдны.

Смертные! чье ослѣпленіе можетъ
быть болѣе нашего? Мы соглашаемся,
что жизнь наша содержится въ дыха-
ніи, и на семъ слабѣйшемъ основаніи
желаемъ воздвигнуть неизмѣримое зда-
ніе. Прозорливость свою мы разши-
ряемъ очень далеко и очень высоко, но
гроба, разверзающагося подъ ногами
своими не видимъ. Мы предприедемъ
намѣренія для того, чшобъ видѣть
ихъ разрушившимися; вымышляемъ
запѣи, и вдругъ они пресѣкаются;
питаемся понятіями пустыми; вся
жизнь наша пропекаетъ въ тщетныхъ
выдумкахъ. Сіе ли означаетъ лучшее
пригопвление къ вѣчности? Сіе ли, —
I 4 чшобъ

чтобъ жить и умереть съ пуспыми руками?

4 е. *Смерть лишитъ насъ всего.* Чести, богатство, удовольствія, должности, достоинства, друзей, сродниковъ, все по времени должно будетъ оставить. Всякой человекъ дойдетъ до состоянія, до какого дошелъ Иовъ; дойдетъ и принужденъ будетъ сказать съ нимъ единогласно: что для человека подъ конецъ въ наследіе оставаться долженъ единый гробъ. *Прошу же гроба и не обрѣтаю (*)*. Подъ конецъ жизни всякому надобно будетъ реци сіе печальное и прискорбное слово: „я все оставляю, оставляю скоро, или, все у меня похищаются, все отъемлю, все — безъ милосердія, все — безъ изъясненія, все — безъ возврата. „ Да кто отъемлетъ? Болѣзни и немощи. И такъ одръ и гробъ, черви и исплѣнѣ, се мое неотъемлемое имущество! Се моя надежда! Кромѣ сихъ, гдѣ узрю благая моя (**)? Нечувствительные человекѣ! Для сего ли мы должны писать въ сердцахъ своемъ множество зазорныхъ прихотей и желаній? Для сего ли, будучи окру-

жены

(*) Иов. XVII. 1.

(**) Иов. XVII. Сл. 15.

жены семействомъ, должны предавать-
ся безмѣрнымъ суешамъ и безпокой-
ству? Для сего ли, обитая въ обще-
ствѣ, мы должны возжигать ссоры,
брани, не жалѣя о пролившіи крови,
все опустошая и все разрушая? Въ
часъ смертный къ чему сіе для насъ
послужитъ? Какая бездна, какая про-
пасть все сляжаніе наше поглощать
на вѣки!

5 е. Наконецъ *смерть рѣшитъ жребій
нашъ навсегда*. Древо когда либо имѣетъ
насъ, и падетъ на десную или ошую,
смотря по наклоненію, какое оно вос-
пріяло отъ начала своего растѣнія.
Вотъ изображеніе нашей смерти! На
всю вѣчность мы имѣмъ оснанемся,
чѣмъ будемъ въ концѣ жизни. Скон-
чаемся въ благодатномъ соспоянніи;
жребій нашъ будетъ швердъ, и мы
вѣчно пребудемъ блаженными. Умремъ
въ беззаконіи; гибель наша неизбежна
и безконечна. Смерть естъ минувшее
событіе, но сіе минувшее событіе рѣ-
шитъ дѣлою вѣчностію нашею. О ми-
нута! спрашная минута! Кто мо-
жетъ перевѣсить шяжесъ швою? Кто
можетъ измѣрить жеспокость швою?
Кто можетъ облегчить ужасныя швои
слѣдшвія?

О смерть! сколь вѣсы твои справедливы! сколь судъ твой основателенъ и совѣны спасительны! *О смерти, добръ судъ твой* (*)! Кто, разсудивши о помянутыхъ великихъ истинахъ, можетъ вопрошивишься силъ твоей? Если бы основательно разсуждали, что всѣмъ должно умереть: кто бы споль глупо спалъ прилѣпляясь къ сей жизни, какъ многие прилѣпляются? Кто бы, слыша гласъ смерти возвѣщающій, что все въ мѣрѣ суета и ничтожество, кто бы спалъ ницпашся пуспыми мечтаньями, лживыми помышленьми? Кто бы рѣшился любить тиблемя свѣта сокровища предпочтительно богатству вѣчному, смертью за предѣлами мѣра сею намъ обѣщаваемому? Кто бы не сказалъ въ себѣ самомъ: „поелику я долженъ умереть „и все оставишь по смерти: то для „чего мнѣ не рѣшюготовляясь къ оставленію всего прежде смерти? „ Если бы такъ всѣ помышляли, то каждой наступающій день мы почивали бы днемъ послѣднимъ; всякое дѣло исполняли бы, яко дѣло въ жизни послѣднее; всѣ бы приступали къ святилицу храмовъ Господнихъ, яко къ

пре-

(*) Сір. ХLI. 3.

престолу самаго Бога уже пришедшаго
воздаши, комуждо по дѣламъ его; всѣ
бы вкушали шѣло Хрїстова, какъ бы
немоцный, лежащій на одрѣ смерп-
номъ; вся жизнь наша была бы непре-
шаннымъ прѣугоповленїемъ къ смерти.
По сему всѣ бы старались жить жиз-
нїю праведныхъ, дабы умереть смер-
тїю Святыхъ, и жить во вѣки жиз-
нїю избранныхъ. *Да умретъ душа моя
въ душахъ Праведныхъ* (*).

НАСТАВЛЕНІЕ XVIII

О

*Сихъ словесахъ Апостола Павла;
„по вся дни умираю (**).“*

Сколько важныхъ истинъ содержится
въ сихъ краткихъ, но весьма важныхъ
словесахъ Апостольскихъ: *по вся дни
умираю.* — Богъ и Господь, живой во
вѣки! послѣку всякой изъ насъ непре-
мѣнно умереть долженъ нѣкогда, со-
твори убо, чѣтобъ вся жизнь наша бы-
ла непрестаннымъ чувствїемъ повся-
днев-

(*) Тис. ХХІІІ. 10.

(**) I Кор. XV. 31.

дневныя смерти. Ты самъ рекъ еси намъ: непрестанно будите гогови, ибо не вѣсте ни дне, ни часа, въ кій пасть или смерть ваша прїдетъ; самъ убо умудри насъ въ сихъ словесѣхъ Апостольскихъ: *по вся дни умираю.*

По вся дни умираю. Увы! коль многимъ вещамъ я уже умеръ! неощенное время моей юности, многіе лѣта прошедшей жизни моей, они — протекли; протекли яко сонъ; протекли, и никогда уже ко мнѣ не возвращаются. И такъ умеръ я въ разсужденіи многаго числа прежнихъ дней моихъ; умеръ днямъ первымъ, да и послѣдніе протекуть споль же нечувствителью. Въ шеченіи жизни моей я проспираюся въ предняя, но при семъ чувствую, что на всякъ день умираю, умираю, хотя о смерти не имѣю никакого помышленія. Разумъ мой дремлетъ и не примѣчаетъ прекращенія бытія моего; но сердце сознается, что я вдругъ, внезапно увижу часъ смертный; когда не помышляю, тогда узрю послѣднюю минушу.

По вся дни умираю. Всякой день нѣскольго отъ бытія моего убавляется, нѣчто отъ сложенія пропадаетъ. Я чувствую, что все мало по малу
изче-

изчезаетъ ; разумъ мой прищупляется, память слабѣетъ, очи меркнутъ, силы уменьшаются, все зданіе состава моего грозитъ мнѣ внезапнымъ паденіемъ. Се коликъ предвѣсній смерти, не позволяющихъ терять изъ виду послѣднюю минуточку, въ которую мнѣ должно пожертвовать собою всеобщей рѣшительницѣ живоша нашего!

По вся дни умираю. Довольную уже часинъ пропекъ я пушя жизненнаго; а сколько еще пройти его осталось, не знаю. Нынѣ я живъ, а завтра, можетъ быть, скончаюсь. Въ сію минуточку я наслаждаюсь дыханіемъ, но минуточку слѣдующую една ли увижу. Сія неизвѣсность, въ разсужденіи продолженія жизни, не означаетъ ли видъ повседневнаго смерти? Въ такомъ состояніи къ чему можно прилѣпляться? Можно ли выдумывать какія зашты, предпринимать великія намѣренія? При семъ случаѣ однимъ только надлежитъ заниматься, помышлять о смерти, къ ней прѣуготовляться, и какъ бы всякую минуточку быть умереть готовымъ: ибо когда точно послѣдняя приближится минуточка, тогда не лѣзя уже будешь сіе сдѣлать.

По вся дни умираю. Умираю всему, что со мною ни встрѣчается, прискорбѣ

бѣе или радость. Время, все пожирающее, не восхищаетъ ли у насъ равномерно и зло и благо? Въ мѣрѣ семъ нѣтъ ничего швердаго и основательнаго. И такъ когда мы находимся въ огорченіи, скажемъ: „оно скоро окон-
„чится, то для чего чрезмѣрно оп-
„чаяваться? Когда мы чувствуемъ
„нѣкоторое удовольствіе, тогда долж-
„ны говорить: завтра, быть можетъ,
„мы онымъ наслаждаемся болѣе не бу-
„демъ: то для чего оному безъ гра-
„ницъ предаваться? „Какая глупость
къ тому прилѣпляться, что прошивъ
нашей воли по времени уничтожишься!
и какой опличной даръ премудрости
не утверждаешься на томъ, что не
имѣешь крѣпкаго основанія! Единъ
Богъ есть непремѣненъ и добро вѣчное;
къ нему убо душа моя привергайся;
Его единственно люби: ибо ниже смерть
самая у тебя благо сіе восхищити мо-
жетъ.

По вся дни умираю. Всякой день
я разрываю какой нибудь узелъ изъ
связующихъ меня съ сею жизнью. Ко-
гда смерть постигнетъ насъ тысячію
узъ привязанными къ міру, узами
богатствъ, чести, родства, друже-
любія, различныхъ надеждъ и замы-
словъ; постигнетъ, и всѣ сіи узы при-
ну-

нудить разорвать, какое будетъ насиліе! какое прискорбіе! Чшобы изъ сихъ предупредить и по и другое я по вся дни самопроизвольно оприцаюсь себя самаго; оприцаюсь, и сколько есть во мнѣ силъ, предворяю симъ нападеніе смерти. По сему егда она приближися, ничего болѣе не учинитъ со мною, какъ разлучитъ душу отъ тѣла, и тихо преселитъ оную во объятія Творца моего.

По вся дни умираю. Душа моя рѣшилась уже жить для единого Бога; по сему не иное я долженъ брать участіе въ сладостяхъ міра, какое свойственно мершвымъ, сокровеннымъ во гробъ. Не нужны для меня ни забавы, ни корысти, ниже чести. Пущь меня, такъ сказать, будутъ попирашь ногами, яко же прахъ мершвыхъ, я ничего не пожелаю, и въ разсужденіи всего буду нечувствителенъ. Сердце умершее міру ничто шрогахъ не можетъ.

По вся дни умираю. Ахъ! какъ я могу желать, чшобы еще болѣе пожить въ семъ мірѣ? Еще ли мало видѣлъ я обстоятельствъ достойныхъ сожалѣнія и всегдашнихъ моихъ сокрушеній? Число беззаконій моихъ уже ли не велико? Ошвѣтъ, копорой мнѣ должно

но

но отдашь во грѣхахъ моихъ, еще ли меня не устрашаетъ? Вездѣ сый Сердцевѣдецъ! уже ли я мало упоирибилъ во зло даровъ твоей благодати, пошериалъ времени, погубилъ дней? Дерзновенный! шаспливъ бы я былъ, еспли бы могъ умереть въ извѣстное время, и предугошовилъ бы себя къ явленію предъ лице твоѡ! Или сколько я не проживу лѣтъ, всегда приближеніе смерти буду предчувствовашъ съ мученіемъ и съ страхомъ? Смерть не предшествуемая сими знаками не естъ смерть, а жизнь и радость. Тысяча лѣтъ предъ очами твоими, Боже! яко день вчерашній, или ничпо, и шакъ умерый праведникъ о чемъ буденъ жалѣнь, хопя бы онъ еще и многихъ лѣтъ на землѣ не прожилъ?

По вся дни улираю. Блаженъ, когда бы я могъ окончаъ жизнь свою въ силѣ Божіа благодати, окончаъ дни мои въ его свяшой любви; умеренъ кончиною праведныхъ! для сего единственно мнѣ желашельно еще нѣсколь-ко пожизъ въ мѣрѣ. Я хочу пріять попеченіе о себѣ самомъ, желашу искупить потерянное время; рѣшипельно располагаюсь по вся дни умеренъ себѣ и всему въ мѣрѣ. Какую сладость тогда почувствуешъ душа моя, какое во-
царш-

Варится спокойствіе въ сердцѣ моемъ; сколь тиха будетъ кончина моя; естли я непрестанно и искренно буду говорить со Апостоломъ: *по вся дни умираю*. По вся дни болѣе и болѣе познаю я ничтожество міра; по вся дни оппоргаюсь отъ пварей, разрушаю союзъ, соединяющій меня съ міромъ; по вся дни вооружаюсь прошиву какоголибо соблазна, порока, или преступленія; по вся дни хочу чему нибудь умереть, и стараюсь умереть всему видимому. О жизнь блаженная! жизнь состоящая въ повседневной смерти! Сколько ты свяща, ходапайственна, и Богу пріятна! Ты весьма сообразно располагаешь насъ къ той рѣшительной смерти, копорая въ опредѣленный часъ и день непременно съ каждымъ изъ насъ должна событься; ты весьма убѣдительно доводишь насъ до той безсмертной жизни, копорую всѣ мы уллучить надѣмся. Помощимся умереть смерти святыхъ, чтобы жить во вѣки жизнью избранныхъ! Да что къ сему попречно, подлинно ли умереть, или спрадать единственнo? Не лзя на всякъ день умирашь вещественно; но должно переносить нѣкоторыя огорченія по залoгу Вѣры.

Часть I.

К

ста-

стараемся все соединить вмѣстѣ и спрдаанія и подѣ конецъ добрую смерть; пощимся жить и умереть по Хрїстіански.

Правда, повседневная смерть огорчительна и несносна, судя по слабостямъ природы; но никто не умираетъ безъ болѣзней, не умираетъ такъ, что бы смерть ничего не стоила. И такъ ободримъ себя священной надеждою, одушевимъ душу свою мужествомъ и непоколебимостию. Мы умираемъ для соединенія съ Богомъ; съ Нимъ, дабы жить вѣчно, умремъ грѣху, мѣру и плохи на всякъ день; соединимъ для сего съ жертвою заслугъ Хрїстовыхъ и съ его смертию мѣру спрдааній и смерти нашея. За симъ сколько бы огорчительна, сколько бы изнурительна, и сколько бы продолжительна ни была ежедневная смерть наша; благодать умѣритъ ея изнурительность, упованіе усладитъ ея горесть, награда увѣнчаетъ труды наши.

И такъ не той единственно мы подлежимъ смерти, которая имѣетъ исполниться со всякимъ подѣ конецъ жизни. На всякъ день мы испытываемъ начашки и предвѣстіе кончины своея;
по

по вся дни всякой изъ насъ говоритъ, что всѣ мы умремъ: но коль рѣдкіе видятъ, что они умирають ежеминутно. Когда мы думаемъ пожить, тогда непримѣннѣе приближаемся къ смерти. Смерть ежедневно производитъ надъ нами свою работу, и мы нимало при семъ не стараемся послужить Богу. Истинная жизнь соспоитъ въ отверженіи отъ всего, что непременно должно разрушиться и исчезнуть. Мы по вся дни умираемъ, но для чего намъ прилѣпляемся къ міру сему? Нѣкогда обо мнѣ скажутъ: „онъ умеръ!“. Для чего по сему не говоримъ мнѣ самому себѣ заблаговременно, что я умираю по вся дни? Еслии всякой непримѣнно оставитъ нѣкогда сію смертную жизнь: то при добромъ расположеніи къ смерти всякому должно просить Отца свѣтовъ, чтобы онъ учинилъ насъ достойными той непримѣняемой жизни, которая предуготована для позлюбленныхъ сыновъ его прежде еложенія міра. Будемъ жизнью своею непрестанно жертвовать Богу: на слабости и болѣзни тѣлесныя станемъ взирать, яко на спасительныя средства, руководствующія насъ къ живому безболѣзненному; не уедемимъ освящать душу свою шайнствами по-

каянїя и прѣобшенїя; всякой день наступающій будемъ почитать яко послѣднимъ своея жизни; при сихъ охраненїяхъ аще и умремъ, живы будемъ

НАСТАВЛЕНІЕ XIX

О

Частномъ судѣ грѣшника.

Частный судъ есть тотъ, которой долженъ исполниться надъ нами въ минушу самую смерти: ибо прежде послѣдняго дня, того дня великаго; въ которой всѣ челоуѣки собраны будутъ на полѣ Иосафатово, собраны будутъ на всеобщій судъ для торжественнаго и явнаго оправданїя Промысла Владычня; со всякимъ сбудется еще судъ лично частный при концѣ временныя жизни нашея.

Судъ сей по видимому не очень страшенъ: ибо онъ будетъ безъ объявленїя, безъ великолѣпія и безъ славы. Но онъ будетъ песьма ужасенъ по своимъ послѣдствїямъ и по своему дѣйствию: ибо онъ рѣшитъ вѣчнымъ жребїемъ нашимъ, и по сему-то послѣдній общій судъ, имѣющій за нимъ послѣдовать, не иное что будетъ, какъ
объ-

объявленіе суда частнаго, суда предъидущаго.

Послѣ малости нѣкоторыхъ лѣтъ, пропекшихъ на землѣ, послѣ жизни, большею часпю проведенной въ суетахъ, въ забавахъ, а иногда въ безпорядкахъ и въ буйствѣхъ спраспей, послѣ болѣзней продолжительныхъ и изнуришельныхъ, или легкихъ и крапкихъ, послѣ безпокойствъ, мученій и слабостей, при конечномъ сраженіи приближился на послѣдокъ рѣшительная минута, въ которую мы окончимъ жизнь свою, и въ которую тоже объ насъ скажутъ, что мы говоримъ о прочихъ: онъ умеръ. Сколько слезъ чистосердечныхъ или припворныхъ, сколько соболѣзнованій искреннихъ или принужденныхъ послѣдуетъ въ гробъ за бездыханнымъ нашимъ трупомъ? Еслили когда, то при семь-то случаѣ должно смотрѣть живущимъ опверстыми очами.

Я сопровождаю духомъ моимъ душу умершаго, оплученную опъ міра. Се она входитъ во врапа вѣчности! се присоединяется къ темному воинству тѣней умершихъ! какимъ поражается она удивленіемъ при входѣ въ сіе новое мѣсто пребыванія? Одна, . . . изумленная, опчаянная, и какъ бы омра-

ченна величешвомъ Неприсушнаго Сущешва, она видить себя осшавленную отъ всѣхъ, и совсемъ всего лишенной.

Видить Себя осшавленную отъ мѣра и шварей. Ея друзья, сродники, покровишеди, все, что она ни имѣла любезнѣйшаго на свѣтѣ, все даже доселѣ за нею слѣдовало, или близъ ея было неоплучно: но при вшешствѣи въ сѣю землю новую, во шрану чуждую, при вступленѣи на брегъ сѣни смершныя, все отъ ней удалилось. Гдѣ шеперь мышцы плоти, на нихъ же мыслила она нѣкогда утвердить свое шастѣе? Гдѣ оные очаровывающѣе предметы, копорые она за обманчивую прелеснь слѣпо идолошворила? Во время живота своего она жертвовала мѣру своими сокровищами, своимъ спокойшвѣемъ, своимъ спасенѣемъ: но теперь все изчезло; душа осшалась одна съ своими дѣлами и съ своими воздыханѣями.

Видить себя осшавленную отъ собшвенныхъ совѣсти, отъ той совѣсти аживыя и погрѣшительныя, копорая ея въ шеченѣи жизни и соблазняла и ослѣпляла, но подѣ конецъ измѣнилась уже въ совѣсь справедливую, копорая, такъ сказать, вышедши изъ своего усыплешнѣя и заблужденѣя, приводитъ грѣшника

ка

ка въ себя самого, заславляетъ чувствоватъ постигшее несчастіе, и вынуждаетъ сокрушатся о невозвратной потерѣ.

Страшны сіи оставленія; но есть еще ихъ ужаснѣе и штыопительнѣе. Грѣшная душа видитъ себя оставленною отъ своего Бога, т. е. отъ Бога исполненнаго нѣкогда къ ней благоспи, любви и милосердія, а теперь ничего въ себѣ непоказующаго, кромѣ правды, гнѣва и наказанія. Однако не подумаемъ изъ сего, будто въ самой сущности Бмъ страшень. Когда онъ измѣняетъ имя нѣжнаго отца въ Бога воинспв: тогда беззаконникъ, яко врагъ непримиримый, самъ располагаетъ его бытъ судіею правосуднымъ.

И такъ представимъ мы грѣшную душу въ семъ жалостномъ положеніи; вообразимъ, что она въ настоящую минуту исходитъ изъ шѣла своего; вдругъ представляется предъ судилище праведнаго Сердцевѣдца; одна предстоитъ предъ единымъ Богомъ; съ одной стороны рай, съ другой адъ, а посреде ихъ пресподъ Божій; душа виситъ, такъ сказать, между Небомъ и землею; шрепещетъ у ногу Судіи нелицепрїятнаго; ждетъ во хладѣ вѣчнаго о себѣ опредѣленія; печальная

К 4

кар.

картина всей жизни представляется предъ ея глаза; съ начатковъ употребленія ума, даже до послѣдняго издыханія всѣ ея помышленія, всѣ ея слова, всѣ ея дѣянія, всѣ грѣхи входятъ съ нею на судъ предъ лице Божіе; сколько при семъ открывается тайныхъ худыхъ чувствій! сколько злыхъ сокровенныхъ намѣреній! сколько ложныхъ причинъ! сколько похаенныхъ беззаконій! сколько крайнихъ спудодѣяній!

Не подумаемъ, будто много потребно времени для совершенія умирающему грѣшнику сего подробнаго о себѣ самомъ свидѣтельства и для рѣшенія жребія своего на всю вѣчность: виновная душа въ минушу всего и навсегда увидитъ себя лишенною. Въ то самое мгновеніе, какъ душа исходитъ ошъ шѣла, находитъ повсюду Бога, и самъ Богъ вездѣ ей представляется. При семъ Божественный свѣтъ поражаетъ очи ея; вдругъ видитъ она всѣ грѣхи свои, свое собственное о себѣ мнѣніе и свой вѣчный жребій; видитъ она грѣхи свои, и вмѣстѣ все ихъ множество, всѣ обстоятельство, всю гнусность, всю продолжительность; видитъ собственное по заслугамъ мнѣніе, и чинитъ полными очами, соз-
знаещ-

знается въ справедливости енаго, въ причинахъ и какъ бы еще въ малости наказаній за беззаконія свои; видитъ жребій свой рѣшившимся на всю вѣчность, и не предполагаетъ, чшобы онъ измѣнился, или чшобъ возвратишь поперянное было возможно, и такъ впадаетъ въ отчаянiе.

Не протекло еще минушы, и душа грѣшная испустила уже послѣднее дыханiе; ея тѣло лежитъ еще на одрѣ смертномъ; въ нѣкоторыхъ членахъ тѣла ея остаются еще часть теплоты естественныя; предспосящiе окружають еще останокъ друга своего въ глубокомъ молчанiи, орошаютъ его своими слезами, разглагольствуютъ объ немъ съ шрепетомъ; тѣло грѣшное не сокрыто еще въ землю, но душа уже предъ Богомъ.

Вѣчная клятва Его на нее падаетъ по достоянiю. Спрашныя муки, немогущiя никогда облегчить шерзанiй ея, мучительное отчаянiе, довершающее всѣ ея злоключенiя, — вотъ наказанiя беззаконiй! Грѣшная душа, сама себя осуждая предъ Богомъ, удаляется онъ Него на вѣки, и шакъ на вѣки не узришь она немерцающаго свѣта, никогда не соединишь съ Создателемъ бышiя своего; непроницаемая шма

вѣчно будешь скрывать Существо пресовершенное отъ очей ея; она учинишь шажкія воздыханія, и ихъ опровергнешь; издашь плачевный вопль, и его не услышишь; ей надлежало бы всегда наслаждаться благополучіемъ, возобладавши Богомъ, но она разлучившись съ Нимъ, поперявъ Его, нескончаемое наслѣдишь злощастіе. Сколь страшно и сколь мучительно будешь отчаяніе души сея, души немущія ушѣшенія, ниже упованія, ниже какого либо средства къ измѣненію горестнаго состоянія на радость!

НАСТАВЛЕНІЕ XX

О

Седьми гласнѣйшихъ пунктахъ осужденія нашего.

Частный и ужасный судъ непременно я нѣкогда наслѣдую, Боже! наслѣдую во время неминуемая и внезапная смерти. Когда приближился ко мнѣ послѣдняя минуша: тогда я опдашь имѣю отчетъ предъ тобою, Создатель! во всей моей жизни, и получишь рѣшеніе въ разсужденіи вѣчной своей уча-

участи. Однако къ суду сему за-
благовременно хочу я расположиться, за-
благовременно желаю себя единого пред-
ставити предъ единымъ Тобою, какъ
бы въявь созерцая будущее иное при-
шествіе. Теперь, Искупителю! повер-
гнувшись къ подножію кресла твоего,
какъ бы повергаяся къ подножію Тво-
его судилища, предпринимаю я судишь
самаго себя, или лучше покушаюсь
представити себя предъ Тобою, яко
предъ Судією высочайшимъ и хочу по-
знать то, въ чемъ я нѣкогда судимъ
буду.

Подкрѣпи, Боже! въ наспоящій
часъ всѣ силы памяти моей, могущей
просвѣтити мой разумъ; усугуби всю
тяжесть прискорбія, какое о содѣян-
ныхъ мною злыхъ должно поражать
мое сердце; сообщи мнѣ милоспи свои,
которыя бы могли предуготовити мя
къ страшному суду будущему и из-
бавити отъ всѣхъ его спротивъ слѣд-
ствій.

Что представляется очамъ моимъ?
Судія высочайшій сидитъ на престолѣ
славы; душа трепещущая у подножія
престола Его со страхомъ ожидаетъ
вѣчнаго о себѣ опредѣленія. Праведный
Богъ разверзаетъ книгу жизни и смер-
пи

ни предъ очами ея; разверзаетъ, и судъ спрашный начинается. Какое содержаніе помянутой книги? *Седьми главнѣйшихъ лунктовъ* крапкая сила въ оной изображается. По симъ пунктамъ всѣ мы будемъ спрашиваемы и непременно обязаны будемъ на нихъ отвѣтствовать. Приготовимся къ сему нынѣ, ибо отвѣты рѣшатъ нашу вѣчность.

1 е. мы строго будемъ судимы *во грѣхахъ содѣянныхъ*; во грѣхахъ помысленія, словъ, дѣяній, опущенія; во грѣхахъ всей жизни и каждаго возраста; во грѣхахъ всѣхъ видовъ и всѣхъ обстоятельствъ; во грѣхахъ, можетъ быть утаенныхъ при покаяніи, ибо въ такомъ случаѣ ложный стыдъ, не смотря на тайныя грызенія волнующейся совѣсти, запечатлѣвается у многихъ уста молчаніемъ; во грѣхахъ притворныхъ, объявленныхъ шокмо въ половинѣ, прикрытыхъ лицемѣріемъ за шѣмъ, что не хотѣлось намъ проникнуть въ згибы душевные и поколебать мнимый покой сердечный; во грѣхахъ забвенныхъ, но можетъ быть забвенныхъ по самоизволенію, ибо какъ скоро приходятъ нѣкоторые въ здоровое чувство, то вдругъ домогаются удалить отъ себя мысли, возмущающія ихъ удовольствіе

и

и возраждающія мученіе. Сколько, такъ сказать, сокровенныхъ чудовищъ покажется въ день великій и судный!

Можешь быть во время живота моего я припворялся быть нечувствительнымъ въ разсужденіи грѣховъ моихъ; извинялъ себя въ нихъ; но Богъ тогда представилъ мнѣ ихъ во всей гнусности. Увы! беззаконія мои, сколько бы велики ни были, естли бы я оплакалъ ихъ во времени, они бы прощены были: но естли они по самую смерть во мнѣ живы были, то не умрушь во вѣки, дѣлая судьбу мою злощасною.

2 е. Мы строго будемъ судимы *во грѣхахъ*, которые побудили другихъ исполнить; янѣе, *во грѣхахъ соблазна*. Сколько худыхъ совѣтовъ, сколько дурныхъ примѣровъ, сколько подали случаевъ къ разгнѣванію Бога и къ озлобленію ближнихъ, сколько вольныхъ и соблазнительныхъ словъ, сколько развратныхъ книгъ, сколько непристойныхъ шѣлодвиженій, неприличныхъ убранствъ, украшеній развлекашальныхъ, сколько злочесивыхъ шутокъ на щетъ Вѣры и святыхъ ея правилъ: во всемъ этомъ не отдадимъ ли мы отчета предъ Богомъ? Сколько изъ насъ явится виновныхъ предъ очами
Его

Его по тѣмъ преступленіямъ, которыми мы другихъ склонили ко грѣху, и по которымъ беззаконія чужія вмѣнятся намъ какъ бы въ собственныя наши?

Нешастные! не довольно ли для насъ быть обремененными собственными грѣхами, не участвуя въ тяжести грѣховъ ближнихъ? Однако таковъ будетъ судъ послѣдній, что и за другихъ беззаконія мы будемъ отвѣтствовать.

З е. Мы строго будемъ судимы *во грѣхахъ*, въ которыхъ мы не воспрепятствовали другимъ, будучи на сіе обязаны. При безчисленныхъ случаяхъ мы бы сіе могли, да и должны сдѣлать. Всѣ мы обязаны представлять изъ себя примѣръ наставленія по благоповеденію; однако о семъ не стараемся. Видимъ мы часно людей изъ устъ свѣихъ производящихъ желчь и горесть; одно крошечное слово могло бы усладить раствореніе ихъ горшани; но мы въ сіе не вникаемъ. Многіе обязаны воспитаніемъ многихъ: но правящіе когда попускаютъ правимыхъ жить по спремленію ихъ наклонностей; что не лъзя, чтобы не отвѣчала нѣкогда кровь за кровь, другъ за своего друга. Слышимъ; что злословіе раздираетъ славу ближняго, нечестіе и безвѣріе предпису-

писуютъ погибельныя правила; но подлое уваженіе человѣческое запечатило уста свои; сіе уваженіе есть порокъ, часто означаетъ соблазнъ, а иногда развращеніе и видъ богопротивника. Сколь многіе души будутъ отвѣчать предъ Богомъ во грѣхахъ, отъ которыхъ надлежало бы имъ воздержанъ прочихъ!

Не долженъ ли и я уличать себя самаго въ семъ упущеніи? Богъ будетъ нѣкогда судить меня въ ономъ, но не по совершенству милосердія, а по свойству неумолимаго правосудія своего. Что я буду отвѣчать Ему, когда самъ буду обязанъ непременно осудить себя?

4 е. Мы строго будемъ судимы въ добродѣтеляхъ, которыя должны были исполнить, да не исполнили. *Вѣдущему добро творити и не творящему грѣхъ есть.* (*) Проповѣдовали слово Божіе: — внимали ли мы, слыша оное? Приносили божесивенную жерниву; увѣщавали насъ учащая спасенія: — спѣшили ли мы охотно къ слышанію первыя и къ исполненію послѣднихъ? Вопль нищеты и рыданіе бѣдности часто доходили до слуха нашего: отверзали ли мы онымъ въ нуждахъ ихъ нѣжное свое
серд-

(*) Іак. IV. 17.

сѣрдце и благодѣтельную руку? Больнымъ помогали ли въ немощахъ? Огорченныхъ утѣшали ли въ нещасїяхъ? Заключенныхъ въ темницѣ навѣщали ли въ ихъ узахъ? Сколь многие изъ насъ живутъ спокойно потому единственно, что не впади въ великія преступленія: но какъ они возпрепещуи въ нѣкогда, не сотворивши великихъ добродѣтелей, имѣя случай и средство къ исполненію оныхъ? Грѣшная душа моя! молися непрестанно, содрогайся, суди сама себя, не ожидай, что въ разсужденіи упущенныхъ добродѣтелей самъ Богъ позвалъ тебѣ на свое судилище.

5 е. Мы строго будемъ судимы *въ самыхъ* исполненныхъ *добродѣтеляхъ*. Судія нелицепріятный, Судія сердце-вѣдающій будетъ нѣкогда цѣнить самую нашу правду. Мы учинили добрыя дѣла: но какъ? По какимъ причинамъ; и съ какимъ намѣреніемъ? Тщеславіе и чesпoлюбіе не имѣли ли на нихъ вліянїя? Милостыни, творимыя безъ разбора, молитвы безъ вниманія, исповѣданіе безъ сокрушенія, приобщеніе святыхъ Таинъ безъ пріуготовленія; древа обманчивыя! вы принесли плоды испорченные; червь ядохворнаго самолюбія повредилъ оныя. Каково будетъ наше

наше соспояніе? Мы думаемъ, что заслужили великія награжденія дѣлами своими: но предъ Богомъ явимся и нищи и бѣдны и наги. Боже праведный, коль спрашенъ будешь судь твоей! На немъ, спанется, что и добродѣтели наши осудятся; то, по чему я надѣялся получишь милости твоей и славу, послужишь въ вѣчный спыдъ мой.

6е. Мы строго будемъ судимы въ дарахъ благодати, которые мы получили и ихъ не употребили на доброе, на пр: во многихъ способностяхъ душевныхъ, въ членіи Священнаго Писанія, въ назидательныхъ примѣрахъ, въ живомъ вдохновеніи Святаго Духа, въ спасительномъ грезеніи совѣсти. Богъ, содержай мѣрило въ рукѣ своей, положишь на одной спранѣ свои дары и свои милости, а на другой будешь ожидать, чтобы мы положили свою вѣрность и наше соопвѣспованіе взысканію его. Во что же мы употребили дары его? Какой плодъ извлекли изъ его милостей? Турь и Сідонь придите постыдитесь Хрїстіанъ неблагодарныхъ и вѣроломныхъ. Неблагодарные! речешь нѣкогда Богъ, вы меня насильно принудили небреженіе о дарахъ моихъ положишь причиною неизбѣжнаго вашего злощастія. То, чтобы

Часть I.

Л

долж-

должно послужить къ нашему блажен-
ству, обратися въ печать вѣчныхъ
погибели и осужденія нашего.

Како, Боже мой! не вострепещу
при лицезрѣнїи, или еще при единомъ
чаянїи своль грознаго суда твоего?
Естьли единое воображеніе сильно мо-
жетъ поколебать мною: то что уже
я возчувствую во время самаго испол-
ненія нелицепрїятныхъ испытанїй тво-
ихъ?

7 е. Судъ, подъ конецъ, да еще
судъ первыхъ строжайшїй, исполнися
надъ нами *въ дарахъ* благодати, кото-
рыхъ мы не получили. Какъ, можемъ
ли мы быть въ томъ виновными, что
намъ не дано свыше? Вошь изъясненіе
сего неминуемаго осужденія! Богъ еже-
дневно прїугошовляетъ намъ новые ви-
ды щедротъ своихъ: но когда мы ихъ
не получаемъ, сіе происходитъ отъ
нерадѣнїя нашего о дарахъ первыхъ.
Естьли бы мы ему *въ маломъ* были
вѣрны: то бы Онъ насъ и надъ многими
поставилъ (*). Начальныя милости при-
влекли бы послѣ другїя еще драгоцѣн-
нѣйшїя. И такъ наша невѣрность уда-
ляетъ отъ насъ щедроты Божїей, и по
необходимости заставляетъ въ нихъ
нѣ-

(*) Лук. XII 17.

иногда отвѣщивовать. Солнце блещетъ, а мы сжимаемъ очи свои; не престанно осіяваетеъ взоръ нашъ, а мы отвращаемъ оный: въ такомъ положеніи достойны ли мы извиненія? Души заблуждающіе! когда прочте будете осуждены за злоупотребленіе даровъ полученныхъ, тогда вы подпадете клятвѣ вѣчной еще за несообщенные вамъ!

Таковъ и еще снроже будетъ судъ дня послѣдняго. О всемъ помянутомъ я буду испязуемъ; увы! что, естли обрящется душа моя въ такомъ злощасномъ состояніи, какое шеперь я предначершалъ въ своемъ воображеніи? Что я тогда спану дѣлать? Естли Судія Верховнѣйшій произнесетъ о жребіи моемъ строгое опредѣленіе, опредѣленіе на вѣчнось меня осуждающее сими словами: *идите отъ мене проклятіи во огнь вѣчный* (*): тогда можно ли мнѣ будетъ избавитъся событія осужденія сего? Заблаговременно, опасаясь шоликія клятвы, заблаговременно я ни о чемъ не долженъ болѣе шпараться, какъ чаще размышлять о послѣднихъ, бояться грѣхопаденій будущихъ и сожалѣть о содѣянныхъ беззаконіяхъ.

Л 2

Боже

(*) Мат. XXV. 41.

Боже долготерпѣливый! Колико смертные слѣпопоствуютъ не разсуждая о спрашиномъ судѣ швоемъ день и ночь? Завтра, можетъ быть, онѣ насъ всѣхъ постигнетъ: но мы нынѣ живемъ въ развлеченіи и въ заблужденіи. Судія праведный! не види въ судѣ съ рабами своими: что бо явится предъ шобою чловѣкъ виновный и грѣшный? — Я не знаю, каковъ будетъ жребій мой въ день испытанія спрашиаго: пріобщуся ли я къ числу избранныхъ, или включенъ буду въ общешво осужденныхъ? Не знаю! . . . Но доколѣ еще обитаю въ мѣрѣ; шы всегда еще Ошецъ благошпробный меня помилуешь. Услыши убо сокрушеніе сердца моего и въздыханіе шеплое; услыши дондеже день есть. Съ моей стороны я готовъ къ суду швоему; рѣшимость свою открываю у' подножія кресла швоего; призри, — и соверши плодъ моя готовности и рѣшимости, да не судѣ, а милости швои воспую во вѣки.

НАСТА-

НАСТАВЛЕНІЕ XXI

О адѣ.

При размышленіи о адѣ при помышленіи будущъ моимъ предметомъ. Онѣ во всю бы жизнь мою должны бытъ необходимою причиною неосушаемыхъ слезъ моихъ: но я забывалъ сіе. Боже! просѣпти и подкрѣпи мя при глубокомъ разсужденіи о сихъ спрашнвыхъ истинахъ, кои живо изображаются въ моемъ разумѣ, какъ скоро я помышлю о адѣ!

Я увѣренъ, что заслуживаю адѣ. Чѣмъ наследовать оный, слѣдуешь токмо учинить единый смертный грѣхъ: но я сколько сотворилъ ихъ въ жизни моей? и по сему достоинъ крайняго наказанія. Еслили бы Богъ когда нибудь воззвалъ меня отъ міра сего, еслили бы въ такое - то лѣто и при такомъ - то обстоятельстве оцѣ поразилъ меня непредвидѣннымъ событіемъ смерти; въ какомъ бы положеніи я предъ Нимъ явился? Чего бы мнѣ должно было ожидать отъ него, кромѣ спротоспи правосуднаго гнѣва его? Но днесь, когда еще я не сопричисленъ совершенно къ осужденнымъ, не погребенъ еще въ глубинѣ неизмѣримыя бездны адскія,

кїа, не подлежу еще всѣмъ ужаснымъ мученїямъ вѣчности; сіе означаетъ особенное ко мнѣ Божїе милосердіе, еще щадящее меня низвергнувъ въ пучину, въ кою бы я долженъ вкушать желчь и горесть вѣчнаго опчаянїя. Въ животи моемъ сколько я обязанъ во уюжденїе Богу предохранять себя отъ низверженїя во адъ, столько уже, упавши въ него, не могу освободиться изъ онаго.

Есть ли бы Богъ воззвалъ Каина изъ сего мѣста казни, изъ сея темницы вѣчныя: какіе бы знаки благодарности, раскаянїя и отвращенїя отъ содѣяннаго зла онъ не примѣтилъ въ семъ грѣшникѣ? Могъ ли бы Каинъ имѣть въ себѣ сколько нѣжныхъ чувствованїй, сколько бы ихъ захотѣлъ посвятивъ Богу, и сколько строгихъ изнуренїй, которыя бы захотѣлъ употребить пропивъ себя самаго? Смотря на сіе моя къ Богу благодарность должна быть несравненно болѣе и живѣе: ибо гораздо свойственнѣе возсылать Всевышнему хвалы за благо непотерянное, и сіе ему любезнѣе, нежели располагать себя на прославленїе имени его по избавленїи мукъ вѣчныхъ, отъ мукъ ничѣмъ незамѣняемыхъ.

Л

Я заслуживаю адъ. Вотъ состоянiе самое горестное и плачевное, въ которое меня ввергли мои грѣхопаденiя, и вотъ особенное дѣйствiе благодати Божией, которое во всю жизнь мою отъ беззаконiй уклоняло, уклоняло по неизглаголанному милосердiю, заставляя меня предпочиташь зло грѣховное всякому злу, бытъ въ мiрѣ могущему. Я согрѣшилъ, и при семъ любовь опеческая не до конца раздражалась моимъ нечеспiемъ, долго сносила мое озлобленiе, призывала меня на покаянiе, ожидала моего обращенiя, не хотѣла погубить меня: но я, все опвергнувъ, ожесочился въ снудодѣянiяхъ моихъ, самъ съ своей стороны заслужилъ адъ и достойнымъ сдѣлался всѣхъ мученiй его. Взирая на такое свое положенiе, я не скажу, какова должна бытъ моя благодарносшь, каковы должны бытъ мои восхищенiя. Одинъ грѣхъ мой заслуживаетъ источки слезъ: ибо одно преступленiе навѣки меня осуждаетъ. Могу ли же я довольно оплакать безчисленные свои беззаконiя? могу ли довольно совершивъ соболѣзнованiе о грѣхахъ безмѣрныхъ и паче власъ главы моей къ горшему злощастiю моему приумноженныхъ?

Л 4

Я

Я заслуживаю адъ. При семъ неуспѣшномъ помышленіи смущается душа моя предъ побою, Боже! смущается, повергаясь къ стопамъ правосудія твоего; смущается, не смѣя ниже воззрѣть на величіе Твое, ниже что либо къ тебѣ проглаголани, развѣ едиными воздыханьми. Призри на оныя, яко на жертву чистѣйшую и искреннюю, какую только можешь принести тебѣ отъ своея благодарности и сокрушенія согрѣшающей. Но...

Я не знаю, не заслуживаю ли я и въ настоящее время ада? какъ! — Я знаю, что согрѣшилъ смертно, и не знаю, принесъ ли покаянiе во грѣхѣхъ томъ, покаянiе истинное, чистосердечное, соразмѣрное величеству пресупленія моего, могущее укротить гнѣвъ Божій и возвратитъ мнѣ благодать пошерянную? Я знаю, что присуппалъ нѣкогда къ святилищу покаянiя: но не могу себя въ томъ увѣритъ, что присуппалъ къ святилищу сему съ должнымъ разположеніемъ, съ изслѣдованіемъ важности мѣста сего, съ соболѣзнованіемъ о своемъ недостойнствѣ, крашко, съ приличіемъ олшарю Господню. Естьли единое изъ сихъ правилъ я нарушилъ: то грѣхъ мой мнѣ неопущенъ, а когда шакъ, то
я

я совершенно и по сіе время пребывая въ состояніи грѣшномъ, дѣйствительно заслуживаю адъ. Последнее несчастіе бысть всегда неизвѣстнымъ въ разсужденіи исполненія должностей, необходимо нужныхъ къ спасенію душевному! Сіе служивъ къ твердому сведенію о томъ, что я заслуживаю адъ каждую минуту. Какая гибель протѣвлять Бога и погублять неоцѣненное сокровище, — благодать Его! Блаженная и преблаженная та душа, которая всегда сохранила залогъ саванни, или обязанности исповѣданія своего! блаженны младенцы, которыхъ преждевременная смерть восхитила отъ міра сего вскорѣ по крещеніи ихъ, и прежде, нежели они имѣли несчастіе заразиться смертоноснымъ ядомъ грѣховнымъ!

А что касается до меня, то я, потерявши посредствомъ грѣхопаденій своихъ благодать Божію, не знаю, улучу ли оправданіе? Не знаю, когда исповѣдую законъ и Вѣру? Въ сіе самое время не живу ли во грѣхѣ ожесточенія, во грѣхѣ, по которому въ сію самую минуту достоинъ ада?

Ужасная неизвѣстность, въ шрепетъ приводящая на земли самыхъ праведниковъ, извлекающая изъ очей

ихъ множество слезъ, изъ сердець множество воздыханій и воплей! не знаешь совсемъ, достойны ли мы любви или ненависти, не знаешь совсемъ, чпо мы предъ очами Божіими представляемъ изъ себя сыновъ благоугождающихъ, или рабовъ гнѣва, не знаешь совсемъ, на краю ли мы стоимъ ада, и уже готовы въ оный низвергнуться, или опдалены отъ сей опасности; иако-го положенія нѣтъ мучительнѣе. И когда святые содрогались и трепетали взирая на сіе состояніе, святые, которые излили испочники слезъ, произвели множество стenanій, перенесли строгае умерщвленіе страстей и плоти: но какія мнѣ должно имѣть чувствованія въ разсужденіи сего состоянія, мнѣ сотворшему безчисленныя беззаконія, но ни мало неудовлетворившему чрезъ раскаяніе правосудію Божію?

Однако находится еще положеніе, помянушаго несравненно ужаснѣйшее: я не знаю, не буду ли я нѣкогда навѣки низвергнутъ во адъ и пріобщенъ къ числу осужденныхъ? Весьма нужно о семъ жалѣть и сего спрашивая, дабы согрѣшивши не сказать, чпо уже не можно ни чрезъ какія средства получить прощенія: ибо *отгнаніе*
есть

есть послѣдняя крайность: да не мѣнѣе шакже намъ должно опасаться и покаявшись: ибо пусть мы увѣрены съ одной стороны, что согрѣшивши принесли истинное покаяніе, что о беззаконіяхъ своихъ возымѣли сердечное соболѣзнованіе, что отъ нечистоты душевныя очистились посредствомъ божественныхъ таинъ; словомъ, пусть мы увѣрены, что всѣ грѣхи наши прощены намъ, что мы взошли въ союзъ примиренія съ Богомъ, и живемъ уже въ царствѣ благодати его: но не смотря на все сіе, все еще мы неизвѣспны, что не будемъ ли нѣкогда во адъ низвержены. По чему? Ибо сколько мы ни были бы тверды въ обладаніи даромъ благодати Господней; все еще въ томъ сомнительны, сбережемъ ли его до конца жизни? Не пошеряемъ ли его прежде, нежели скончаемся? И точно ли пребудемъ вѣрными до послѣдняго издыханія?

Истинно, что мы должны всего ожидать отъ милосердія Божія, а наипаче, еспьли со времени рожденія своего всегда старались жить по внушеніямъ благодати; еспьли въ продолженіи дней своихъ мы по человѣчеству упадали, и паки возспашь спѣшили,

шили; по сему можно надѣяться, что благодать Божія не оставитъ насъ и при послѣднемъ издыханіи, поддержитъ насъ во искушеніяхъ, не попустиитъ ослабѣть подѣ шягостію послѣднихъ сраженій: ибо таковъ есть обыкновенный порядокъ ея святаго Промысла. Но при семъ неизвѣстно ли также и то, что хотя всегда имѣемъ мы причину на что надѣяться, однако при семъ ни на что не смѣемъ положиться совершенно и твердо, что хотя всему мы можемъ предпочиташь силу благодати Божіей; но до конца жизни не осмѣлимся жить, полагаясь на оную, во всякой безопасности. По сему - то никто и ничего достоверно о будущемъ жребіи своемъ не знаетъ; по сему - то великіе святые, души весьма праведныя, многіе исповѣдники часто и чистосердечно кающіеся, всегда будущія неизвѣстности трепетали. Что убо случилось со мною, когда я весьма далекъ отъ ихъ святости? Со мною, сошворимъ грѣховъ множество, а покаянія очень мало?

При воображеніи сихъ высокихъ и спрашнхъ истинъ, истинъ непреложныхъ по предувѣренію нашего исповѣданія, какія священныя чувствованія

ванія должны бытъ начертаны на скрижалѣхъ моего сердца? Чувствованіе соболѣзнованія, благодарности, боязни и упованія на безконечную благоспѣ. Пріими, Боже, отъ обращающіяся къ тебѣ души чувствованія сіи, чувствованія, швоею же благодатию сообщенныя. Мы обязаны открывать предъ Богомъ *соболезнованія* въ томъ, что споль часто грѣхами своими заслуживаемъ адъ, грѣхами великими и безчисленными, грѣхами, не смотря на множество даровъ благодати его отъ начала юности нашей по сіе время пріумножающимися. Мы обязаны приносимъ Богу *Благодареніе* за то, что онъ не восхишилъ еще насъ отъ міра сего и во адъ не низвергъ, когда я, не исправляясь въ плачевномъ положеніи грѣховномъ, весьма достоинъ праведнаго гнѣва его и недостоинъ ниже жалѣйшаго знака милосердія его. Мы должны испытать въ себѣ *боязнь* и ужасъ видя опасность къ грѣхопадению, опасность, въ которую вдавшись легко можемъ поперять оправданіе свое и спасеніе. А дабы неослабнѣ преуспѣвать намъ въ благочестіи, для сего нужно возлагать *упованіе* наше на неизреченную благоспѣ Человѣколюбца, которая, когда мы общаемся кона

ви-

видѣть грѣхъ, рѣшительно распола-
гаемся не шворить беззаконій, сильна
упвердимъ насъ въ семъ свяшомъ пред-
пріятіи до послѣдняго издыханія.

Праведный Сердцевѣдецъ! я сознаюсь
въ правдѣ сей, что я заслужилъ адъ,
заслужилъ тысячекратно; Ты може-
ши низвергнуть меня въ оный право-
судно, и въ такомъ случаѣ я одинъ
буду виновникомъ своей гибели и
вѣчнаго злощасія. Я заслужилъ
его паче, нежели все безчисленное
множество прочихъ, которые осужде-
ны на казнь сію. Однако не преспаю
еще до днесь восхваляшь неизреченное
ко мнѣ Твое милосердіе; ибо что я
до днесь не пріобщень еще къ числу
отъ любви швоей оплученныхъ, симъ
долженъ Твоему милосердію. Восхва-
ляю и въ вѣки не преспаю благосло-
вляшь Пресвятое имя Твое: ибо я си-
лою благоспи Твоей уповаю совершить
неослабно теченіе Вѣры, понести
даже до смерти всѣ подвиги оправ-
данія, надежно соблюспи себя отъ грѣ-
ховъ, и безбоязненно поддержать себя
въ рѣшимости, какую предпріялъ въ
вѣчное швращеніе и избѣжаніе всякаго
шудодѣянія. Не попусти, Премудрый
Создатель! чтобы душа моя, которая
по искупленію Новозавѣшному, столь
доро-

дорого тебѣ стоить, которая отъ купѣли получила безчисленныя Твои милости, которая создана на то, чтобы хвалишь величїе щедротъ Твоихъ вѣчно, была на послѣдокъ доведена до того, чтобы тебя, неизбѣясимое Благо, чрезъ все бышіе ненавидѣла, злохулила. О Всесильный! исхищи лучше насъ въ юности дней нашихъ отъ міра сего, нежели чтобы такое злощасїе постигло кого либо на вѣки.

НАСТАВЛЕНІЕ ХХІІ

О

Справедливости вѣчныхъ мукъ.

Многіе отвергають вѣчность огня будущаго, многіе не допускають нескончаемость адскихъ мученій, и въ такомъ суевѣрїи силятся ложныя мудрости и вавелы Бога самаго, есѣли можно такъ выразить, постыдишь въ нѣкоторой несправедливости.

Отчаянные грѣшники, для мнимой безопасности во грѣхахъ своихъ, отвергають вѣчныя наказанія; они говорятъ, что несообразно съ Божїимъ величїемъ, правосудїемъ и милосердїемъ бы-

бытїе злѡщастныя вѣчности: но мы разсмотримъ недѣлыя ихъ мнѣнїя нѣсколько подробнѣе, и изъ того познаемъ справедливость вѣгныхъ наказанїй.

„Богъ есть существо высочайшее, „говорятъ прошивники: и такъ свой- „ственно ли ему заниматься тѣмъ, „что творять ничего незначащее „человѣки? Онъ самъ по себѣ пребла- „женъ: какая по сему нужда входить „ему въ состоянїе низкихъ и малыхъ „сосудовъ? Погибають они, или жи- „вуть въ цѣлости? Благоденству- „ють, или претерпѣвають злѡщастїе „и бѣдность? Изнемогая зелье вѣдять, „или, послѣдуя незазирающей совѣсти, „во всемъ исполняютъ стремленїе сво- „ихъ желанїй? Словомъ, ведутъ себя „честно или безчестно? Живуть добро- „дѣтельно или беззаконно? „

Обманывающїеся мечтанїями сво- ими прошивники! Раскройте священные книги божественнаго писанїя; прочтите достойнѣйшїя особеннаго внима- нїя пророчества; вы узрите за двѣ тысячи лѣтъ, или еще прежде, сомнѣ- нїя свои рѣшенными отъ Святаго Духа. Вотъ точныя глаголы писанїя: „О Из- „раиль! смѣешь ли ты помышлять, „можешь ли говоришь о Іаковѣ, будно „Богъ не знаетъ путей твоихъ, будно „Вышнїй

„Вышній не имѣетъ причины зани-
„маться швоими дѣлами, а шѣмъ паче
„судитъ оныя? *Еда рѣгеси Іаковъ, и*
што глаголаѣ еси Израилю: утѣися путь
мой отъ Бога, и Богъ мой, судъ отъя,
отступили? ()* Не слышалъ ли шы отъ
отцеуъ своихъ, что *Вѣсный*, устроивъ
вселенную, сѣдитъ на престолѣ пре-
выше Небесъ, и примѣчаетъ вся подъ
стопами своими на земли бываемая?
Возведи очи свои горѣ и познай, кпо
управляетъ чиномъ свѣпилъ небесныхъ,
не заимствуя ни отъ кого другаго ни
мудроспи, ни силы? Познай, кпо дви-
жетъ кругомъ вселенныя? Есть ли
Богъ одушевляетъ всяческая въ мѣрѣ:
по можешъ ли Онъ не созерцать, чпо
въ мѣрѣ происходитъ? Можетъ ли,
обитаяй въ душахъ нашихъ, не знаеть,
что они исполняютъ? — Грѣшникъ
для того шолько праведное Божество
почишаетъ отъ себя весьма отдален-
нымъ, дабы смѣлѣе содѣвашъ беззаконіе.
Однако и сей при случаѣ не знаеть
ли, кпо ему даровалъ бытїе жизнь и
движеніе? Изъ человекъ кпо бы и какъ
порочень ни былъ, не лзя, чтобы совсемъ
испробилъ понятїе о Творцѣ своемъ?

Часть I.

М

Какъ

(*) Исх. ХІ. 27.

Какъ же нѣкоторые желаютъ, чтобъ сотворившій очи для зрѣнiя, уши для слышанiя, уста для словесности, разумъ для знанiй, сердце для любви добродѣтели, не вникалъ въ дѣйствiя сихъ человѣческихъ способностей? Какъ можно не знать пому помышленiй нашихъ, ошъ кого успроечно хранилище мыслей? Какъ не знать пому дѣянiй нашихъ, кпо каждую минушу назираетъ бытiе наше? Очи Господни призираютъ и на злая чело-вѣковъ.

Безъ сомнѣнiя, когда мы понимаемъ Бога пресовершеннымъ; тогда мы почитаемъ Его такимъ Существомъ, ошъ котораго ничто не можетъ быть скрыто и утаено, которое видитъ внутренняя и мгновенная въ сердцахъ человѣческихъ; видитъ не токмо дѣянiя, но самыя намѣренiя; видитъ, и сіе его не упруждаетъ. Смертные, судя по слабости своего ограниченнаго разума, думаютъ также и о Богѣ, думаютъ соблажняясь — „что де не ну-
жно заниматься Существо Преблаго-
му необъемлемою подробностiю дѣя-
нiй, предпрiятiй и желанiй всякаго
возраста, состоянiя и пола чело-
вѣческаго:“, но кому вы меня уподоб-
ляете,

Ему, чтобы познать всяческая, спонить токмо познать себя самага, или лучше возрѣшь токмо на себя самага. И такъ не говорите, противники, будто неприлично или излишне есть для Бога заниматься тѣмъ, что творящъ человекѣки. Свѣденіе его обширнѣе, нежели сколько безчисленны дѣянія смертныхъ, разумъ несравненно прозорливѣе, нежели сколько хитры грѣшники въ прикрытіи неправдъ своихъ, и правосудіе его безконечно свящѣе, нежели сколько считаютъ себя невинными дерзновенные преступники, или сколько ласкаются въ злобѣ своей быть ненаказанными.

„Но сообразно ли съ благостію безконечною за минувшныя преступленія осуждать немоущихъ тварей на вѣчное мученіе? Вѣчное правосудіе не должно ли хранить праведную соразмѣрность между преступленіями и наказаніемъ?“ — По сему неправеденъ Богъ вашъ, чада Израилевы? Всели доме Иаковль: путіе мои суть ли путіе неправды, или спези ваши суть спези развращенны? Всѣхъ души въ десницѣ моей; но душа грѣшника погибнетъ сама по себѣ: нечесіе бо нечесливаго падешъ на главу его. Азъ по

но себѣ не прилагаюся гнѣву; но уязвляющіе и раздирающіе сердце мое, яко песокъ, сокрушающа подѣ ногама моима. Азѣ попопивый нѣкогда беззаконныхъ, пошлю огонь съ небесе, да поястѣ люди неправедные. Испытуяй сердца и утробы воздастѣ нѣкогда коемуждо должная по дѣламъ его. Тако глаголетѣ Духъ Свяшый на многыхъ мѣстахъ священнаго писанія не входя ни въ какой совѣстѣ съ оправдывающимися грѣшниками. Да и напимѣ ли помышленіямъ измѣрятѣ судьбы Божїи?

Однако, чпобѣ всѣ вѣрили и не сомнѣвались о справедливости вѣчныхъ мученій, Богъ воскошѣлъ въ словѣ своемъ отккрытъ двѣ шому главныя причины. Первая изѣ нихъ состоитѣ въ томъ, что унаслѣдившіе адѣ неудобны уже будущѣ удовлетворитѣ за свои беззаконія: ибо *во адѣ никто же и словѣстѣся*, а все удовлетвореніе правдѣ Божией бываетѣ на земли чрезѣ заслуги Хрїстовы. Осужденные не будущѣ имѣтъ никакой части въ залогѣ благодатнаго оправданія; ибо какое можетѣ быть сообщеніе между Исусомъ Хрїсомъ и Веліаромъ? Никакое не можетѣ быть соединеніе даровъ не-

бесныхъ съ злобою сыновъ преисподнихъ; никакой взглядъ благоутробнаго Человѣколюбца не пройдетъ сквозь непроницаемую тму, опдѣляющую праведныхъ отъ неправедныхъ; никакая искра любви Превѣчнаго Слова не освятитъ спраждущихъ во странѣ смертной; ни единая капля крови Хрїсстовой не успудитъ пламени огня вѣчнаго, словомъ, для осужденныхъ не будетъ уже Ходашая, слѣдственно не будетъ уже и избавленія. Познаемъ убо изъ сего, сколь драгоцѣнно для насъ умѣть въ жившѣ своемъ пользоваться заслугами Хрїстовыми, умѣть наслаждаться ими тогда, когда они для насъ опверсны и дѣйствительны, а по смерти нѣсть благодати избавленія осужденнымъ.

Вторая причина, удостовѣряющая насъ въ справедливости вѣчныхъ мученій есть слѣдующая: и разумъ и писаніе доказываютъ, что осужденные во адѣ всегда будутъ грѣшны, слѣдственно вѣчно будутъ мучимы; всегда будутъ прилѣплены къ своимъ беззаконіямъ, прилѣплены жестокосердо; а по сему Богъ истинный не преспанно ихъ будетъ наказывать и наказывать правосудно. „Но какое пра-
„восу-

„восудіе за минушныя прегрѣшенія
наказывать безконечными мученіями?
„ми?“ Подлинно! минушны беззаконія согрѣщающихъ; наши сладострастные прихоти споль скоро преходящъ, наши съ обидою обрѣцаемыя почести споль скоро исчезающъ, наши неправедныя спяжанія споль скоро прошекающъ, что мы почти и не видимъ бытія сихъ преступленій: но при всей ихъ скорой гиблемости и ничтожествѣ не лзя намъ не знать, что не *долговременность* осшавляетъ мѣру, величіе и гнусность преступленій, не *продолжительность* придаетъ важность беззаконіямъ, но впаденіе наше изб одного грѣха въ другой *намѣренное*, впаденіе, обращающееся въ навикъ и какъ бы въ самую природу; съ другой стороны *качество* озлобленія всегда должно быть судимо по отношенію *къ лицу*, которое озлоблено. По сему естли раздраженное *лице* безконечно велико; то преступники, раздраживши его, заслуживающъ безконечное наказаніе. Истинная соразмѣрность между преступленіями и наказаніемъ не можетъ быть никогда истинною, естли будетъ нарушаема справедливосшь сказаннаго предположенія.

Кромѣ сего согласимся, что правду наносящъ проинивники, когда говорящъ, что ихъ преступленія минушны: но онѣ минушны по отношенію къ намъ, а не къ Богу. Ибо пусть иногда незаконное дѣйствіе скоро пропекаешъ: но отъ него часто сердце человѣческое на всегда дѣлаешя поврежденнымъ? Грѣхи наши въ очесѣхъ другихъ и другихъ въ очесѣхъ нашихъ исчезаютъ скоро; но они предъ Всевидящимъ окомъ, для котораго нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, *вѣчно живы*; да и къ намъ во отношеніи не всегда ли сіе бываетъ, что склонность ко грѣху измѣняешя непреборимо въ самое дѣйствіе; дѣйствіе укоренившисъ обращаетъ въ кровь такъ, что грѣхъ въ мертвенномъ шѣлѣ нашемъ начинаешъ царствовать до гроба, а нерѣдко и на всю вѣчность? Древо гдѣ падешъ, тамо и пребудешъ: тако и человѣкъ куда преселился по смерти, тамо и пребудешъ вѣчно. Наслѣдившіе адъ не избавятся отъ него: ибо во адѣ нѣсть уже исповѣданія; а слѣдственно и помилованія. Осужденные вѣчно преклонны будущъ ко злу, и вѣчно за оное будущъ казимы. Сии вѣчно будущъ, яко бѣснующыя непре-
слан-

спанно неистовствовашь, и такъ всегда
достойно будутъ содержимы во узахъ.
О сихъ - то участникахъ Праведнаго
гнѣва Божія свидѣльствуется: *сїи
суть души, иже местию и яростию своею
утвердиша раны своя* (*).

Подлинно! сїи - то злощасные грѣш-
ники чѣмъ праведнѣе понесутъ нака-
заніе, тѣмъ паче оказываютъ себя не
преспанутъ въ злобѣ своей ожесточен-
ными. Ихъ уста исполняются злохуле-
нія имени Божія, ихъ очи исполняются
огнемъ зависши въ разсужденіи наслѣ-
дія обипающихъ съ небесными силами,
ихъ сердца распорены будутъ желчію
ненависти въ разсужденіи всякія прав-
ды. Они вѣчно станутъ вооружашься
противу истины, и истина вѣчно ихъ
будетъ наказывать. *Сїи - то суть души,
иже яростию своею утвердятъ раны своя.*
Они паче и паче окаменѣлыми пред-
ставляясь въ ожесточеніи своемъ, и по
сему клятва, по достоянію на нихъ
упадшая, не скончается въ роды и ро-
ды. По сему нераскаянію вмѣсто при-
зыванія милосній Господнихъ, они са-
ми будутъ требовать горнихъ нака-
заній правды его. „Величайшее изъ
„ всѣхъ

(*) Сір. XXXIX. 34.

„всѣхъ мщеній для живущихъ во адѣ
„будетъ непреоборимая наклонность
„къ содѣяннѣмъ беззаконіямъ,, поучаетъ блаженный Августинъ, и справедливо! Всегда желать грѣшитъ и грѣшитъ ожесточенно, такое состояніе можетъ ли быть радостно и оправдано? Нераскаяннымъ беззаконникамъ сообщая дары милостей своихъ есть дѣло со стороны вѣчнаго правосудія со всемъ не возможное.

И такъ для чего намъ не довѣрять событію вѣчныхъ мукъ за минувшія грѣхи свои, по одному токмо нашему ложному воображенію минувшія? По наружности судя, злодѣянія наши, кажется, оканчиваются скоро и исчезаютъ; но сѣмя зла, укоренившееся глубоко въ сердце нашемъ, всегда возобновляетъ ядовитый и пагубный плодъ свой. Но умолчавъ о нескончаемыхъ слѣдствіяхъ грѣхопаденій предспавимъ себѣ, есть ли мы имъ мало не сомнѣваемся о полученіи вѣчныхъ наградъ за крапкія такъ же свои добродѣтели: по можно ли уже отвергать вѣчное наказаніе за грѣхи наши? Праведенъ Господь въ дѣлахъ своихъ. „Но, *можетъ* „*быть*, скажутъ на конецъ прошивники, „*можетъ* *быть* благость Божія на наши
„каж-

„казни умилосердился, *можетъ быть*
„кровь Искушителя не попустишь
„безопрядно во вѣки мучишься ча-
„дамъ своимъ? „ О смертные! доколѣ
будемъ надѣяться на *можетъ быть*?
доколѣ будемъ погублять спасеніе на-
ше? *Можетъ быть* неизвѣстно, а извѣ-
стно, что унаслѣдившіе адъ не спасу-
тся: по сему доколѣ согрѣшая намѣрен-
но пребудемъ въ покоѣ и въ безопасно-
сти? Гдѣ наше благоразуміе? Для снис-
канія корыстей временныхъ, мы вхо-
димъ въ подробность каждою дѣла,
разсмаприваемъ его со всѣхъ сторонъ
основательно: но что касается до вѣч-
ности, мы смолчимъ на оную завязан-
ными глазами; судимъ о благихъ ея
подобно младенцамъ, всему не довѣряя,
или полагаясь на единое *можетъ быть*.

Неукротимая во гнѣвѣ своемъ прав-
да вѣчная! поелику источникъ мило-
стей твоихъ ниже единою каплею
оживотворитъ когда-либо души му-
чимыя во адѣ: то не попусти насъ,
чтобъ мы злоупотребивъ дары твои
доспигли до поль плачевнаго состоя-
нія! Осужденные, любя нечестіе свое,
никогда съ твоею соединишься не мо-
гутъ: ибо свѣтъ мраку и мракъ свѣ-
ту, добродѣтель пороку и порокъ доб-
родѣ

родѣтели вѣчно будутъ проливны. Но Ты, неизслѣдимая благоспей пучина, сотвори, что бы согрѣшающіе на земли испытали адъ для избавленія ада вѣчнаго! устрой безконечнымъ своимъ милосердіемъ, чтобъ избранные, погрѣшая предъ тобою, обращались на покаяніе, и тако не судь, а милости твои прославили бы во вѣки!

Конецъ первой Части.

